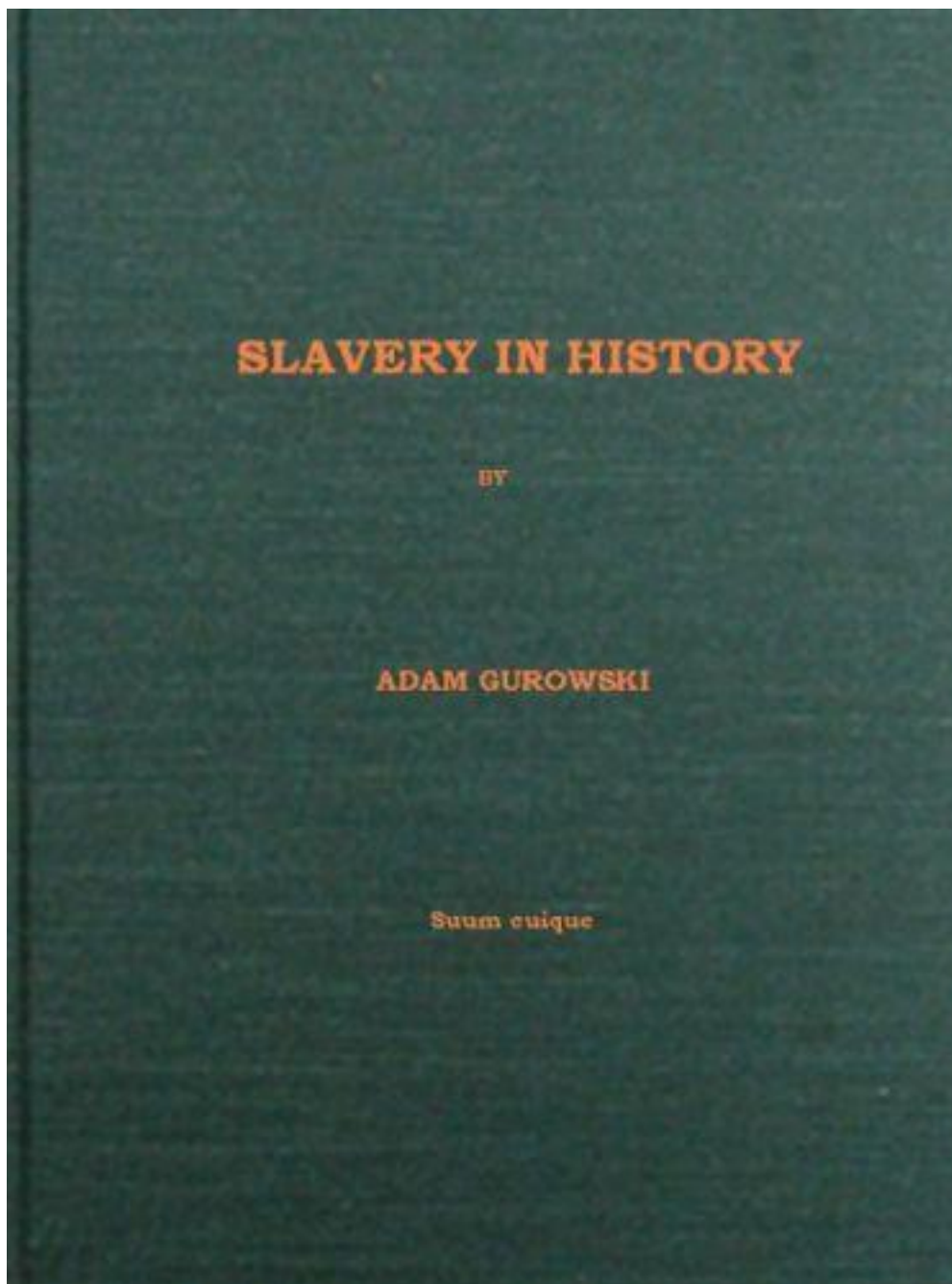

Рабство в истории

Адам Гуровски

The Project Gutenberg eBook of Рабство в истории.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Рабство в истории

Автор: Адам Гуровски

Дата выхода: 20 ноября 2018 [eBook #58314]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено deaurider, Graeme Mackreth и Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе изображений, предоставленных электронной библиотекой HathiTrust).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK РАБСТВО В ИСТОРИИ ***

РАБСТВО В ИСТОРИИ,

BY ADAM GUROWSKI.

Suum cuique.

NEW YORK:

PUBLISHED BY A.B. BURDICK.

145 NASSAU STREET.

1860.

Внесено в соответствии с Актом Конгресса в 1860 году
АДАМОМ ГУРОВСКИ,
в канцелярию Окружного суда Соединенных Штатов Америки по
Южному округу Нью-Йорка.

Моему другу

ДЖЕЙМСУ С. УОДСВОРТУ,

ИЗ ГЕНЕЗИО.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТРАНИЦА

Введение vii

I.

Египтяне 1

	II.	
Финикийцы		17
	III.	
Ливийцы		27
	IV.	
Карфагеняне		31
	V.	
Евреи, или Бени-Исраэль		35
	VI.	
Набатей		63
	VII.	
Ассирийцы и вавилоняне		69
	VIII.	
Мидяне и персы		75
	IX.	
Арии-индусы		81
	X.	
Китайцы		89
	XI.	
Греки		97
	XII.	
Римляне-республиканцы		125
	XIII.	
Римляне-политические рабы		149
	XIV.	
Христианство: его церкви и вероучения		165
	XV.	
Галлы		173
	XVI.	
Германцы		183
	XVII.	
Лонгобарды-итальянцы		199
	XVIII.	
Франки-французы		207
	XIX.	
Бритты, англосаксы, англичане		223
	XX.	
Славяне, славонцы, рабы, русские		233
	XXI.	

Впервые в летописи человечества домашнее рабство, или система рабства и торговли людьми, возведена в ранг религиозного, социального и политического вероучения. У этого нового вероучения есть свой тауматург, свои храмы, свои алтари, свое богослужение, свои прорицатели, свое богословие, свои фанатичные приверженцы; у него есть свои моралисты, свои сциентисты и сентименталисты, свои государственные деятели и публицисты. Статьи этой новой веры проповедуются и исповедуются сенаторами и представителями в высших советах американского народа, а также в законодательных органах соответствующих государств; они смело провозглашаются прессой, ораторами на трибунах и общественными миссионерами; одним словом, эта новая вера заслоняет собой все религиозное, социальное, интеллектуальное, политическое и экономическое существование значительной части Республики.

Менее ревностные ученики считают домашнее рабство делом исключительно практическим, а тех, кто противоположного мнения, - заумными теоретиками; а историю перелопачивают для того, чтобы оправдать настоящее прошлым.

Что ж: история содержит *все* доказательства - многочисленные и решающие.

Утверждается, что домашнее рабство всегда было конструктивным социальным элементом: история показывает, что оно всегда было деструктивным. История авторитетно подтверждает тот факт, что рабство - это самая разъедающая социальная болезнь, причем такая, которая наиболее фатально действует на рабовладельческий элемент в обществе.

Не болезнь, а здоровье - нормальное состояние физического организма человека: не угнетение, а свобода - нормальное состояние человеческого общества. Законы истории столь же абсолютны, как законы природы или гигиены. Как отдельный человек не может безнаказанно нарушить гигиенический закон, как природа *всегда* мстит за всякое отступление от своего вечного порядка, так и народы и общества не могут спокойно отступать от законов истории, тем более безнаказанно нарушать их. История убедительно доказывает, что рабство не является одним из естественных законов человеческой расы, так же как болезни и уродства являются нормальным состоянием человеческого организма.

История доказывает, что рабство не сопутствует человеческому обществу и не является его неотъемлемой частью, а является следствием социального расстройства и разложения. Самый здоровый физический организм может при определенных условиях развиваться изнутри или заразиться извне болезнями, которые, так сказать, сопутствуют творению и которые вечно витают над животным миром. Болезнь также может быть острой или хронической, в зависимости от условий или предрасположенности организма. История учит, что домашнее рабство может порой поражать самый здоровый социальный организм и развиваться, подобно другим социальным расстройствам и преступлениям, так сказать, в самом чреве нации. Как тенденция крепкого здоровья заключается в предотвращении физических отклонений и болезней, так и тенденция общества в его наиболее возвышенной концепции заключается в предотвращении, ограничении, нейтрализации, если не в полном искоренении, всех социальных нарушений. Не разврат и болезнь, а чистота и добродетель являются нормальным состоянием индивида: не угнетение, а свобода является нормальным состоянием общества.

Некоторые исследователи и философы обнаруживают идентичность между прогрессивным развитием человеческого тела и различными стадиями человеческого общества - начиная с эмбрионального состояния обоих. Не одна поразительная аналогия, безусловно, прослеживается между физиологическими и патологическими законами, а также моральными и социальными принципами, которые должны соблюдаться человеком как в отдельности, так и в совокупности, называемой обществом. Так, некоторые из патологоанатомических аксиом, установленных Рокитанским^[1] (величайшим из ныне живущих патологоанатомов), в равной степени подтверждаются историей народов.

"Ни одна формация не способна стать больной в одном или нескольких отношениях. Несколько аномалий, сосуществующих в одном органе, обычно находятся друг с другом в отношениях причины и следствия. Так, отклонение в текстуре определяет отклонение в размере, в форме".

На следующих страницах будет показано, что нации и сообщества могут стать больными во многих отношениях; и что пропорционально тому, как их социальные структуры отклоняются от нормы, они становятся все более и более деформированными и деморализованными.

"Все аномалии организации, связанные с какими-либо анатомическими изменениями, проявляются как отклонения в количестве или качестве органического творения, или же как механическое разделение непрерывности. Они сводятся к нерегулярному количеству, размеру, форме, непрерывности и содержанию".

Угнетения, тирании, домашнее рабство, скотство - это многочисленные механические разделения непрерывности, которая в социальном органическом творении является свободой.

"Общая болезнь порождает самые различные органы и структуры в соответствии с их врожденными, общими или индивидуальными тенденциями, либо спонтанно, либо под воздействием какого-то непреодолимого внешнего импульса, местного поражения, которое отражает общую болезнь в своеобразии ее продуктов. Общая болезнь становится локализованной и, так сказать, представленной в местном поражении".

Насилие и угнетение порождали различные и своеобразные формы рабства, пока почти все они не закончились скотством, которое многие склонны рассматривать как типичное заболевание определенных рас и народов. Иллюстрацией тому служат упадок Греции и Рима в прошлом, Россия на наших глазах.

"Общая болезнь нередко находит в своей локализации вечный очаг деривации, при кажущейся целостности организма в других отношениях".

Так и народы, зараженные рабством, тем не менее переживали блестящие эпохи своего существования; и эта "*кажущаяся целостность организма*" вводит в заблуждение многих, кто иначе не был бы расположен к рабству, и делает их безразличными к его существованию.

"Если в одном человеке сосуществуют несколько болезней, они частично являются *первичными*, частично - *вторичными* и подчиненными, хотя и гомологичными первым".

Так много зол - удел человеческого общества, но почти все они вторичны и подчинены угнетению, насилию и рабству.

"Исход местного заболевания в здоровье состоит либо в полном восстановлении нормального состояния, либо в частичном выздоровлении; большее или меньшее количество важных остатков и последствий болезни, несравнимых с удовлетворительным состоянием здоровья, остается за собой".

История медленного выхода постримской Европы из домашнего рабства оправдывает применение этой патологической аксиомы к социальному состоянию наций.

"Выдача при смерти: 1. Через истощение сил и органической материи".

История республиканского, но прежде всего императорского Рима показывает, что его упадок и гибель были вызваны угасанием свободы, свободного труда и свободной йомены, которые в каждом государстве составляют *силу, органическую материю* нации.

"2. Через приостановку функций органов, необходимых для жизни, через паралич и т. д.".

Когда трудящиеся классы порабощены, жизнь нации быстро парализуется.

"3. Через витализацию крови".

Как кровь для животного организма, так здоровые социальные и политические принципы для общества. Когда такие принципы ослабевают, нация становится на путь упадка и гибели.

"Самый страшный порок никогда не бывает настолько аномальным, чтобы не слышать общего характера животной жизни и т. д. Даже отдельный орган никогда не отходит от своего нормального характера настолько полно, чтобы при даже самом большом уродстве этот характер не мог быть познан".

Так часто поработитель и рабовладельческое сообщество могут сохранять *некоторые* черты нормального человеческого характера, несмотря на произведенное "уродство".

"Чрезмерное развитие одной части обуславливает несовершенное и замедленное развитие другой, и наоборот".

Так олигархическое развитие тормозит рост и развитие трудящихся классов, будь то белые или черные: оно препятствует или тормозит развитие культуры и цивилизации отдельных людей и сообществ.

"Как ни разнообразны и многообразны формы чудовищ, некоторые из них повторяются с таким единообразием, что образуют регулярный ряд".

История показывает, что, как ни разнообразны другие социальные чудовища, домашнее рабство всегда повторялось с сыновним единообразием типа.

"Генезис пороков развития в человеческом организме до сих пор покрыт мраком, несмотря на определенный прогресс в науке".

Социальная *тератология*, или наука об уродствах, легко прослеживает происхождение и генезис домашнего рабства.

Добросовестное изучение записей ушедших народов, а также событий, ежедневно наблюдаемых в течение десятилетия, привело к появлению следующих страниц. Они завершают то, что я говорил о рабстве несколько лет назад.^[2] Как тогда, так и сейчас, я почти не знаком с литературой против рабства в любом ее проявлении. Я старательно искал информацию в литературных и политических произведениях писателей, поддерживающих рабство. Помимо законодательных актов, политических дискуссий и резолюций Конгресса и законодательных органов различных рабовладельческих штатов, а также посланий их губернаторов, я читал все, что попадалось мне под руку, даже проповеди, груды "Де Боу'с ревью" и "Флетчеровских исследований о рабстве".^[3] Ах!..

В течение многих лет богатые ресурсы библиотеки Астора облегчали мои общие исследования, а информация, которую я искал и находил, пополнялась благодаря добрейшей либеральности доктора Коггсвелла и всех его помощников.

А теперь позвольте истории развернуть свои записи.

ССЫЛКИ:

^[1] Руководство по патологической анатомии, Карл Рокитанский, доктор медицины. Перевод с немецкого Эдварда Свейна, доктора медицины, члена Королевского колледжа врачей.

^[2] "Америка и Европа", гл. X.

^[3] Среди нейтральных публикаций об американском рабстве наиболее примечательной и поучительной является работа под названием "Закон свободы и рабства в Соединенных Штатах" Джона Кодмана Хёрта.

РАБСТВО В ИСТОРИИ.

I.

ЕГИПЕТЯНЕ.

АВТОРИТЕТЫ:

Уилкинсон, Розеллини, Лепсиус, Улеманн, Ренан, Гуттшмидт, Бугш, Бирч, Де Руже, Бунзен и др.

В серых сумерках истории первым отчетливо вырисовывается *Египет* - страна чудес, стоящая на берегах "почтенной матери Нила". Египтяне уже образуют вполне развитую, органичную социальную структуру, а может быть, и могущественную нацию с богатой материальной и интеллектуальной цивилизацией, когда общепринятая хронология начинает писать лишь грубые цифры.

Для настоящего исследования безразлично, поднималась ли эта египетская культура вверх или вниз по течению Нила, была ли ее колыбелью Мероз, Элефантис, Сиена или Фивы, или же она впервые возникла и распространилась вокруг Мемфиса. Итак, первые завоеватели

Египта могли принадлежать к шемитскому или арийскому роду - возможно, они пришли из Азии через Суэцкий перешеек или Баб-эль-Мандебский пролив и Красное море, высадившись сначала в Абиссинии или Нубии; или, возможно, первобытные цивилизаторы долины Нила были автохтонами, которых завоевали иноземные захватчики. Как бы там ни было, египетская цивилизация и культура явно несут на себе отпечаток коренного развития.

Основатели египетской гражданской, социальной и религиозной государственности считали сельское хозяйство самым священным занятием смертных, превращающим бродячего дикаря в цивилизованного человека. Именно божественный Осирис впервые научил людей искусству обработки земли, если вообще не был его изобретателем. Но бог не сковывал земледельца, и египетский плуг не был осквернен руками раба.

Первые лучи истории показывают Египет, густо покрытый фермами, деревнями и городами, разделенный на районы (*номы*), поселки и коммуны - каждый из которых имел свое божество, и каждый, скорее всего, был самоуправляемым или, по крайней мере, самоуправляющимся: все это в самую раннюю эпоху, до первых династий фараонов, и до разделения населения на касты.

Разделение населения на *касты*, каким бы разрушительным оно ни было для роста индивидуальности и высшей свободы человека, не является ни домашним рабством, ни скотством. Изначально эти деления и подразделения заключались просто в обучении людей специальным профессиям и функциям и воспитании в них особых идей; но не в том, чтобы сделать одну касту собственностью другой. Кастовые градации не представляли собой никакой формы рабовладения.

Главными кастами были князья, или фараоны, жрецы, воины, а затем купцы, ремесленники, земледельцы и пастухи; и каждая из них имела множество подразделений. Вместе они руководили и выполняли все функции, занятия и производства, необходимые в хорошо организованной общине.

В святилище богов и перед верховной властью фараонов и закона жрец, военный или дворянин, торговец, ремесленник, поденщик, земледелец, пастух, даже свинопас (считавшийся самым низким и нечистым) - все были равны. Они образовывали, так сказать, круги, скорее независимые, чем охватывающие друг друга. Все касты обладали равными гражданскими правами, а к преступнику применялись одинаковые меры наказания, независимо от того, к какой касте он принадлежал. Короче говоря, в нормальной социальной структуре египтян не существовало класса, лишенного социальных и гражданских прав, которыми пользовались все остальные, или на который смотрели бы свысока, как на обязательно деградирующий или объявленный вне закона. Кроме того, разделение между одной кастой и другой не было ни абсолютным, ни непроходимым.

Владение землей было разделено неравномерно, но в основном оно распределялось между государем, жрецами и офицерами-солдатами. Последние были обязаны, в обмен на принадлежащую им землю, оказывать князю военные услуги - своего рода конфискация, подобная той, что возникла из хаоса, последовавшего за разрушением римского мира.

Крестьяне, земледельцы и йомены составляли основную массу коренного египетского населения. Крестьяне либо владели своими усадьбами, либо арендовали земли у царя, жречества или военной касты; они возделывали щедрую землю либо своими руками, либо с помощью наемных работников; при этом домашние рабы или скот были неизвестны.

Первопричину социальных потрясений и волнений всегда можно найти в каком-нибудь большом общественном бедствии: таким был знаменитый семилетний голод во время правления Иосифа, в результате которого в руках фараонов сосредоточилось множество земельных владений, и в основном это были фермы бедных йоменов. Но даже тогда в истории нет никаких следов того, что большая часть сельскохозяйственного населения была обращена в рабство. В экономическом и социальном плане их положение стало похожим на положение английского крестьянства в XVII и XVIII веках; и даже если оно в конце концов выродилось в нечто подобное положению феллахов, все равно это был просто политический гнет, а не рабство. Современные феллахи - крепостные, пользующиеся всеми естественными человеческими правами на вероисповедание, семью и собственность; их отделяет широкая пропасть от скотства современного рабства. Если, подобно этим феллахам, древние египтяне были вынуждены склониться перед произволом государя, то они, по крайней мере, не были личной собственностью владельца, который имел право произвольно распоряжаться ими по своему усмотрению или капризу.

Население, составлявшее египетскую нацию и входившее в эту градированную структуру каст, имело различное происхождение и происхождение, или, согласно общепринятой форме утверждения, принадлежало к различным расам. Но процесс смешения различных этнических элементов друг с другом шел непрерывно на протяжении почти бесчисленных веков исторического существования Египта, включая эпоху его наивысшего политического развития и самого яркого расцвета его культуры и цивилизации. В самый отдаленный период существования египетского общества три высшие касты отличались от остальных оттенком кожи, и некоторые этнологи и историки приписывают им шемитское или яфетическое (*то есть* арийское) происхождение. Но оптиматы были не белыми, а *красными*, и так они себя и считали, и называли. Все остальные касты - художники, архитекторы, купцы, механики, рабочие, моряки, земледельцы и пастухи - несомненно, принадлежали к африканской или негритянской группе.

Египет кипел активным промышленным населением, которое поставляло бесчисленное количество солдат в армию на протяжении долгих веков побед. История Египта охватывает долгий период экспансии. Между временами Рамзеса и Нехо прошло много веков, в течение которых египтяне завоевали Нубию, Ливию, и Сирию и дошли до Колхиды. Эти армии не могли быть набраны - и точно *не были* - из рабов; в последующих главах будет показано, что именно домашнее рабство в гораздо большей степени, чем политическое, вырывало жилы из оружия народов древности и делало беззащитными их государства, империи и республики. Если офицеры египетских армий были *краснокожими*, то рядовой состав, несомненно, принадлежал к роду негров. Геродот говорит, что "египтяне были черны и имели короткие, всклокоченные волосы", и что "череп египтян были гораздо толще, чем череп персов, так что их едва ли можно было разбить большим камнем, в то время как череп перса можно было разбить галькой". Таковы были элементы, столь многочисленные и столь разнообразные по оттенкам кожи или пигментам, составлявшие египетский народ, который сформировал общество, столь сильное и компактное, что на протяжении более чем сорока веков его влияние и существование представляют собой одно из самых значительных явлений античного мира. Эти гибридные элементы создали цивилизацию, называемую современными этнологами кушитской или хамитской, в отличие от шемитской и яфетической[4] (или арийской). Главными активными элементами этой цивилизации были художники, торговцы и рабочие. Она отличалась математическими и астрономическими науками, архитектурой, механическими искусствами и высокоразвитой администрацией. И эта Египетская или Хамитская цивилизация также предшествовала на многие века Шемитской и Арийской культурам.

Происхождение названий "*хамиты*" и "*кушиты*" уже давно является предметом многочисленных этнологических исследований, а сравнительная филология, которая доказала свою силу в решении бесчисленных расовых проблем, также подверглась сомнению. Вопрос в том, какими именами египтяне называли себя или свою землю, и какое значение они придавали этим именам? К-М (отсюда *Кам*, *Кем*, *Кеми*, *Чам*) означает "черная земля"; хотя, по мнению Шампольона, оно подразумевает "чистую землю"; другие же придают ему значение "скипетр". В любом случае, *Чам* означает "черный" в египетском языке и его древних диалектах - например, в фиванском и мемфисском, а также в коптском. Сам Египет его жители называли "черной землей" из-за внешнего вида его почвы; она была черной в отличие от *красной* земли (или *Дешер*, то есть "пустыни"), которая окружала долину Нила. Евреи заимствовали это слово у египтян и перенесли его из географического в этническое название - или, скорее всего, это применение было сделано последующими комментаторами древнееврейских писаний. Египтяне также не использовали название *Куш* (египетское *Kus*, *Kês-i-or*, *Kās*) для обозначения своей земли или народа. Как видно, они использовали его для обозначения земель, расположенных к югу от самого Египта; ведь египетские наместники, управлявшие этими землями, носили титул "*Си сутен н Кус*", или цари-сыновья Куша. Эти земли были густо заселены чернокожим и смуглым населением. Евреи (или Бени-Израэль) также использовали обозначения "*куш*" и "*кушиты*" в общем смысле для земель и племен, расположенных к югу от них; этот термин расширился с переселением, вынужденным или добровольным, арабов и евреев. Сначала он применялся к землям и племенам к югу от Месопотамии (Нахараина), родины Гебера (Табера) и Бени-Израэля; а когда они оказались в Египте, либо в качестве свободных, либо пленных гиксосов, они применяли термин *Куш* к области Мероэ к югу от Нила; и (согласно еврейским писателям) Сабее, в южной Аравии, также была населена сыновьями Куша. Трудно определить, к какому языку в первую очередь относится это слово, но, по всей вероятности, ранние шемитские писатели передали его древним армянам, как те, в свою очередь, передали его западным или христианским писателям. Геродот использовал это слово, и его *Киссия* идентична киссии евреев и армян. Обозначение *Chute*, *Chuzi*, *Cossaia*, *Cussaia* в различных диалектах Передней Азии имеет отношение к племенам *Куцани*, *Куси*, *Кушитов*. Следовательно, кушиты встречаются в Сирии, Аравии и Африке.

В фонетическом характере встречается выражение М-S-R как обозначение этой земли. Оно является синонимом арабского *Миср*, еврейского *Мизраим*, *Мазор* и сирийского *Мезрен*. Этому слову даются различные объяснения в зависимости от того, какое значение оно имеет в различных диалектах. По мнению одних, означает "твердыня", по мнению других - "расширение"; у евреев оно применялось к Египту или, как утверждают некоторые комментаторы, к египтянам.

Другие названия земли Египта встречаются в иероглифах и фонетических группах. Например, группа "*Неху*", обозначающая платан, который, как считается, является коренным жителем Египта.

Однако ни одно из этих названий не имело исторического значения, так что до сих пор остается загадкой, каким было исконное имя первобытных цивилизаторов долины Нила. Что касается названия *Египет*, *египтяне*, то оно было дано им греками; некоторые пытаются вывести его от *Phtha* или *Ptah*, божества города и поселка Мемфис; предполагается, что название "*Земля Птаха*" использовалось в общем смысле.

Преимущество такого исследования исторических и филологических лабиринтов станет ясно в последующих главах. Филология объяснила значение различных других древних этнических и национальных названий, среди которых "евреи", "арии" или "арийцы",

"пеласги", "греки", "ханаанеи" и т. д., и такие объяснения часто оказывались очень ценными, позволяя нам проникнуть в тайну их происхождения, характера и направления их деятельности. Но в античном языке египтян нет ни одного остатка, который позволил бы нам предположить, что абсолютные расовые различия или основанное на них скотство составляли черты первобытной жизни в долине Нила.

На основе различных рисунков, надписей и филологических данных наука попыталась восстановить этнологические представления, существовавшие у египтян за семнадцать веков до нашей эры. *Красная* раса занимала Египет (в основном нижний Египет), Аравию и часть Вавилонии; *желтая* раса была распространена в Палестине и Сирии, достигая Африки; *белая* раса простиралась к северу и северо-западу от Египта, населяя часть Ливии и острова Родос, Кипр, Крит и т. д.; *черная и коричневая* расы занимали Египет, Абиссинию, Нубию и Южную Аравию. *Нах эс у* или *нах си у* - так называли всех негров или чернокожих, которые не были египтянами, а ко всей краснокожей расе применяли термин *рет*, *рет-у*, означающий "зародыш".

Египетский пантеон, конечно же, был творением высших жрецов. В нем каждая человеческая раса была творением отдельного бога; и очень вероятно, что все многочисленные элементы сложной социальной структуры египтян, то есть каждая каста или функция, даже самая низкая, которая все же была неотъемлемой частью целого, имели каждое свое отдельное божество. Создателем черной расы был либо бог, символически представленный черным дроздом, либо бог Х'ор (или Хорос), сын Осириса и его мститель, который обитал на небосводе вместе со всеми остальными божествами.

Негритянская физиономия появляется на египетских памятниках, причем не только в изображениях простых людей, но даже в случае с царями, как, например, в XVIII и XIX династиях, в статуях Тотмеса III и Аменофиса III. Египетский царь Сабакос был эфиопом по происхождению, и многие другие фараоны женились на чернокожих африканских принцессах - *Нах эс. и*. Не может быть никаких сомнений в том, что междоусобные браки были обычным делом, между собственно *краснокожими* и *чернокожими* египтянами; и именно благодаря таким союзам, законным и незаконным, был получен коричневатый, а не полностью черный цвет египетского человека из народа, как представлено на памятниках. (Подобный медленный, но непрерывный переход и модификацию можно наблюдать и в наши дни - всклокоченные волосы, толстые черепа,^[5] все еще преобладающие). Наконец, евнухи представлены с желтоватым оттенком, возможно, более близким к желтой, чем к черной расе.

Некоторые психологи-этнологи утверждают, что африканец или чистый негр должен рассматриваться как пассивная раса, требующая оплодотворения активной расой. Если это так, то египтяне решили этот вопрос. Красная и доминирующая расы не проводили непреходимых линий демаркации по признаку скотства, а чернокожее население составляло самый важный элемент социальной структуры.

Таким образом, на пороге того, что наши ограниченные знания считают позитивной историей, мы встречаем высокоразвитое общество и нацию, которая в течение долгих веков наслаждалась политическим существованием, нормальным, если сравнивать с современными и окружающими народами, а *домашнее рабство не лежало в основе структуры и не составляло неотъемлемый элемент египетской жизни*. В памятниках, картинах и надписях, сохранившихся в качестве записей и воспоминаний о расцветающем Египте, не найдено никаких следов регулярной национальной и домашней экономики, сельскохозяйственного или промышленного труда, который мог бы выполняться рабами или

скотом. Рабы и рабство существовали в Египте не как неотъемлемая и неотъемлемая часть общества, а как нездоровый нарост - не под санкцией права или закона, а как результат нарушения обоих. Египетское рабство было искуплением социальных и личных преступлений - ненормальным чудовищем, а не нормальной и жизненной силой египетской деятельности. Если бы рабство было нормальным социальным институтом, оно имело бы свое божество и свои обряды; но, будучи исключительно результатом болезни, оно регулировалось и рассматривалось как таковое.

Египетские рабы состояли из военнопленных, взятых на поле боя, или пленников, захваченных во время набегов на соседние или дальние страны. В ранние времена в рабство попадали также все чужеземцы, которых случай или буря забрасывали на берега Египта и которые не имели претензий на законное гостеприимство; ведь на протяжении веков Египет был закрыт для вторжения иностранцев - исключения составляли лишь некоторые купцы и торговцы. Кроме того, завоеванные страны платили дань частично детьми, которые таким образом становились рабами. Все эти рабы были собственностью фараонов, которые использовали их в различных целях, раздавали своим чиновникам, продавали своим подданным всех каст, а также внутренним и внешним торговцам. Но вывоз рабов относится к более позднему периоду - эпохе исторического упадка Египта. Рабов ввозили, но не вывозили, так как специального экономического разведения рабов для этих или других целей не существовало.

Нет необходимости останавливаться на общеизвестном факте пленения и порабощения евреев или подробно описывать исследования, касающиеся гиксосов - сначала рабов, затем хозяев и правителей, и, наконец, вновь побежденных и обращенных в плен. Но помимо этих шемитов, евреев, будь то гиксосы или нет, все другие расы и народы в то или иное время были пленниками и рабами в Египте. Фараоны воевали с азиатами и особенно с теми, кого сейчас называют кавказскими расами; памятники показывают, что красных, белых и желтых рабов, взятых на войне, было гораздо больше, чем чернокожих.

Египтяне, осужденные за любое уголовное преступление, становились рабами или приговаривались к публичным каторжным работам. Поскольку в Египте царило равенство перед законом, человек, принадлежавший к высшей касте (краснокожих), мог стать рабом в своей стране. Однако, вопреки обычаям почти всей античности и даже более ранних христианских времен, египтяне никогда не обращали должников в личное рабство. Должник не нес личной ответственности и не мог быть продан в рабство своим кредитором.

Рабы любого рода могли быть выкуплены и отпущены на волю. После этого они становились равными остальным египтянам, о чем свидетельствует брак Иосифа с дочерью первосвященника и его высокое служебное положение. Дети, рожденные от египтян и их рабынь, будь то красные, желтые, черные или белые, были равны во всех правах и делили наследство с законными отпрысками того же отца. Отец передавал свой статус детям, согласно обычаю, распространенному на Востоке и восходящему к глубокой древности.

Рабы работали в шахтах, занимались любым тяжелым трудом, но главным образом, по мере возможности, на тех великих и почти неразрушимых общественных работах и памятниках, которые отличали города Нила. Гордость фараонов заключалась в том, что они могли написать на строении, что работа была выполнена не руками египтян, имея в виду тяжелую работу, такую как переноска блоков, подъем и подготовка материала, рытье каналов и т. д. Все слуги во дворце, святилище и на вилле были рабами. Они принадлежали ко всем расам и цветам кожи, и именно в таком виде представлены на памятниках. Таким образом, в

древнем, независимом Египте рабство в самом строгом смысле слова ограничивалось домашним хозяйством.

Таков был Египет, древнейшая из наций и цивилизаций. В ней рабство было случайным и ненормальным явлением и не входило в жизненную силу общества в течение долгих веков, когда это общество стояло на первом месте среди народов и цивилизаций. Однако на последних этапах египетской истории домашнее рабство сделало свое страшное дело, чему способствовали завоевания чужеземцев, свержение независимости, поборы, дани и всевозможные притеснения. И только тогда политическое рабство, или то, что называют восточным деспотизмом, полностью слилось с домашним рабством.

Причины, которым приписывают разложение и падение Египта, различны. Одни утверждают, что египетское общество и цивилизация, пройдя все стадии роста и развития, логически завершились дряхлостью, дряхлостью и смертью. Другие находят в разделении на касты одну из главных причин упадка Египта. Но какой бы губительной и разрушительной ни была организация на касты, она является благословением по сравнению с домашним рабством. Жесткая организация каст была противоядием, сдерживающим распространение домашнего рабства, не позволяя ему разъедать здоровые структуры общества. Кастовая система - и прежде всего жреческая каста - в значительной степени сдерживала деспотизм фараонов. Касты на протяжении многих веков препятствовали слиянию двух величайших социальных язв: домашнего и политического рабства.

Всесильный закон аналогий, который в ходе этих страниц будет более ярко продемонстрирован на примере судеб других империй и цивилизаций, уже сейчас дает право на позитивное и даже аксиоматическое утверждение, что почти беспримерная по длительности историческая жизнь египтян и высокоразвитое состояние их цивилизации обусловлены исключительно тем, что домашнее рабство и скотоводство долгое время оставались ненормальным отроком. Оно не было основой домашней и национальной экономики, не являлось объектом особой заботы законодателя, не было вплетено в социальную, политическую и интеллектуальную жизнь египтян.

ССЫЛКИ:

[4] Термин "яфетический" довольно путаный и ненаучный. Он используется здесь как более понятный для народа.

[5] Геродот.

II.

ФИНИКИЙЦЫ.

АВТОРИТЕТЫ:

Мозверс, Ренан, Данкер, Эвальд, Иезекииль, Притчи Соломона и т. д.

До какой-либо эпохи, установленной положительной историей, ханааней, или финикийцы, высокоцивилизованный народ, обитали в земле, называемой Палестиной. Они были старшей ветвью шемитской семьи; их общее название охватывало хеттов, иевусеев, аморреев и гиргаситов - всех, кого греки называли *финикийцами*. *Ханаан* в шемитских

диалектах означает "низменность", как и Палестина, в отличие от *Арама* или высокогорных районов Месопотамии (*Нахараджим*, *Нахирим* в Ветхом Завете). *Ханаан* в древнееврейском языке иногда является синонимом слова "торговец", и историческое развитие финикийцев объясняет и оправдывает это значение. Греческое название *Phœnicians*, как полагают некоторые, происходит от *phoinizai*, "убивать", отсюда *Phoinikes* (Phœnicians), "кровавые люди". Финикийцы, очень ревностно относясь к своей морской торговле, убивали и всячески досаждали мореплавателям из других стран, которые осмеливались следить за их судами или шпионить за их обширными морскими предприятиями, фабриками или связями. По этой причине греки долгое время считали Тирренские моря крайне опасными для мореплавателей, а также полными скал, чудовищ и антропофагов. Другие исследователи, опять же, выводят греческое слово Phœnicians от их *румяного* цвета лица или от того, что они впервые плавали по Красному морю.

Первобытные места обитания финикийцев лежали к северу и югу от Сирии. Предполагается, что оттуда они эмигрировали в Палестину через северную часть Сирии, в то время как другая колонна с юга продвигалась из дельты Персидского залива, которая в древности называлась *Ассириум Стагнум*, или с островов Тирос (Тилос) и Арадос, расположенных в вышеупомянутых водах. Некоторые авторы полагают, что землетрясение заставило их эмигрировать с этих берегов Эритрейского или Красного моря (Персидского залива) древности, и что их греческое название обязано своим происхождением этому обстоятельству.

Эти скитания по регионам, уже густо заселенным различными племенами и народами, возможно, способствовали развитию у шемитов той мощной склонности к торговле, которой они в основном обязаны своим историческим бессмертием; тогда же и там они, скорее всего, начали торговлю рабами, которой если и не положили начало, то уж точно придали новый и мощный импульс. Таким образом, хотя финикийцы фигурируют в истории как самые ранние мореплаватели и купцы, они также должны быть записаны в свете того, что положили начало или, по крайней мере, значительно расширили проклятую работорговлю.

Похоже, что среди финикийцев никогда не существовало деления на касты. Как правило, никаких следов этого социального разделения не обнаруживается среди народов чистого или даже смешанного шемитского происхождения, которые процветали в Передней Азии - в Сирии, Вавилоне или Ассирии. Политический организм финикийцев включал в себя, во-первых, могущественные правящие семьи; во-вторых, подвластные классы - деление, подобное делению на *аристос* и *демос*, которое преобладало в Греции, или на патрициев и плебеев в Риме. Изначально землю Ханаана возделывали свободные землевладельцы и йомены. Когда одно племя покоряло другое или победители селились среди побежденных, последних не порабощали; они становились своего рода колонистами, платящими дань, с ограниченными политическими привилегиями, но с полными гражданскими правами. Они могли свободно владеть недвижимым и личным имуществом любого рода, наравне с правящим племенем или классом. Так было и у всех шемитов, и, за редким исключением, у всех народов древности.

В этот период рабы использовались только на тяжелых работах в городах и в домашнем хозяйстве; они еще не были ни земледельцами, ни полеводами, ни механизаторами. Но, как уже говорилось, финикийцы были великими работорговцами, перевозчиками и факторами в самой далекой древности, причем как по суше, так и по морю. За более чем четырнадцать веков до нашей эры финикийцы покрыли все берега Эгейского и Средиземного морей своими фабриками, крепостями и колониальными городами. Кроме того, они простирались даже до Эвксинского моря, а их колонии усеивали Коринфский и Ионический заливы (на

месте современных Патраса и Лепанто) и простирались на атлантическом побережье даже за Гибралтар. Записи о самых ранних странствиях этих ханаанских племен в Африку и даже Грецию сохранились в легендах как миграции богов, полубогов и героев.

Таким образом, финикийцы связали в огромную торговую цепь Британию, Иберию (Испанию) и Индию, а Гвадалквивер, Нил, Евфрат, Тигр и Инд служили магистралями для их торговых предприятий. Из Библа, Тира, Сидона и других городов они отправляли караваны в Аравию и Переднюю Азию. Продукты их искусства и промышленности считались самыми изысканными еще в эпоху "Илиады", и они были достаточно тщеславны, чтобы считать себя стержнем мирового процветания, и Писание неоднократно упоминает о гордости и осуждает пороки финикийских городов. То, что их купцы покупали или получали по бартеру в Азии или Египте, они обменивали на грубые товары Греции, Испании, Альбиона, Ливии и земель на Эвксинском море: в основном это были зерно, шкуры, медь, олово, серебро, золото и всевозможные предметы, которые можно было продать. Их центральное положение в торговле известным и почти неизвестным миром особенно благоприятствовало работорговле. Соответственно, финикийские рабы становились все более и более ценными, а постоянно расширяющийся рынок порождал постоянно растущий спрос. По всей вероятности, основные поставки для их огромного работорговли осуществлялись за счет внутренних караванных походов; но они также покупали, крали и похищали рабов из всех возможных мест и с помощью всех мыслимых уловок - точно так же, как это делают современные американские работорговцы. В этом ужасном ремесле они побывали на каждом берегу. Они занимались этим среди греков, среди варваров Геллеспонта и Понта, среди иберийцев, итальянцев, мавров и других африканцев. Уроженцы Азии продавались в Грецию и другие европейские страны, а Сирия и Египет получали европейских рабов. Подавляющее большинство этих рабов принадлежало к так называемой европеоидной расе, а негры составляли сравнительно незначительную часть. В обмен на это белое имущество финикийцы обменивали продукты Египта и Передней Азии.

Итак, финикийцы были великими и, по всей вероятности, единственными работорговцами тех времен. Главным центром торговли были Библос, Сидон и Тир, склады, базары и хранилища которых всегда были переполнены человеческим товаром.

В положительные исторические времена, когда Финикия превратилась в могущественную и процветающую империю мировой торговли, иностранные рабы составляли огромное большинство населения ее городов, как и в большинстве торговых городов древности; но ни один из них не был так переполнен рабами, как Библос, Тир и Сидон. В результате такого скопления рабов рабство постепенно перешло с рынка и домашнего хозяйства в общую промышленность и сельское хозяйство. Рабов, которых использовали финикийцы, можно классифицировать следующим образом: 1. Рабы роскоши, живущие в доме хозяина; 2. Рабы, занятые в различных отраслях производства, как ткачи, красильщики и ремесленники всех видов, а также в ручном труде, характерном для каждого морского и торгового города; 3. сельскохозяйственные рабы.

Это огромное скопление рабов порождало неоднократные и кровавые восстания на протяжении всего исторического существования Финикии. Скудные и сравнительно незначительные фрагменты ее истории, дошедшие до нас, наполнены рассказами о таких восстаниях, заканчивающихся, как правило, страшными трагедиями. Подобное восстание произошло в Тире около десяти веков до нашей эры; история гласит, что тогда были убиты царь, аристократия, все хозяева и даже огромное количество свободных людей, не владевших рабами. Женщины, однако, были спасены и выданы замуж за рабов; таким образом, многие примитивные олигархические семьи полностью исчезли. Частые восстания

и мятежи такого рода привели в конце концов к частичной эмансипации рабов и завоеванию ими определенных гражданских прав.

Вместе с почти безграничным накоплением богатства в этих городах росло и число рабов. Как следствие, свободные рабочие, ремесленники и фермеры обеднели и лишились собственности, и, что вполне естественно, они часто присоединялись к восставшим бондам. Олигархи также отправляли этих бедных свободных людей туда, куда могли доставить их финикийские корабли, или туда, где была возможность основать фабрики, города или колонии. Таково было общее происхождение этих первобытных финикийских поселений, которые были разбросаны на север и запад почти по всем берегам. В большинстве регионов, даже в Ливии, их цель была просто торговой, а вовсе не завоевательной. Во всяком случае, новоприбывшие вскоре смешались с туземцами.

Теперь рабовладельческие правители были вынуждены содержать наемную армию, чтобы сдерживать рабов - не для защиты от внешнего, а от внутреннего врага. Среди этих наемников были каррийцы, лидийцы, ливийцы и ливийско-финикийцы. Таким разношерстным наемникам они были вынуждены доверить безопасность своих домов и городов. Временами эти наемные солдаты присоединялись к восставшим рабам, и они составляли лишь слабую защиту от египтян или от ассирийских, вавилонских, персидских и александрийских завоеваний. Всем этим империям финикийские рабовладельцы были обязаны платить дань, пока, наконец, Александр не истребил или поработил их всех - и рабовладельцев, и рабов.

Уже сейчас некоторые яростные сторонники рабства в рабовладельческой части Соединенных Штатов выражают намерение обратиться к помощи Франции в своих планах отделения и завоевания и предлагают, чтобы их города и штаты были заняты французскими гарнизонами. Какая поразительная аналогия с курсом роковых финикийцев! И если в конце концов Франция прислушается к их смиренным мольбам и пошлет защитников этим напуганным рабовладельцам, климатические причины побудят ее предоставить такие войска, которые естественным образом приспособлены переносить тропическую жару невольничьего побережья - малярийных районов Луизианы и Южной Каролины. Это будут ее зуавы и туркосы - зуавы, враги любого вида рабства, и сами негры-туркосы. Где же тогда будут их защитники и их безопасность? Каждый французский солдат, даже если он не зуав и не турко, по всей вероятности, сразу же встал бы на сторону угнетенных против угнетателей. Расовые предрассудки, столь распространенные в Америке, не являются европейской особенностью: их не было в древности, они не преобладают в Европе сейчас.

Не существование восточного политического деспотизма в Финикии - это *домашнее рабство*, которое, проникнув в промышленность и сельское хозяйство, уничтожило самую богатую, самую предприимчивую и самую смелую общину далекой древности. Цицерон написал им эпитафию: "*Fallacissimum esse genus Phœnicum, omnia monumenta vetustatis atque omnes historia nobis prodiderunt*".

Поэтому, когда позитивная история медленно поднимается на безграничном горизонте времени, Финикия предстает как зловещая иллюстрация того, как домашнее рабство из внешнего социального чудовища превращается в хроническую, но разъедающую болезнь. И на ней не заканчиваются свидетельства истории. Снова и снова можно обнаружить, что рабство, проникая в социальный организм настолько глубоко, что становится конституционным и хроническим, имеет тот же конечный результат, что и вирус, медленно, но верно проникающий из конечностей в жизненно важные органы животного организма.

Промежуточные стадии таких заболеваний и процесс проявления симптомов часто изменяются в своих внешних проявлениях настолько, что даже внимательный наблюдатель может сбиться с пути. Но только тот, кто может безошибочно диагностировать *природу* болезни, может стать великим целителем: он обнаруживает истинный характер и источник недуга, какими бы ни были его внешние осложнения, и от каких бы условий и влияний они ни исходили. В физиологической болезни, как и в социальной, одни симптомы могут усиливаться, другие уменьшаться в интенсивности и злобности - они, однако, вторичны. Параллель сохраняется - принцип остается неизменным: жизнь угасает по тем же причинам в животном, что и в социальном и политическом организме.

Таким образом, в истории финикийцев, а значит, в самую раннюю достоверную эпоху, великий исторический и социальный закон проявляет себя в полной мере. Он сохраняет свою активность во всех последующих социальных и политических катастрофах в жизни народов и империй, вплоть до Хаити с ее бессмертным Туссенем. *Рабство порождает кровавую борьбу*. Многие из них привели к тому, что рабы силой отвоевали свою свободу, другие же разрушили целое государство - рабовладельцы утонули в собственной крови или были погребены под руинами своего собственного общественного здания.

III.

ЛИБИЙЦЫ.

АВТОРИТЕТЫ:

Диодор Сикулус, Корипп, Мозверс и др.

О первобытном социальном и интеллектуальном состоянии населения, проживавшего на берегах Африки, омываемых Средиземным морем, можно судить только по их отношениям с финикийцами и карфагенянами. Других источников исторической информации о том далеком периоде нет, а более поздние времена также дают сравнительно скудные сведения.

Этнология еще не определила окончательно, кем были аборигены Ливии, и сомнительно, что это когда-нибудь удастся сделать. Египетские надписи указывают на белую расу в северо-восточном углу Ливии, примыкающем к Египту; в то время как дальше к западу жили чернокожие. В очень отдаленный период белые смешались с этими неграми, которые, вероятно, иммигрировали из центра Африки - Судана - и распространились по всей Ливии. Эти отдаленные эпохи, однако, совершенно не поддаются хронологическому ограничению. Но когда хронология, даже самая рудиментарная, становится возможной, история показывает нам существование в Ливии кочевого и земледельческого народа, который не может быть никем иным, как этими скрещивающимися народами, и который довел часть земли до высокой степени культивации. Таким образом, ливийцы могут рассматриваться как автохтонное африканское население - теория, которая подтверждается другими доказательствами, которые сейчас нет необходимости приводить.

Среди этих ливийцев, которых греки называли *африканцами*, а римляне - *африканцами*, земледелие было в высшей степени процветающим в эпоху самых ранних мифов и легенд Греции: все эллинские легенды, связанные с далекими морскими странствиями богов или героев, переносят их к ливийским берегам около *Регио Сиртика-Триполиса*. Среди них аргонавты и Гераклиды, Персей, Кадмос, Одиссей и Меналаос. Таким образом, греческие

мифы об Атласе и Саде Гесперид берут свое начало в этой части Ливии. Все это предполагает очень древнюю культуру. Геродот говорит, что эгида греческой Палласы возникла в Ливии, как и то, что здесь Афина получила голову Горгоны для своей эгиды. Даже в наши дни вожди некоторых племен на юге древней Ливии носят на плечах шкуры леопардов и других диких зверей так, что голова животного, подобно эгиде, закрывает их грудь. Авантюрные финикийские и греческие мореплаватели раннего периода, соответственно, находили ливийцев уже высококультурным народом. Этой культурой они обладали и до общения с ханаанеями, финикийцами или греками - даже до странствий Астарты, Анны или Дидо.

В эту эпоху ливийцы владели письменностью. Их алфавит в некоторых своих особенностях был древнее, чем даже финикийский - отец стольких восточных и западных алфавитов. *Лептис* и *Ока* - ливийские названия ливийских городов, существовавших до колонизации финикийцами, хотя сами эти колонизации предшествовали позитивной истории.

Козы, овцы и другие домашние животные были завезены в Грецию и Италию из Ливии; отсюда же пришли знания о том, как их разводить и выращивать. Ливийцы также, по всей вероятности, впервые научили их содержать и разводить пчел, поскольку греческое слово "воск", керос - *латинское cera*, некоторые выводят из берберского (ливийского) *ta-kir*, а греческое обозначение меда, *meli, mel* - *латинское mel*, из берберского *ta-men-t*. Другие, однако, возводят оба этих слова к санскритскому корню.

В качестве доказательства развитой цивилизации можно упомянуть, что ливийцы были весьма искусны в садоводстве в то время, когда поля Греции и Италии были лишь грубо вспаханы. Из Ливии через Средиземное море в Южную Европу попали бобовые растения, а также способы их использования и культуры; некоторые исследователи считают, что латинские названия "горох" (*cicer*), "чечевица" (*lens, lentis*) и "фасоль" (*faba*) ведут свое происхождение от берберских *ikiker, ta-linit* и *fabua*. Но эти слова также имеют санскритское происхождение. *Cucurbitis* "огурец" - это берберское *curumb* - *хотя*, опять же, оно прослеживается, но вынужденно, до санскрита. Каково бы ни было происхождение этих слов, исторический факт состоит в том, что римляне получили все свои знания о садоводстве от ливийцев и ливийских финикийцев; и можно даже предположить, что латинское *urtus*, "садоводство", имело корень в берберском *urt*.

Цивилизация среди ливийцев, таким образом, предшествовала любым контактам с финикийцами или греками и на долгие века предшествовала карфагенскому господству на северных берегах Африки.

Ливийцы были нацией земледельцев и свободных землевладельцев. Никаких следов рабства у них не обнаружено, а если оно и существовало, то было совершенно незначительным и случайным. Когда финикийцы и ханаанейские поселения увеличились в силе и численности, ливийцы стали колонистами-трибунами, а финикийцы ввели среди них работорговлю, жертвами которой становились в основном кочевники.

Как мы уже говорили, бедные белые колонисты, отправленные из Ханаана и Финикии в Ливию, смешались с туземцами, и от этого союза произошли ливийцы-финикийцы, о которых мы уже говорили. Отношения, в которых ливийцы (а впоследствии и либиофиникийцы, когда их снова покорили) находились с финикийскими и ханаанскими поселенцами, были похожи на те, в которых свободные римляне впоследствии находились с лонгобардскими и франкскими завоевателями, поселившимися на землях, на которых они когда-то были хозяевами.

IV.

КАРТАГИНЯНЕ.

АВТОРИТЕТЫ:

Дионисий Галикарнасский, Полибий, Корипп, Моэверс и др.

Карфагеняне были великим этническим ответвлением Финикии в западной части древнего мира. Здесь неуместно спрашивать, какие мотивы заставили этих странников покинуть свой азиатский дом и каков был характер поселения, которое они основали. Они покинули Тир и основали знаменитый город Карфаген на месте, где ранее существовала древняя колония из Сидона.^[6] Карфаген очень рано - можно сказать, почти с самого начала - приобрел более высокий характер, чем все предыдущие колонии или города Финикии. Вскоре он стал, по сути, независимой политической силой. Он начал процветать в то время, когда Тир и Сидон переживали упадок, а эти некогда великие города стали данниками азиатских владык. Карфагеняне стали сначала защитниками, а вскоре и хозяевами всех древних колоний финикийцев, разбросанных по западному миру. На этом они не остановились; они стали воинственной и завоевательной империей. Политические несчастья их материнской страны увеличили, почти непрерывной иммиграцией, число бедных свободных граждан в Карфагене, а также в других приморских городах, теперь пунических, хотя когда-то финикийских - многие из них, действительно, имели многочисленное ливийско-финикийское население. Этот избыток карфагеняне отправляли в качестве колонистов во внутренние районы Ливии, где они основывали небольшие города или селились в качестве земледельцев среди местного населения, чьи земли во многих случаях были закреплены за новоприбывшими. Карфагенская олигархия вскоре начала притеснять древних финикийцев, ливийцев и ливийцев и смотреть на них с презрением. Со временем новые колонисты смешались с древним населением, и вскоре все они в равной степени страдали от деспотичной дани и поборов. Общая ненависть различных слоев населения к олигархии, которая часто приводила к восстаниям, была мощным подспорьем для нумидийских царей и римлян в их попытках сокрушить надменный Карфаген.

Великие карфагенские олигархи и рабовладельцы расширили и усовершенствовали то, что финикийцы, возможно, только начали. Они приобрели различными способами огромные земельные владения, угнетали и обнищали колонистов-трибунов и мелких землевладельцев тяжелыми поборами; они захватывали их усадьбы и, наконец, низводили их до крепостной зависимости и рабства. К закату карфагенского могущества такие поместья обрабатывались в основном рабами; эти рабы - как в деревне, так и в городах - были либо ливийцами-финикийцами и ливийцами, либо принадлежали к азиатским и европейским расам - несчастные люди были либо куплены, либо взяты в качестве военнопленных. Покоренное и рабское население было таким же смешанным, как и карфагенские армии, которые, особенно в Африке, содержали огромное количество негров, представляя собой антитип французских турков.

Гигантская борьба Карфагена с Римом решила судьбы мира. Карфаген пал. Но дыхание безжизненной карфагенской рабовладельческой олигархии отравило Рим. Трагическое предсказание Дидоны исполнилось, хотя и не так, как описал Вергилий в "Энеаде".

Завоевав Карфаген и Нумидию, римляне распределили между своими колонистами огромные владения карфагенских рабовладельцев, которые, однако, ранее были присвоены нумидийскими царями. Финикийцы, ливийцы, ливийцы и карфагеняне - все они теперь стали либо римскими колонистами, либо крепостными, либо скотом на виллах своих римских хозяев. Когда вандалы завоевали Африку, римляне в свою очередь разделили судьбу всех своих предшественников, которые последовательно были низведены до крепостного права и домашнего рабства, одно другим. В образе крепостных и поданных эти различные расы теперь обрабатывали для своих вандалских хозяев земли и фермы, которые когда-то были их собственностью. Таким образом, это стало дополнительной иллюстрацией вечного и всемогущего закона *возмездия и компенсации*.

ССЫЛКИ:

[6] Название *Карфаген* означает "новый район" или "город".

V.

ЕВРЕИ, ИЛИ БЕНИ-ИЗРАИЛЬТЯНЕ.

АВТОРИТЕТЫ:

Писание, Эвальд, Ренан, Данкер, Гессениус, Гротенфенд и др.

Сторонники рабства, как мирные, так и воинственные, уже давно пытаются опираться на Моисеевы записи для оправдания "священного" и "патриархального" института.

Исторические записи бросают яркий свет на серый рассвет гебраистской жизни, давая нам представление о примитивных формах общества не только у евреев, но и у других, особенно шемитских жителей Сирии и Передней Азии. И действительно, вокруг шатра патриарха можно встретить слуг и рабов.

Уже упоминалось, что во времена, задолго до появления какой-либо определенной хронологии, регионы, составляющие Сирию, Палестину и Аравию, были населены различными племенами - некоторые из них были ответвлениями от одного источника, а некоторые - от другого. Некоторые из этих племен уже сформировались в хорошо развитые общества, другие же, если и не были абсолютными кочевниками, то часто меняли свои жилища в зависимости от потребностей пастушеской жизни. Палестина, последняя родина евреев, была, по всей вероятности, как самой ранней, так и главной магистралью древности - особенно для шемитской и хамитской рас, так же, как Кавказ и его склоны, как предполагается, были магистралью для арийских или индоевропейских эмигрантов, а также для финнов, алтайцев и монгольской или желтой расы. Такой характер она имела еще до того, как Терах, отец Авраама, согнал свои стада со столовых земель Месопотамии (*Нахараина*); она сохраняла его как под властью финикийцев, так и под властью евреев. Неоднократно египтяне, ассирийцы и вавилоняне, а также персы и, наконец, Александр и его генералы проходили через Палестину в своих захватнических и завоевательных походах. Важная роль, которую Палестина сыграла в ранней торговой истории мира, также уже была отмечена при рассмотрении финикийцев.

Возникновение сначала домашнего рабства, а затем и абсолютного скотства среди первобытных скотоводческих племен может быть связано с двумя различными источниками, оба из которых проистекают из аномальных условий и событий. Одним источником были постоянные междоусобицы и войны племен; другим - индивидуальная лень и непостоянство. В хозяйстве патриарха, состоявшем первоначально из семьи, а затем из клана, вскоре появились как беспокойные, так и ленивые иждивенцы. Эти прихлебатели не были ни такими бережливыми, ни такими трудолюбивыми, как семья патриарха, и поэтому пользовались лишь незначительным вниманием; как правило, это были, скорее всего, чужаки, которые по необходимости или из благодарности примыкали к дому и считали себя его неотъемлемой частью. Но патриарх обладал самой абсолютной властью над всеми членами семьи - над женой, сыновьями и дочерьми, всеми их отпрысками и родственниками. Он мог изгнать их из семьи и очага, мог продать их другим, имел над ними власть жизни и смерти, и такие полномочия, конечно же, распространялись на иждивенцев и слуг. По сути, патриарх был верховным и единственным существующим законом. Его воля и абсолютное повиновение ей были единственной гарантией порядка внутри шатра, а также за его пределами, в отношениях с шатрами и кланами других патриархов. Чем более исключительной и обособленной была такая семья или клан, тем более независимой она была во всех своих отношениях с подобными социальными кристаллизациями; и тем более тесно зависимые люди примыкали к ней для поддержки и защиты.

Таково, несомненно, было происхождение домашнего рабства, которое появляется в Писании вместе с явлением Авраама как отдельной исторической личности. Но такие слуги и иждивенцы, будучи частью семьи, обычно не продавались и не становились предметом торговли, и, строго говоря, не были движимым имуществом, как пленники, захваченные в междоусобицах или войнах. [7] Кроме того, при формировании первобытного патриархального хозяйства домашний, пастушеский и земледельческий труд выполнялся семьей - детьми, внуками и т. д., как и в наши дни в каждом простом хозяйстве, ибо простая семья составляла зародыш племени и дружины вокруг шатра патриарха. По мере увеличения семьи росли и стада, а вместе с ними и обязанности, которые необходимо было выполнять. При этом члены разросшейся семьи продолжали заниматься домашним хозяйством - точно так же, как и сейчас в аналогичных обстоятельствах, - не становясь при этом рабами или скотом. Примитивный арийский язык (о котором речь пойдет далее) наглядно подтверждает то, что и разум, и аналогия утверждают как неотъемлемый факт в конституции каждой семьи, какими бы ни были особенности кожи, черепа или другие этнические характеристики. Более того, даже по мнению тех, кто выступает против абсолютного единства всего человеческого рода, шемиты происходят от того же общего прародителя, что и арии (к которым относимся и мы), и это родство усиливает сказанное выше о сходстве их домашней жизни.

С увеличением числа племен и семей, соседних или разрозненных, росло вырождение иждивенцев, пока, наконец, эти несчастные, ставшие наростом на первобытной еврейской семейной жизни и неспособные позаботиться о себе, охотно приняли рабство - иногда даже жаждали его. Одно и то же явление, в разных модификациях и вызванное различными причинами, снова и снова повторяется в разных народах и империях, подобно тому как одни и те же телесные недуги постоянно воспроизводятся на протяжении бесчисленных веков существования человечества. И действительно, мораль проклятия Ноя может заключаться только в том, что рабство, порожденное разложением мужского начала, по самой своей природе является болезненным и деградирующим состоянием.

Авраам принадлежал к классу, общему для арабов, евреев и всех шемитских рас, - шиикам или вождям воинственных племен, которые имели обыкновение воевать друг с другом,

уводить пленных и даже похищать людей. Именно эти жертвы и становились предметом торговли, и эта черта характерна для арабских племен вплоть до наших дней.

Евреи, освобожденные из египетского плена, то есть из политического рабства, которое никогда не следует путать с рабством, сражались со своими сородичами, шемитскими ханаанеями, чтобы обосноваться в стране, уже густо заселенной и обладающей сравнительно высокой культурой и цивилизацией. Евреи, бедные, энергичные и закаленные лишениями долгого плена, имели такое же отношение к народам Ханаана, в который они вторглись, как полуголые, полуголодные варвары давно минувшей эпохи к римскому миру, на который они бросились с силой судьбы. По велению Яхве (Иеговы) израильтяне вели истребительные войны против финикийцев, филистимлян, аммонитян, аморреев, моавитян и других жителей юго-западной Сирии. Многие из этих исконных обитателей и земледельцев земли Ханаанской бежали даже в Африку от истребительной ярости евреев, возглавляемых Моисеем, Аароном и Иисусом Навином. Тем временем иудеи завладели завоеванными и покинутыми землями, которые были разделены между племенами, и большая часть евреев поселилась на них в качестве земледельцев и свободных йоменов. С течением времени под руководством и вдохновением Яхве, верховного Господа Израиля, был составлен свод заповедей, предписаний и церемоний, называемый Моисеевым законом.

Закон Моисея имеет два основных подразделения: во-первых, императивные повеления, во-вторых, диспенсации. В отношении всех абсолютных обязанностей перед Богом, а также домашних и общественных обязанностей закон излагает свои повеления вплоть до мельчайших деталей и жестко осуждает их нарушителя. Но, с другой стороны, принимая во внимание человеческую слабость и искушения, которым он подвержен, а также требования и обычаи жизни, закон также полон послаблений. Этот двойной характер Моисеева закона предоставляет его антагонистам широкое поле для нападок на его очевидные противоречия. Закон осуждает идолопоклонство, но Аарон, первый первосвященник, отливает золотого тельца для поклонения народу, а Моисей воздвигает перед их глазами медного змея как материальный символ их веры. Закон предписывает моногамию, но разрешает и регулирует наложничество. Он запрещает разврат, блуд и изнасилования, но в некоторых случаях, например, после успешной битвы или штурма города, не обращает на них внимания, потому что такие преступления неизбежны, когда демонические страсти вступают в силу. Можно привести множество других иллюстраций этого двойного характера Моисеева закона.

Но как бы ни были подробны и точны в Моисеевом законе религиозные и социальные повеления и обязательства, он нигде не предписывает Евреям в качестве религиозного или социального долга порабощать ханаанских идолопоклонников, среди которых они жили. Порабощение и скотство нигде не рассматриваются как особые обязанности, а рабство - как краеугольный камень еврейской социальной, гражданской и религиозной структуры. Рабство не является предметом завета с Богом или завета с человеком; владение рабами не давало никаких политических, религиозных или социальных прав. Все это было оставлено на откуп современной теологии и политики.

Закон Моисеев относится к рабству как к существующему злу и регулирует его как ненормальный институт. Законодатель напоминает евреям о том, что они сами были пленниками и кабальеро - исторический факт, параллель с которым, как мы уже видели, дает происхождение многих рабовладельцев в Соединенных Штатах Америки в наши дни.

Но, возможно, библейские комментаторы недостаточно четко обозначили различие в значении между древнееврейским словом, означающим "слуга", "прислуга" и т. д., и словом, означающим "абсолютный скот". В современном юридическом и практическом применении

этого термина, несомненно, скотство было редким состоянием во времена патриархов и даже в первобытные теократические эпохи Вени-Израэля. В древнееврейском языке есть четыре слова для выражения примитивных домашних отношений расы, и ни одно из них не допускает значения позитивного скотства. Вероятно, самым древним является слово *a'buddah*, встречающееся в книге Иова, диалект которой, по мнению современных филологов, намного древнее Моисеевых писаний; это же слово встречается только один раз в книге Бытия (Gessenius Dict.). Это собирательное существительное, обозначающее "слуг", "работников", а также, по мнению некоторых экзегетов, "имение". Возможно, именно такое значение оно имеет в книге Иова, поскольку встречается после перечисления различных движимых вещей, таких как стада и стада, и, таким образом, в отличие от них, может передавать идею недвижимого имущества. Логическая последовательность в таких перечислениях, несомненно, была такой же, как и сейчас: сначала движимое имущество, затем земельная собственность. Еще одно древнееврейское слово, обозначающее примитивного домашнего слугу, - *na'ar*, но его применение, по-видимому, было довольно ограниченным; в основном оно использовалось для обозначения "мальчика-слуги" или "ученика". Однако наиболее часто употребляемое слово, которое лексикографы переводят и объясняют по-разному, - это *e'bed*: оно означает "подданный", "слуга", "крепостной", "раб", "слуга", "офицер" и т. д. Его применение к "крепостному" или "рабу" имеет, пожалуй, скорее моральный или идеальный, чем позитивный юридический или социальный смысл. Так, когда в книге Бытия говорится, что "Моисей удалил рои мух от фараона, от его слуг (*e'bed*) и от его народа", слово *e'bed*, несомненно, означает "министров", "придворных", "офицеров" и "слуг двора", а не реальных крепостных или рабов. Здравый смысл, несомненно, указывает на то, что движимое имущество не могло упоминаться сразу после великого фараона и перед его народом; и еще менее вероятно, что восточный деспотизм, низведший всех до уровня политических рабов, был неизвестен в Египте первых фараонов. Наконец, одно только слово *abduh* может означать "раб" в строгом смысле этого слова; оно используется Ездрой и относится к периоду национальной деградации, когда в Израиле процветали и рабство, и идолопоклонство.

Рабство, однако, так и не стало неотъемлемым элементом жизни евреев, и на протяжении веков их славы его язвенное дыхание не угрожало жизнеспособности нации. В Моисеевых записях, охватывающих почти тысячелетний период, ни разу не упоминается о восстаниях рабов, которые так часто сотрясали соседних и современных им финикийцев.

Вместо домашних рабов евреи приобретали чужеземцев, через торговлю или войну; и такие рабы были той же расы, что и рабы финикийцев и других соседних народов. В истории Бени-Израэля есть длинные эпизоды, содержащие рассказы о войнах, в основном с племенами, принадлежащими к той же шемитской семье, из которой произошли сами евреи, и многие из рабов, добытых в этих войнах, должны были принадлежать к ближайшим городам и царствам. Если бы их было так много, что они были бы заняты в больших количествах на сельскохозяйственных работах, не сомневаться, что во время отсутствия их хозяев в военных походах или даже в мирное время происходили бы восстания. Отсутствие подобных событий в истории евреев доказывает, что домашнее рабство на протяжении долгих веков признавалось лишь ненормальным институтом, а его рост ограничивался юбилеями и лимитирующими законами.

Правила, предписывающие статус рабов и их общее состояние, доступны каждому. Их дух мягок и благотворен для подневольного человека; срок его рабства ограничен, обращение с ним гуманно, а состояние обычно не передается по наследству. Во времена первых

патриархов слуга мог стать главой семьи, что доказывает, что некоторые комментаторы вносят странную путаницу в толкование вышеупомянутого еврейского слова (*e'bed*), когда считают, что оно применимо к такой системе, как современное американское рабство. Слуга, который мог стать главой семьи, не мог быть скотом, но обязательно должен был быть членом клана, с независимыми полномочиями и правами и, по крайней мере, собственностью на самого себя.

У евреев мужчина также мог добровольно продать себя в рабство; таким образом должник оплачивал свои долги собственным телом или телом своей жены или ребенка. Этот обычай был почти повсеместным в ранней античности, а также у римлян и варварских германцев. Но Моисеев закон назначил очередную эпоху для освобождения всех рабов и должников среди остальных; и именно действие этого закона сделало наследственное рабство таким сравнительно редким явлением.

Таким образом, рабы, даже купленные у язычников и потому считавшиеся евреями *нечистыми*, или взятые в плен на войне, не были отрезаны от общего закона защиты. Они пользовались правами человека и некоторыми гражданскими привилегиями урожденных иудеев. В Моисеевом законе нельзя проследить никаких абсолютных различий между людьми без того, чтобы не извратить всю его нравственную тенденцию. Если раб получал от своего хозяина какую-либо тяжелую рану, он с этого момента объявлялся свободным, а за продажу свободного человека в рабство еврейский закон карал смертью (этот факт, кстати, разительно отличается от великого социального движения воинствующей партии сторонников рабства, политика которой направлена на порабощение как эмансипированных, так и свободнорожденных). Рабыня-наложница не могла быть продана чужим людям, тем более ее дети не могли быть проданы хозяином. Но если он желал избавиться от нее, хозяин обязан был найти ей мужа или другого хозяина среди своих родственников или друзей. В старые колониальные времена в Америке закон налагал штраф на *белых слуг и кабальеро* за смешение с чернокожими, но какое наказание грозило *белым хозяевам* за тот же проступок? Дело в том, что рабовладельцы в невольничьих регионах постоянно ссылаются на Библию, чтобы оправдать свои поступки, и постоянно нарушают предписания Писания.

Закон Моисея повелевает: "Раба, бежавшего от господина своего к тебе, не отдавай господину его; он должен жить у тебя, даже среди тебя, на месте, которое он выберет в одних из ворот твоих, где ему больше нравится; ты не должен притеснять его". Некоторые современные комментаторы пытаются ограничить это гуманное и универсальное повеление, утверждая, что оно относится только к слугам или рабам, *рожденным в еврейском мире*; но здравая критика полностью опровергает это предположение. Напротив, фраза "*в одних из ворот твоих*" является положительным доказательством того, что повеление имело в виду беглецов из всех племен и царств. Всех язычников, как рабов, так и свободных, иудеи считали "нечистыми", и могли возникнуть определенные трудности с принятием таких беглецов в свои дома. Но какого бы вероисповедания или национальности ни *был беглец*, он находил безопасность "*во вратах*" и оттуда не мог быть "предан господину своему". Разница в религии, а не в расе составляла главное различие между иудеем и язычником; если бы это повеление относилось исключительно к рабам-иудеям, то и в этом случае его дух нарушается американским законом о беглых рабах, для поддержания которого закон Моисея хулится, ибо порабощенная раса в христианской Америке имеет ту же веру и крещение, что и их хозяева.

С ростом роскоши и коррупции при древнееврейских царях похищения и торговля мужчинами и женщинами, по-видимому, значительно увеличились. Рабы, украденные во

время пиратских походов среди соседних племен, вывозились на большие расстояния, а другие ввозились оттуда в Иудею. Но против этой практики грозно выступали пророки - эти вдохновенные преемники Синайского законодателя. Эдомитяне и другие финикийцы, которые, по-видимому, были преимущественно работорговцами своего времени, ввозившие рабов из Газы, которая в то время была большой торговой магистралью и метрополией, и вывозившие их в другие пункты, были объявлены самыми проклятыми народами. Так и современные эдомиты этого континента, вновь возродившие работорговлю между Африкой и этой страной, вместе со всеми, кто им помогает, потворствует, покровительствует или оправдывает их, попадают под проклятие, столь часто налагаемое на их древних прототипов.

При королях домашнее рабство также стало более обширным, а его влияние - более пагубным. Однако оно еще не успело поглотить жизненные силы нации и полностью уничтожить мелкие усадьбы и свободную старшину, как это произошло впоследствии в Греции и почти во всем античном мире при республиканском и императорском Риме. Эпоха царей - это эпоха моральной деградации и женолюбия, с одной стороны, и бедствий и пленений для самих евреев, с другой. Под пагубным влиянием домашнего рабства расцвели чувственность и всеобщая развращенность. Рабство ослабило семейные и общественные узы у евреев, как показывает история, во всех местах и во все эпохи их существования - ведь рабство, чувственность и общая развращенность взаимно порождают и поддерживают друг друга. Но в своей самой глубокой и беспомощной деградации евреи никогда не продавали в рабство потомство своего личного разврата: этот шаг вперед по мерзости гебраистского рабства - это надругательство над человечностью веры, которую мы унаследовали от евреев, - был впервые оправдан и систематизирован в рабовладельческих государствах великой республики Запада! Как в древние, так и в христианские времена, несомненно, находились родители, которые бросали своих законных или незаконных отпрысков на произвол судьбы, на произвол судьбы или в рабство; но все законодатели осуждали такую бесчеловечность и старались, по возможности, регулировать и смягчать ее. Так, умышленная продажа своих детей в древности могла иметь место в единичных случаях; но она всегда и везде осуждалась как совокупность всех пороков.

Многие из правил опеки над рабами, изложенных в законе, правда, стали не использоваться, как и другие части закона, которые нарушались своенравными и жестокошеими израильтянами. Однако с приходом к власти доброго Иосии нарушенные заповеди и предписания Моисея, включая те, что касались рабов, стали неукоснительно соблюдаться, и началась всеобщая реформация.

Рост богатства, различные модификации и изменения, порожденные в организме общества его ростом, а также войнами, пленениями, сменой правительства и т. д., привели к появлению нового подчиненного состояния в домашней и гражданской жизни евреев - это было состояние *клиента*, и относится оно к последней эпохе царей. Богословы сомнительной образованности и еще более сомнительной честности утверждают, что такие клиенты были рабами; но на самом деле клиенты у евреев были рабами своих покровителей не больше, чем те же самые люди у римлян или галлов. Еврейский клиент был *подчиненным*, но *независимым*; он находился под защитой своего покровителя, но оба были связаны взаимными обязательствами и предписанными условиями; а имущество и собственность покровителя часто находились под опекой клиента. Многие выражения в Писании, относящиеся к миссии будущего мессианского слуги Яхве, также означают именно клиента, а не раба или скотину.

Старое царство Иудеи было свергнуто в ходе войн с Ассирией и Вавилоном, а евреи уведены в плен. Эти неоднократные пленения постигали в основном наиболее богатую и влиятельную

часть населения. Такие пленники обычно становились политическими рабами, то есть лишались политических, но не религиозных или гражданских прав, и не становились домашними рабами или скотом. Они становились собственностью царя или государства, но не подлежали разбою или продаже; фактически, они становились колонистами, и им выделялись земли в той или иной части империи. Так, Тиглат-Палассар колонизировал евреями некоторые области к северу от Ниневии, а Саргон (или Саргина) переселил других в Медию. В вавилонском плену их состояние было точно таким же: так, когда Кир освободил из вавилонского плена сорок две тысячи триста шестьдесят евреев, среди них только семь тысяч триста восемьдесят семь рабов, или около одной шестой части от общего числа.

Домашнее рабство, как мы видели, произвело значительный хаос среди Вени-Израэля, и его жизнь постоянно пополнялась войнами и последующим разорением и обнищанием народа, а также другими причинами, на которые уже указывалось. Но до последнего вздоха политического и национального существования евреев - до дня разрушения Иерусалима и часа окончательного рассеяния - рабству так и не удалось полностью уничтожить скромные усадьбы свободного сельского населения, как это произошло в других народах и империях древности: например, оно не истребило свободную земледельческую йоменность в Палестине, как это произошло впоследствии в римском мире от Атлантики до Евфрата. Свободное население в основном занималось сельским хозяйством и владело усадьбами; и эти небольшие свободные усадьбы считались почти священными - даже короли могли лишь насильственным путем захватить ферму бедняка.

Маленькая Палестина на востоке кипела людьми, как пчелиный улей, несмотря на пленения, бедствия и истребительные войны. Во времена Давида Палестинское царство было размером примерно с нынешнее королевство Португалия, а его население составляло около трех миллионов восьмисот тысяч человек. При Соломоне, его сыне, на строительстве храма трудились пятьдесят три тысячи шестьсот рабов иностранного происхождения, большинство из которых, вероятно, были собственностью царя или государства, а не частным имуществом. Если мы , что число рожденных в Иудее рабов обоих полов и всех возрастов было даже в четыре раза больше (что совсем маловероятно, учитывая источники и способы поставки рабов), то это даст всего двести шестьдесят восемь тысяч рабов всех видов в Иудее, или одну четырнадцатую часть населения.^[8]

Какими бы коррумпированными ни были закон и его правила, и то и другое, тем не менее, оставалось сдерживающим фактором для домашнего рабства. Задолго до ужасной флавийской эпохи евреи были густо рассеяны по восточному и западному миру, но не как вывезенные рабы, а как странники и искатели приключений: возможно, среди них и были рабы, но их было меньшинство. Чужаки, конечно, были, но свободные в соответствии с существовавшими тогда муниципальными ограничениями. Это был избыток свободного населения, который таким образом уходил за границу в поисках лучшей судьбы - явление, которое воспроизводится в наши дни иммиграцией в Америку избыточного населения различных европейских государств. Эта эмиграция была настолько велика, что во времена Цицерона евреи, итальянцы и греки составляли основные национальности, участвовавшие в беспорядках на римском форуме, а однажды они освистали Цицерона, когда тот стоял на трибуне. Великий и поразительный факт сохранения народа Вени-Израэля и его увеличения в эпоху , когда население других стран медленно вымирало, следует отнести исключительно на счет ограничения, которое закон наложил на домашнее рабство, и которое он частично сохранил даже во времена величайшего национального упадка.

На основе наших знаний о внутреннем организме и экономике евреев можно сделать определенные выводы о внутренней экономике других современных народов, особенно

Сирии и некоторых частей Западной Азии. Лидия и, прежде всего, Вавилон и Ассирия исторически известны только на последних этапах своего существования, когда политическое и бытовое рабство почти полностью слились воедино. Что касается более ранних времен, то источники для их изучения ограничены, если не вовсе отсутствуют, и только аналогия может направлять исследования. Однако вполне вероятно, что для борьбы с крепостным правом и рабством и их регулирования моральным и юридическим оружием оставался только Моисеев закон. Евреи не обладали и не передали в историю ни одного из продуктов блестящей цивилизации или утонченной культуры, которые дошли до нас в виде отголосков от античных восточных империй. Но в то же время евреи были наделены определенными духовными импульсами, стремлениями и идеями, гораздо более великими, чем у любого из окружающих народов. Материальная цивилизация и культура не могут рассматриваться как высшее проявление духа человека. История знает примеры развития самых благородных человеческих порывов в степени, совершенно несопоставимой с так называемой "цивилизацией" нации.

Авторитет Священного Писания приводится в качестве абсолютной санкции на порабощение одной ветви человеческой семьи, а теологическое право на порабощение африканцев основывается на известных словах Ноя: "Проклят Ханаан; рабом рабов будет он братьям своим". Однако общий смысл этих слов, даже при самом строгом толковании, скорее указывает на их деградацию как касты - примером тому служат свинопасы у египтян или чудры (судры) у индусов - впрочем, и те, и другие были скотом, лишенным человеческих и семейных прав.

Современная критика, руководствуясь главным образом светом сравнительной филологии и этнологии, без всяких сомнений установила подлинное значение патриархальных имен Священного Писания. До Авраама или, в крайнем случае, до Тераха, его отца, все эти имена имеют этническое или географическое значение. Авраам, однако, - историческая личность, и с него начинается положительная еврейская история.

Моисей и другие авторы книги Бытия получили образование среди высокообразованных и ученых египтян, а в Палестине они соприкоснулись с высокоразвитой цивилизацией ханаанцев или финикийцев, аравийцев и набатеев, которые тогда находились в полном расцвете жизни и деятельности. От этих родственных шемитских народов евреи научились письменности, и многие научные открытия этих эпох смутно сохранились в Моисеевых записях, как и общие контуры этнических знаний той эпохи. Моисей и другие писатели лишь записывали различные географические и этнические названия, которые приходили им на ум, и для этого не требовалось вдохновения. Современная научная критика, руководствуясь доводами разума - этого величайшего продукта руки Божьей, - теперь вливает живой дух в то, что веками было мертвой и непонятной буквой. Это можно легко пояснить на нескольких примерах. Слово Хам, или *Эрез-Хам*, не имеет корня или значения ни в иврите, ни в любом другом шемитском диалекте; оно, несомненно, было заимствовано у египтян, и за разгадкой его значения мы должны отправиться в Египет. Другие библейские имена, например, *Эбер*, *Фелег* или *Пелег*, *Реу* или *Реху*, *Серуг* и *Нахор*, представляют отдельные шемитские племена, или, как их тропически называют в летописи, царства и государства, Месопотамии (Нахараина). *Эбер*, или, правильнее, *Хебер* (отсюда "евреи"), означает "чужак" или "человек с другой стороны", то есть тот, кто пришел из чужого региона. *Арам* также подразумевает переселенца с другого берега Евфрата. Так и *Мисраим* (*Миср* или М-Р у египтян), *Куш*, *Фут* и *Луд* представляли собой отдельные племена и народы, проживавшие в весьма отдаленных регионах и, возможно, даже принадлежавшие к разным расам, согласно принятым схемам

этнологии. *Луд* соответствует ливийскому *Леватаху*, *Легуатану* византийских писателей и классическому *Гараману*. *Фут* и *Луд* принадлежат Африке; они братья Мизраима, или его ближайшие этнические родственники в самой далекой древности, или, возможно, тесно связанные, но независимые племена, поскольку в Писании племена и государства обычно описываются как политически и географически независимые. *Фут* и *Луд* также упоминаются как союзные войска египтян или сирийцев. Наконец, *Луд* (*Лудим*) происходит от Мизраима; возможно, они были ответвлением египетской ветви, так же как ирландцы являются ответвлением галло-кельтской ветви, а англосаксы - тевтонской ветви.

Проклятие Ноя было направлено на *Ханаан*. Филологическое и этническое значение этого имени уже объяснено. Ханаанеи, хотя и были старшей ветвью шемитской семьи, были врагами Бени-Израиля, который завоевал их и изгнал с их земли и домов. Таким образом, в том, что автор этой части Бытия осуждает их на вечное рабство, есть очевидная логика - ведь она была написана после покорения ханаанеев. Действительно, такой же политики порабощения придерживались почти все древние народы-завоеватели в пылу своих победоносных сражений; так же поступали в более поздние времена лонгобарды в Италии, готы и франки в Галлии и Испании, англосаксы в Британии и норманны в Англии и Ирландии.

Нет никаких научных сомнений в том, что проклятые ханаанеи были из той же семьи и рода, что и евреи. После самых тщательных и добросовестных исследований в области этнологии и филологии невозможно считать ханаанеев или финикийцев не иначе как шемитами; с этим также совпадает и Писание - их земля Ханаан находится не в Африке. Кто были *кушиты* в древности, также уже указывалось. И если, как пытаются доказать некоторые, древние египтяне не принадлежали к африканской расе (по нашему современному определению), то они были хамитами, кушитами и т. д., о которых говорится в Писании. Как через них можно показать, что проклятие дошло до настоящего африканца, требует казуистических усилий, отталкивающих как логику, так и факты, а также здравый смысл. Из Писания нельзя извлечь ни малейшей тени авторитета в пользу порабощения черной или негритянской расы. С несколько более здоровой логикой это проклятие Ханаана применялось даже в христианские времена и среди европейских народов к классам, которых держали в рабстве хозяева, принадлежащие к той же расе. Рабство, действительно, было общей судьбой в разные эпохи для всех человеческих рас и семей; и угнетатель никогда не нуждался в благочестивых мольбах. Так называемое дворянство средневековой христианской эпохи считало мещан и покоренных рабочих нечистой и деградирующей кровью, и по всей Европе их считали потомками Хама. (Некоторые старые аристократические европейские семьи и сейчас считают всех, кто не является дворянами, деградирующей кастой). Согласно такому толкованию ноахического проклятия, дурное пятно даже сейчас циркулирует не в жилах африканского раба, а в жилах тиранов, которые его угнетают. Ни египтяне, ни финикийцы, ни евреи, да и вообще ни один народ древности не считал какую-либо особую расу или племя абсолютно предопределенным к вечному рабству. Эта отвратительная концепция - гнилостное порождение умственного, социального и морального разложения. Даже у Моисея была чернокожая женщина в качестве жены (не наложницы), и, тем не менее, он был допущен к беседе с Иеговой.

Настоящее историческое исследование не ставит своей целью оправдание африканцев: наука и история с триумфом делают это для всех честных и разумных умов. Цель этих страниц - показать ужасающий хаос и опустошение, которые домашнее рабство приносит всем расам, нациям и цивилизациям, и указать на полную аналогию рабства, существовавшего в прошлом, с тем, которое все еще разрушает нашу страну и наш век. Проказа раннего Египта, Сирии и Иудеи была такой же, как и та, что существовала долгие века спустя в Западной

Европе; так же обстоит дело и с социальной проказой веков. И как в особых условиях болезнь может принять более смертоносный характер, так и социальные недуги порой проявляют себя с большей жестокостью. В древности домашнее рабство захватывало все расы и все социальные и гражданские условия: оно не было приковано исключительно к какой-либо особой расе. Возможно, именно по этой причине оно медленно вгрызалось в костный мозг античных цивилизаций. Современная софистика пытается дать божественную и моральную санкцию рабству и обосновывает его справедливость абсолютной и predetermined неполноценностью *черной расы*. Но естественная работа рабства по разрушению мужественности, нравственности и интеллекта с ужасающей быстротой развивается в этой стране, и здесь она получает свою самую скорбную иллюстрацию.

Но каково свидетельство самого высокого научного обобщения по этому вопросу, о природной неполноценности африканцев? Все авторитеты в области сравнительной анатомии и физиологии - Оуэн, Флуренс, Бахман, Мюллер, Хаэнле, Притчард, Вагнер, Фогт и Дрейпер, среди них - вместе с людьми умственного калибра и научных достижений Вильгельма и Александра фон Гумбольдта - людьми, представляющими всевозможные научные теории и обсуждающими этот вопрос со всех возможных точек зрения - повсеместно отрицают существование абсолютной неполноценности негритянской расы или даже какого-либо существенного различия или линии разграничения между расами вообще! Физиологические и краниологические различия, которые так легко заметить, не являются *видовым* отличием; а физиология головного мозга не делает существенных различий между мозгом белого человека, даже англосакса, и мозгом негра.

Еще более беспочвенны нынешние утверждения об умственной неполноценности африканской расы. Если такая неполноценность действительно существует в настоящее время, то она, в крайнем случае, преходяща и условна по своей природе. Это может быть только такая неполноценность, которая на протяжении бесчисленных веков характеризовала северные расы в отличие от южных. В то время как первые бродили и воевали как дикари в диких лесах, вторые создавали великие и гармоничные цивилизации. Трудно представить, каким было бы состояние германцев - да, пожалуй, даже англосаксов, - какую цивилизацию они бы открыли, не будь у них христианской, римской и галло-кельтской прививки. Если утверждать, что некоторые африканские племена менее восприимчивы к культуре или менее наделены интеллектуальными качествами и способностями, чем некоторые белые племена или их отпрыски, то разве не так же обстоит дело, что потомство от одних и тех же родителей может иметь совершенно разные способности, наклонности и возможности; и что различные племена и нации, происходящие из одного и того же этнического источника, играли совершенно разные роли в драме всемирной истории?

В самой далекой древности великий галло-кельтский стебель активно влиял на судьбы Европы и части Азии; однако прошло всего восемьдесят лет с тех пор, как историк Пинкертон, говоря об *Ирландии* и *ирландцах* - *этих* чистейших кельтских остатках, сказал: "Действительно, совершенно безразлично, в какое время дикари одного континента заселили соседний остров" (Ирландию). Это замечание было бы трудно оправдать, хотя и сейчас есть немало англичан, которые считают настоящих ирландцев низшей расой, к тому же неспособной к какому-либо высокому развитию.

Моральный и умственный рост тех африканцев, которые ранее были рабами в британской Вест-Индии, показывает возможность развития негритянской культуры под влиянием свободы. Официальные отчеты различных губернаторов этих островов показывают, что после освобождения наблюдается быстрый и устойчивый рост их благосостояния; и абсолютная достоверность, которая характеризует эти отчеты английских агентов

правительству, не может ни на минуту вызывать сомнений. На некоторых островах, таких как Нассау и другие, продукция и доходы увеличились в сотни раз, в то время как расходы на управление (на содержание защитного флота и репрессивной армии, которые теперь больше не нужны) значительно уменьшились. Они также свидетельствуют о значительном увеличении импорта из Англии - их материнской страны в самом благородном смысле этого слова. Даже экспорт сахара почти сравнялся с тем, каким он был в условиях принудительного рабского труда, в то время как *его собственное производство значительно увеличилось*, а внутреннее потребление намного превосходит то, что было в самые лучшие времена плантаторов. Это факты, которые может извратить только лицемерие, а извращение - скрыть.

Что касается вопроса о "жизнеспособности" и продолжительности жизни гибридов, мулатов и т. д., то наука протестует против заблуждения, которое отстаивают новые апостолы рабства. Факты подтверждают выводы подлинной науки и взрывают заблуждения ее подделок. Доминиканская Республика почти полностью состоит из мулатов, которые уже во втором или третьем поколении, если не старше. Эти мулаты не только не вымирают, но и увеличиваются сами по себе. Для исправления или поддержания породы туда не завозятся белые жеребцы из районов, где разводят рабов.

Если, однако, еще сохраняется мнение о превосходстве белого над черным, оно должно быстро исчезнуть, когда аргументы воинствующих сторонников рабства - будь они в сенаторских тогах, в священнических рясах или в типографской краске - будут подвергнуты анализу беспристрастной философии или обычной логики. Надуманная и развращенная цивилизация гораздо более опасна и унижительна для общества и более правдиво свидетельствует об умственной неполноценности, чем отсутствие цивилизации или примитивное состояние дикаря. И это тем более верно, когда субъекты такой надуманной цивилизации имеют в пределах досягаемости элементы подлинной моральной и социальной культуры, но в то же время отвергают и обесценивают их. Такие люди, каково бы ни было их условное положение или этническое происхождение, каков бы ни был цвет их кожи, форма черепа или характер волос, по отдельности и в совокупности уступают некультурному, угнетенному и потому деградировавшему негру; в то время как в отношении справедливости, мужественности и всего, что облагораживает, они не приближаются к миллионам трудолюбивых и разумных фермеров и свободных йоменов, ремесленников и механиков свободных государств, а тем более к высшим проявлениям этих качеств в великих и великодушных умах.

Поэтому ни в Моисеевом писании, ни в исконном чувстве нравственности, ни тем более в науке нельзя найти никакой поддержки заблуждениям, выдвигаемым апостолами американского рабства. Наука, справедливая и возвышенная по своей природе, делает выводы и устанавливает законы с возвышенной беспристрастностью, ничего не оправдывая и не обвиняя в злом умысле. Нормальный характер каждой науки, всегда и навсегда, - *освободительный*. Наука освобождает разум от предрассудков, лжи и суеверий, от тирании, которую осуществляют над человеком стихии и силы природы, а также от гораздо более злых сил социального угнетения. Несомненно, именно этот божественный характер истинной науки делает ее столь отталкивающей для апостолов человеческой деградации.

ССЫЛКИ:

[7] Старые колониальные обычаи и правовые нормы в Америке полностью подтверждают приведенные выше утверждения. *Белые* слуги, с договором или без, находились в рабстве у своих хозяев, как и прочее движимое имущество, а иногда, хотя и редко, их даже продавали.

Поэтому, не возвращаясь к европейскому происхождению, можно с уверенностью утверждать, что сравнительно недавно предки многих воинственных защитников рабства были кабальными людьми на американской земле.

[8] Флавий Иосиф говорит, что при Иродах население Иудеи вдвое превышало численность, установленную переписью Давида. Возможно, эта информация преувеличена, но, во всяком случае, она свидетельствует о значительном и положительном росте.

VI.

НАБАТЕИ.

АВТОРИТЕТЫ:

Лассен, Кватремер, Лаборд, Опперт, Хвольсон, Персеваль и др.

В серое утро времени, за неясностью, нависшей над происхождением Ассирии, и предшествуя даже первой великой эпохе Вавилона, наступает рассвет полностью развитой набатейской цивилизации. В той мере, в какой научное исследование воображает, что достигло положительной эпохи в этнологии и истории нашей расы, за ним поднимается новое облако, которое служит лишь для того, чтобы ненароком обозначить границы уже исследованного пространства. Так легенды, традиции и следы беспомощно и безнадежно погружаются в миф, а исследователь теряется в "темной глубине и бездне времени". Восточные легенды, витающие над Передней Азией (или землями между Гималаями и Ассирией), представляют собой традиции эпох и цивилизаций, прошедших через периоды юности, зрелости и упадка, еще до того, как брамины, ассирийцы или евреи появились на историческом горизонте.

Предполагается, что набатеи были шемитами или чистыми халдеями.[9] Они обитали в древней Месопотамии, между Евфратом и Тигром, а также на территории, которая впоследствии стала частью Сирии и Ассирии; их ветви или колонии распространились на Аравию и восточную Месопотамию. Вероятно, они были первобытными белыми жителями этих регионов и основателями Вавилона и его первой, почти доисторической, эпохи славы, вплоть до того времени, когда они были завоеваны ассирийцами или арианизированными набатеями и халдеями.

Согласно древним восточным писателям, они изобрели и научили своих соседей искусству обработки земли, и от этого обстоятельства, как говорят, произошло их название. Во всяком случае, они были первобытными земледельцами на этих землях, и сельское хозяйство, по-видимому, было их основным занятием и способом существования. Эта процветающая набатейская цивилизация легла в основу ассирийской и второй вавилонской цивилизаций и оказала сильное влияние на первобытных древнееврейских писателей. *Арфаксад*, упоминаемый в Бытие, означает на халдейском языке *крепость, город, цивилизацию*, и это тоже в самую раннюю, так называемую патриархальную эпоху. Набатеям принадлежит великая работа по орошению Евфратии, благодаря которой эти доселе бесплодные и неводеланные равнины более чем на сорок веков превратились в самый плодородный регион древнего мира. Древнейшие авторитеты утверждают, что их язык был высокоразвит в то время, когда другие шемитские племена и народы лишь шепелявили на своем грубом языке или пытались писать символами, изобретенными, по всей вероятности, набатеями.

Некоторые приписывают им изобретение символов со стрелками, другие полагают, что ассирийцы (о которых речь пойдет далее) впервые придумали их или, во всяком случае, впервые применили это татарское изобретение для использования и сохранения набатейского языка. Фрагменты из сочинений Кутай - набатеянина, жившего задолго до разрушения Ниневии, - показывают, что большинство наук, таких как математика, астрономия, хронология и т. д., были развиты у них в высокой степени, и что они были большими любителями музыки и других изящных искусств.

Их исторические записи гораздо богаче и полнее, чем любые другие существующие записи, относящиеся к тем далеким и пока еще непонятным эпохам и событиям. В этих реликвиях запечатлены многие подробности ранней жизни того времени, главным образом, касающиеся, однако, сельского хозяйства, из которых, несомненно, греческие писатели, такие как Дионисий Галикарнасский и Страбон, черпали свои знания о превосходстве и первостепенной важности набатейской сельскохозяйственной науки, на которой, как уже отмечалось, была основана вся их цивилизация. Однако в этих почтенных набатейских фрагментах нигде не упоминается *рабство* или *раб*, а тем более как основа домашнего хозяйства и полевого труда; только *свободные люди* и *держатели свободных земель* упоминаются как возделывающие землю и пожинающие плоды своего труда; это служит дополнительным и наиболее убедительным доказательством того, что человеческое *рабство не является сопутствующим существованию общества*.

Действительно, можно утверждать как общее правило, четко подтвержденное историей, что сельское хозяйство никогда не может процветать ни при рабском труде, ни даже при сельском хозяйстве. Этого не было в древности, этого не было и в наши дни. В той мере, в какой Египет, Сирия и Ассирия становились жертвами политического рабства и ее сестры-близнеца, или, скорее, генератора, домашнего рабства, их сельское хозяйство приходило в упадок и деградировало. В той мере, в какой народы современной Европы вышли из рабства и крепостного права, сельское хозяйство стало цивилизующим, прогрессивным, рациональным и научным. Англия, Германия, Франция, Швейцария, Бельгия и Фландрия - живые свидетели этого; и, с другой стороны, Польша, Россия, Венгрия, Болгария и Дунайские княжества - все обладающие самыми плодородными почвами - едва ли выйдут из социального, политического и сельского варварства. Мавры и мориски не были рабами, когда они возделывали Андалузию так, как никогда не было. А какая огромная разница между сельским хозяйством свободных и рабовладельческих районов Соединенных Штатов! И это при том, что регион рабской культуры имеет преимущества как в климате, так и в почве. Замедленные и неуверенные успехи, достигнутые в стране рабов, лишь тусклыми лучами пробиваются из свободных, просвещенных северных штатов.

Таким образом, старое и новое преподносят один урок и стремятся к одному результату.

ССЫЛКИ:

[9] В отличие от арианизированных шемитов или халдеев, известных как ассирийцы и вавилоняне второй эпохи, и современных курдов.

Этнология и сравнительная филология повсеместно обнаруживают подобные бифуркации почти у истоков этнической жизни. Эти раздвоения объясняются естественным ростом и слиянием различных племен и народов. Так, Бактрия, Персия и Медия представляют нам ариев и индоскифов или арианизированных татар. Так же и все первобытные расы делятся и подразделяются подобным образом внутри себя. Шемиты разделились на халдеев и

ханаанеев, а затем на арабов, евреев и т. д. Арии сначала разделились на две группы: восточную, от которой, в свою очередь, произошли Zendские и санскритоязычные арии, или иранцы и индусы, и западную группу, предков различных европейских рас. Из этих последних одна ветвь иммигрировала в Грецию и Италию, дав начало ионийцам и дорийцам, италийцам и латинянам, а также греческому и латинскому языкам; другая же сформировала галлов, или гаделов и кимри, основными диалектами которых являются гаделический и бризонец. Затем появились их ответвления - белгæ, кимбро-белгæ, финно-белгæ и т. д. Так же и славянский язык, разделенный на сербский, вендский и т. д.

VII.

АССИРИЙЦЫ И ВАВИЛОНЯНЕ.

АВТОРИТЕТЫ:

Роулинсон, Данкер, Опперт, М. фон Нибур и др.

Могущественная империя ассирийцев, составляющая одно из первых звеньев в цепи позитивной истории, до сих пор была лучше всего известна по великим катастрофам, которые окончательно завершили ее существование. Еврейские Писания свидетельствуют о богатстве, роскоши и военной мощи ассирийцев; но ни они, ни фрагменты других древних исторических писателей не рассеивают неясности, окутывающей внутренний организм этого великого античного народа. Не дают представления о деталях социальной структуры вавилонской истории и очерки Геродота.

В том переднем мире, куда еще не проникла история, регион между Средиземным морем и верховьями и притоками Евфрата и Тигра стал театром бурного смешения рас, народов и цивилизаций, не имеющего аналогов в известной истории человечества. Социальные и этнические структуры самого разнородного типа покрывали эти регионы, с их различными вероисповеданиями, теократиями, муниципальными монархиями и деспотиями всех степеней.

Когда, примерно за пятнадцать веков до нашей эры, история открыла империю ассирийцев или ниневитян, их владения простирались по прямой линии от верховьев Евфрата и Тигра до устьев этих рек; На северо-востоке они также правили Мидией (таким образом, касаясь Каспия), а оттуда их владения простирались через Армению, южный Кавказ и Грузию, на запад до устья реки Халис (современный Кизил-Ермак) в Черном море, и охватывали также Палестину, Финикию и Киликию. Поскольку династия Нина когда-то правила Лидией, вероятно, что империя ниневитян в свое время простиралась по крайней мере на часть Малой Азии, вплоть до Эгейского моря.

Эта великая ассирийская империя выросла на руинах Вавилона, который когда-то был ее хозяином, а в древности значительно превосходил ее.

История сохранила названия некоторых рас и племен, которые, возможно, когда-то жили здесь бок о бок, но впоследствии были завоеваны и управлялись более могущественным народом. История, как мы говорим, сохранила одни, а сравнительная филология постоянно вычленяет другие из хаоса античной месопотамской этнологии.^[10]

Ассирийская и Вавилонская империи вошли в историю человечества как колыбели восточного деспотизма и политического рабства. Как эта ужасная тирания возникла в Ассирии, выяснить не представляется возможным. Несомненно, здесь было несколько сговорившихся причин, подобно тому как множество ручьев объединяются в мощный поток. В истории Рима, к счастью, мы сможем ясно увидеть генезис его деспотизма и продемонстрировать как зародыши, так и обломки его социальной структуры. Исходя из всех исторических аналогий, можно с уверенностью утверждать, что ассирийский деспотизм был порожден войной, а политическое рабство вскормило и взрастило домашнее скотство. Зло всегда воспроизводит свою собственную сущность и тень!

Социальная и бытовая экономика ассирийцев в общих чертах, должно быть, была похожа на набатейскую и древнееврейскую. В течение времени домашнее рабство могло в какой-то степени развиваться в обеих империях; но даже на последних этапах их независимого существования оно не могло достичь той ужасной точки, которой оно достигло после потери автономии. Ассирия и Вавилон пали от ударов народов, которые сами были покорены и политически поработаны. Однако до последнего ни их земли, ни города не подвергались опустошению и запустению. Их цивилизация до последнего оставалась в цветущем состоянии, и исторически она считается *оригинальной*. Но оригинальные цивилизации никогда не прорастают под влиянием домашнего скотства. Равнины Евфрата должны были быть ульем сельского населения, откуда снабжались имперские армии, и это снабжение не могло быть в виде домашнего скота. В древних городах производство и промышленность часто осуществлялись рабами; но когда домашнее рабство утвердилось в сельских районах, национальные силы вскоре стали чахнуть.

Племена и страны, завоеванные Ассирией и Вавилоном, просто становились данниками их богатства и власти. Военнопленными, по всей вероятности, распоряжались так же, как и в Египте, и как было принято во всем древнем мире, и даже в течение нескольких веков в христианстве - использовали на общественных работах, при прокладке каналов, следы которых все еще видны, или при возведении стен, дворцов и общественных зданий, все из которых сегодня покрыты пылью веков. Так, например, Саргон (или Саргина) использовал военнопленных при строительстве огромных дворцов в Хорсабаде.

В ассирийской и вавилонской истории зафиксированы случаи неоднократной транспортировки целых народов из одной части империи в другую. Состояние пленников, ставших колонистами, уже объяснялось в разделе о "евреях". Похоже, что цари Ассирии и Вавилона первыми открыли этот способ оптовой транспортировки, пленения и колонизации. Так, Тиглат-Палассар депортировал жителей Дамаска в Кур в Грузии; а Ассардан массово отправлял вавилонян, аркейцев, сузианцев, эламитов, персов и дахейцев (татар), одних на север, других на юг. Все эти пересадки приводили к разрушениям, запустению и разрушению усадеб, что способствовало развитию домашнего рабства, облегчало его распространение и усиливало его роковое влияние как на покоренных, так и на завоевателей. И наконец, они подготовили почву для того ядовито-роскошного роста рабства, благодаря которому месопотамцы и сирийцы стали всеобщими рабовладельцами классической древности.

После разрушения восставшими народами ассирийской столицы (Ниневии) Вавилон стал центром новой империи. Власть Набукудруссура (халдея из Вавилона) простиралась от гор Армении до аравийских берегов Красного моря и Персидского залива. Это снова запись вечной войны, и во всех отношениях это было продолжением ниневитского периода запустения и безвластия. Военнопленные снова заполнили столицу, работали на стенах и во

дворцах Вавилона. Богатые долины больше не обрабатывались свободными рабочими, а находились в руках крупных рабовладельцев и обрабатывались их бандами рабов.

Вавилон пал, разрушенный войной в сочетании с политическим и бытовым рабством, и передал обе болезни своим разрушителям.

ССЫЛКИ:

[10] Филологический анализ иероглифов и надписей, обнаруженных в руинах Ниневии (Хорсабада) и Вавилона, а также в других местах древнеперсидской империи, дает нам некоторое представление о различных этнических элементах, составлявших Ассирийскую и Вавилонскую империи. Вероятность, основанная на сравнительной филологии, приписывает изобретение стреловидных символов тартарскому (скифскому) народу или расе. Передаваясь, по всей вероятности, от народа к народу; увеличиваясь, сливаясь в использовании и применении с различными языками и диалектами, эти клинописные знаки, используемые для ассирийских, вавилонских и персидских надписей, в настоящее время этнически и филологически классифицируются на два основных подразделения - анарийское и арийское. Арийский язык включает в себя древнеперсидский; анарийский язык ниневитских реликвий является результатом тринадцати этнических и филологических комбинаций и использовался пятью следующими народами, известными истории. 1. Медо-скифы; 2. Касдо-скифы; 3. Сузы; 4. Древние армяне; 5. Ассирийцы. Ниже перечислены тринадцать комбинаций: 1. Чистые иероглифы; 2. Иератические знаки - пока еще без наконечников стрел; 3. Старые скифские или тартарские наконечники стрел; 4. Новые тартарские (новые при Ассирии); 5. Старые сусийские; 6. Новые сусийские; 7. Старые армянские; 8. Новые армянские; 9. Старые ассирийские; 10. Новые ассирийские; 11. Старые вавилонские; 12. Новые вавилонские; 13. Демотические вавилонские.- Oppert.

VIII.

МЕДЫ И ПЕРСЫ.

АВТОРИТЕТЫ:

Зенд Авеста, Вендидад, Геродот, Лассен, Пикте, Данкер и др.

Меды и персы, или зендскоязычные иранцы, разрушители Ассирийской и Вавилонской империй, были могущественной ветвью великого рода Ариев. Иранцы покинули общую родину ариев в столь отдаленный период, что все попытки дать им возможную или даже вероятную хронологию становятся бесполезными. Они поселились в регионах, названных ими "Землями Ирана", которые и по сей день составляют Персию. Некоторые исследователи утверждают, что Иран-Персия ранее была занята татарами; но самые ранние традиции, сохранившиеся в Зенде, или древней речи Заратустры, не упоминают о какой-либо борьбе за господство между расами.

Зенд Авеста, древнейшая традиционная запись о народах Ирана, представляет картину первобытных миграций и социального состояния иранцев. В ней они делятся на три сословия - жрецов, воинов и земледельцев, хотя еще не существовало такого понятия, как кастовая принадлежность. Похоже, что слияние с татарами - предполагаемыми аборигенами Ирана - было полным, так как в "Зенд-Авесте" не упоминается ни один покоренный народ или

низший класс. Воины и земледельцы находились в полном социальном равенстве. В книге традиций нигде не упоминается ни крепостное право, ни рабство, ни собственность на человека. Из этого можно сделать вывод, что среди ранних иранцев собственность на человека была неизвестна. Конечно, во всяком случае, если даже формы рабства и существовали, они находились в таком забвении, что не ускользнули от внимания Заратустры (Зороастра), великого моралиста и законодателя своего народа, жившего много позже эпохи ранних странствий, когда иранский народ сформировал на земле Ирана хорошо организованное общество. Заратустра считает земледелие самым благородным занятием человека в моральном и социальном плане, но он говорит о щедром труде свободных людей, а не о принудительной каторге рабов.

В "Вендидаде" часто упоминаются общие занятия жизни, и особенно подробно описываются детали земледелия - его потребности, способы, продукты и орудия труда. Фермер должен иметь по крайней мере упряжку тяглового скота, сбрую и кнут; плуг, ручную мельницу и т. д.; но нет ни одного упоминания о рабе как о сельскохозяйственной необходимости. Усадьба иранца состоит из жилища, кладовой, погреба, конюшни для лошадей, верблюдов и скота, но в записях нет никаких упоминаний о хижине для рабов. В "Вендидаде" также описывается, как собаки - почти священные для иранцев - должны быть приставлены для наблюдения за деревней и стадами; но нигде не говорится, что они должны были использоваться для наблюдения и охоты на рабов. Перечисляются различные работники и ремесленники, но никто из них не является подневольным слугой или работает по принуждению.

Земледельцы, крестьяне и рабочие Мидии и Персии, которыми восхищались даже Ксенофонт и Платон, построили энергичное государство и общество. Однако после долгих веков существования его сила была подорвана иностранными завоеваниями, роскошью, политическим и бытовым рабством. Подобное явление будет вновь и вновь проявляться в ходе данного исследования. Когда мидийцы свергли Ассирийскую империю, они заразились беспутными обычаями своих бывших хозяев. Дома богачей наполнились домашними рабами, хотя рабство еще не соприкасалось с сельским хозяйством или промышленными занятиями, а потому распространялось по земле как беда.

Домашнее рабство, в ограниченном смысле домашнего подневольного труда, несомненно, в конечном итоге было введено в Персии; но никогда перс не содержался как скот на земле своих предков. Деспотизм, или политическое рабство, также не существовало в правительственной структуре иранцев, которые под предводительством Кирова (Кира) завоевали весь западный азиатский мир. Кир был лишь первым среди равных и всемогущим только как лидер и полководец. Он еще не обладал деспотической властью Ксеркса и других, более поздних отпрысков Ахеменидов; и до последнего, даже до завоеваний Александра, иранская социальная структура была сравнительно свободна от домашнего рабства. Также персы и другие иранские племена никогда не были абсолютными политическими рабами своих собственных царей.

Персидские завоеватели азиатского мира находили домашнее рабство более или менее развитым везде, куда они проникали. Однако положительные сведения об особой социальной и политической организации персов после Кира и при Дарях крайне скудны. Владычество Ахеменидов распространялось примерно на восемьдесят миллионов человек, принадлежавших к различным расам. Завоеватели во всех случаях соблюдали гражданскую и социальную организацию и управление, свойственные покоренным племенам или народам. Во многих случаях правители завоеванных государств становились персидскими сатрапами на землях, которыми когда-то правили сами. Как сатрапы они обладали деспотичной властью, имели право жизни и смерти, принуждения к поборам и взимания

налогов. Но поскольку персидские цари до последнего строго следовали заветам Заратустры, земледелие всегда оставалось для них самым любимым занятием. Сатрапы получали вознаграждение в строгом соответствии с тем, насколько процветало сельское хозяйство, росло и процветало население в их сатрапиях.

Во время долгого правления потомков Дарейоса во внутренних районах великой империи, простиравшейся от Нила почти до Инда, царил сравнительный мир. Таким образом, домашнее рабство не получало своего обычного питания от военнопленных, уничтожения мелкого имущества и последующего обнищания населения - тех ужасных последствий войн, от которых Передняя Азия страдала почти непрерывно в течение многих предыдущих веков.

По этим и другим причинам домашнее рабство под персидским правлением, хотя и прикрытое политическим рабством, имело лишь небольшой рост и медленно прогрессировало. Оно, конечно же, не опустошило эти земли, как впоследствии опустошило их римское владычество.

В дань, которую покоренные народы платили персидским царям и их двору, входили рабы - мальчики и девочки, но в ограниченном количестве. Работоторговля существовала, как и раньше, но, по всей вероятности, поставки человеческого товара были менее обильными. Именно из политических рабов, а не из домашнего скота, были набраны армии, которые пересекли Геллеспонт и вторглись в Грецию.

Но если рассматривать этот вопрос в масштабах исторического развития, то политическое рабство и пагубные последствия деспотизма, которому долгое время подвергались персы, можно рассматривать как почву, из которой выросла болезненная и чудовищная система домашнего рабства, подобно тому как внешние влияния часто развивают и укрепляют зародыши хронической и смертельной болезни тела.

IX.

АРЯС-ХИНДУСЫ.

АВТОРИТЕТЫ:

Лассен, Уилсон, Вебер, Макс Мюллер, Пикте, Кун и др.

Центральный регион Бактрии, по всей вероятности, был колыбелью ариев, общих прародителей всех рас и народов, которые сегодня населяют Европу. Во времена, предшествовавшие великому доисторическому разделению и выделению арийских рас, они, вероятно, занимали всю обширную область, простиравшуюся от Гиндукуша, Белоуртага, до реки Оксус и Каспийского моря. И это в период, о котором можно только сказать, что время существовало.

Античные арии вели пастушеский образ жизни. Первоначальное значение слов в европейских языках, обозначающих семейные и общественные отношения, а также названия домашних и других животных, злаков и растений, орудий земледелия и ремесла и т. п., выясняется благодаря корням, найденным в санскрите, который, как предполагается, был первоначальным языком ариев или, во всяком случае, наиболее полно сохранил первобытный отпечаток арийского характера.

"Отец" (на санскрите, *pitri*), означает "защищающий, или покровитель"; "мать" (санскрит, *matri*), "та, кто регулирует или приводит в порядок"; "дочь" (*duhitri*), "доющая"; "сын" (*sunu*), "рожденный"; "сестра" (*vastri*), "та, кто заботится" - *subauditur* - о домашних делах - также "носительница новой семьи"; "брат" (*brhatri*), "помощник, или носитель"; "юноша" (*yavan*), "защитник". Также "конь" (*aśva*) означает "быстрый, стремительный"; [11] название рода "бычьих", быка и коровы (*Sc, go, gaus*), "невнятно звучать", также (*ukshan*) "плодовый", кроме того, другие названия с другими значениями; род "овин", или овца (*avi*), означает "любимый, защищенный" и т.д.; "собака" (*cvan, kvan*), означает "кричащий, лающий"; но у нее есть и другие имена, обозначающие ее качества, как *sucaka*, "шпион, доносчик", *krtagna*, "признающий" или "благодарный", и т. д.; "гусь" (*hansa*, от *Sc. has*), "смеяться". Корни общих названий зерен и фруктов также можно найти в санскрите: *ad* - "есть", *adas* - "питание", *gr* - "пожирать", отсюда *garitra* - "зерно", "рис" и т. д. Можно заметить, что производные от этих и других корней стали применяться в языках ветвей к различным особым видам зерна; так, "овес", как по форме, так и по значению, легко прослеживается до санскритского корня. Так и названия многих металлов, деревьев, растений и диких животных уходят своими корнями и описательным значением в арийский или санскритский язык; и сравнительная филология дает нам метод выявления родства формы и значения.

Слова, имеющие один характер, и их примитивные значения, составляющие основу семейного и общественного бытия человека, следовали за различными этническими ветвями, вышедшими из арийского языка и распространившимися по всему древнему миру. Но ни корня, ни названия, ни обозначения для "слуги", имеющего значение "раб" или "скот", или выражающего лишение прав мужественности или человеческого достоинства, найти не удалось. Первобытный образ жизни ариев был, естественно, патриархальным или родовым, и вышеупомянутые слова показывают, что домашние и сельские функции выполнялись членами семьи. То, что уже было сказано в другом разделе (см. "Евреи"), с еще большей силой относится к ариям. Санскритское слово *ibha* означает "семья", "домашнее хозяйство", "слуги", но никак не рабы или скот. Его звучание и смысл прекрасно сохранились в ирландском *ibh*, обозначающем "страну" или "клан", но никак не поработанных мужчин! Названия оружия и другие слова, относящиеся к войне, которые можно проследить до арийской речи, доказывают, что арии воевали с другими племенами - возможно, с татарами; и все такие иноземные враги были объединены под собирательным санскритским обозначением *barbara, varvara*, или "варвары". Но даже здесь, где мы должны были бы искать его больше всего, нельзя найти ни намека, ни следа рабства.

Попытка исторически наделить определенные человеческие семьи или расы особой пригодностью или способностью к свободе или рабству, или фатальностью к тому или другому, или к определенным фиксированным социальным и политическим условиям, а также попытка разделить человеческую семью на отдельные физиологические или психологические расы - все это свидетельствует об узком понимании хода человеческих событий; это свидетельствует об очень ограниченном знании позитивной истории и, возможно, о еще более ограниченном философском понимании ее духа. Если, однако, подобные классификации имеют под собой какую-либо научную основу, то, несомненно, арии и народы, произошедшие от них, не имели природной, особой склонности быть рабами или рабовладельцами.

Далее следует отметить, что среди различных ветвей ариев, или так называемых индоевропейцев, рабство не было характерной чертой их первобытной жизни, а явилось результатом длительной последующей эпохи морального разложения и деградации. В сравнительно поздний период своей истории и при точно таких же условиях римляне и греки

начали поработать своих братьев. Так было с гелами или кельтами, так было и со славянами. Поляки были свободны от крепостного права до тринадцатого христианского века; русские ввели его только к концу шестнадцатого - и в обоих случаях после раздоров, войн и запустения. Только у тевтонов (включая англосаксов), рассматриваемых в свете первобытной истории, рабство было в быту и в национальном организме, причем рабами были представители их собственной расы и родни.

Арии спустились со склонов Гиндукуша и Гималаев, вступили в область Пяти или Семи рек (Пенджаб), проследовали вдоль реки Джамуны, по линии между Аттоком и Дели, последовательно распространились по всему региону между Индом и Гангом - и здесь началось их историческое существование как народа. В ходе этого долгого похода они завоевали или прогнали перед собой, казалось бы, без особых проблем, по крайней мере в первых столкновениях, коренных обитателей трансгималайских стран; и это тоже произошло до того, как они достигли того, что можно назвать порогом истории. Среди них рано начались раздоры и войны, вызванные главным образом постоянным давлением северных переселенцев на владельцев плодородных стран на юге, борьбой за главенство между семьями или династиями, когда шатры патриархов превратились в многолюдные племена и почти в нации, а также борьбой классов, возникшей в результате попытки подчинить себе аборигенов, особенно в южных районах Индии. Все эти войны происходили в очень раннюю эпоху и не поддаются четкому хронологическому делению. Их история, а также история первобытного арийского или индуистского образа жизни и самые ранние духовные представления запечатлены в Ведах, которые составляют фон всего индийского мира.

Седая и почтенная эпоха Вед делится критиками на четыре периода: период чхандов, период мантр, период брахманов и период сутр.

Период Чхандаса демонстрирует самое чистое патриархальное и мирное состояние семьи. Тогда не было жрецов и разделения на классы; отец приносил простые жертвы небесам, а простые гимны и песни семьи звучали над жертвоприношением. Если в семье был пленный представитель аборигенной расы, то он, отказавшись от своих древних обычаев и верований и приняв язык, веру и закон завоевателя, сохранял жизнь и относительную свободу. Более того, все этнологические исследования подтверждают мнение, что аборигены Индии принадлежали к негритянской, или, как ее обычно называют, африканской семье. На американском континенте похищенный и поработанный африканец принял вероисповедание и язык своего угнетателя, но для него не существует ни свободы, ни закона.

Не поработать, а только покорять, сохраняя, хотя бы частично, права завоеванных, - такова была политика ариев в их столкновениях с варварами. А во внутренних войнах племен и династий, которые еще тускло перекликаются со вторым, или мантрическим, периодом, не найти следов порабощения завоеванных врагов. В целом, в первые два периода не только нет и тени *рабства* в бытовых и социальных отношениях, но даже деление на *классы* или *касты* еще не проявилось. В третий, брахманский, период Веды повествуют о страшной и кровавой борьбе, закончившейся социальной и религиозной победой браминов над кшатриями, которые до этого составляли правящие семьи.

Теперь брамины реорганизовали религиозную и политическую структуру индусов. Они разделили общество на четыре класса или касты (следует отметить, однако, что некоторые современные экзегетики утверждают, что истинное значение санскритского слова *Varna*, означающего "каста", до сих пор не вполне понятно). Этими четырьмя кастами были: 1.

Брамины; 2. Кшатрии; 3. Вайшьи; 4. Соудры, или Чудры. Первые три соответствуют уже упомянутой классификации, существующей среди иранцев. Чудры были самой низкой и деградирующей кастой; тем не менее они не были порабощены, не являлись собственностью какой-либо другой касты, даже браминов - духовных и политических вождей индусов. Земледельческий труд облагораживал даже руки брамина и не мог выполняться ни рабами, ни под принудительным страхом хозяина или погонщика.

Поскольку слово *Ṣudras* не является санскритским, предполагается, что это этническое название покоренных аборигенов, из которых состояла четвертая каста. Потомство брамина и чудры считалось чистокровным. Браминский закон разрешал порабощать за долги людей, принадлежащих ко всем внутренним кастам. Рабы также могли быть получены в ходе войн с отступавшими на юг аборигенами и другими народами; возможно, иногда рабов продавали на рынках, но их количество было очень незначительным. Законы о подневольном состоянии чудра - если таковые вообще существовали - должны были очень скоро выйти из употребления; ведь когда Александр привел Грецию и Европу в контакт с Индией, изумленные греки обнаружили, что рабства тогда почти не существовало. Некоторые греческие авторы даже утверждают, что позитивный закон запрещал любой вид рабства.

Будха, великий предшественник Христа, был тронут до слез и вдохновлен страданиями и притеснениями, вызванными разделением общества на касты, и страданиями бедняков, которых угнетал богатый землевладелец; но среди социальных и моральных бедствий Будха и его ученики не перечислили рабства людей. Насколько известно из истории древности, Будха был первым, чье религиозное учение прорвалось через узкое понятие национальности, и учил всеобщему освобождению и братству всех племен и народов людей.

Угнетение бедных и безземельных, существовавшее тогда в Индии, сохранилось до сих пор. Его усилили страшные магометанские и монгольские завоевания, а также железное правление британской Ост-Индской компании. Но навязанный магометанами и монголами восточный деспотизм над индусами не насаждал домашнего скотоводства, и английские сборщики налогов никогда не заставляли выставлять индусское человечество на продажу на рынках и базарах.

ССЫЛКИ:

[11] В санскрите имеется около ста сорока названий для "лошади" (включая кобылу и жеребенка); сравнительная филология показывает, что их примитивные корни сохранились почти во всех европейских языках.

Х.

КИТАЙСКИЙ.

АВТОРИТЕТЫ:

Биоты, Кауффер, Гутцлафф и др.

Китай принадлежит к настоящему и самому отдаленному прошлому азиатского мира. Историческое существование Китая и его цивилизации, по крайней мере, соотносится с Египтом и Ассирией, а возможно, и старше, чем цивилизация ариев.

Некоторые исследователи геологии утверждают, что столовая земля, заключенная между северными склонами Гималаев, Куэньлунем, пустыней Гоби, которая, как говорят, старше образования Гималаев - Небесных или Голубых гор и Алтая, была первой землей, поднявшейся из вод, и поэтому она была первым, а возможно, и единственным местом на севере, где появился человек. Если признать это, то можно предположить, что от этой первой человеческой семьи произошла раса, носящая сегодня различные названия, такие как желтые, алтайцы, туранцы, скифы, финны, монголы и тартары - последнее общее название, принятое наукой, по крайней мере, для ветвей, занимающих центральную Азию и доходящих до границ Европы и потомков арийцев. Первые переселенцы в Китай из Куэньлуна, вероятно, следовали по течению Желтой реки; и, похоже, аборигены ушли раньше захватчиков, или, возможно, новые желтые поселенцы смешались с первобытными обитателями. В южных районах Китая, в горах внутренних районов, до сих пор встречаются племена темнокожих людей, похожих на негров или жителей тихоокеанских островов, и использующих зазубренные иероглифы, похожие на те, которыми пользуются малайцы.

Сельское хозяйство, по-видимому, было священным занятием этих желтокожих поселенцев на берегах Желтой реки, как это было в долине Нила, Евфрата и на равнинах Ирана. Везде происхождение земледелия теряется в ночи времени, и Куаин или Каин - то есть ядро, молодой, порождающий и т. д., муж из Писания - на много тысяч лет старше Авраама, странствующего и рабовладельческого патриарха. Древнейшие китайские записи свидетельствуют о том, что сельское хозяйство было особым занятием отца семейства, вождя клана, а затем и императора всей нации. Своими руками он управляет плугом, поэтому плуг не мог быть осквернен руками раба. И это не так. В семье, в быту, как и в национальной жизни, рабство впервые смутно появляется лишь около тринадцатого века до нашей эры.

В те далекие времена труд был, как и сейчас, основой, цементом и душой китайской социальной и политической жизни и роста - под трудом я подразумеваю интеллектуальный и ручной труд в самых разнообразных его проявлениях. В древние первобытные времена не существовало ни классов, ни каст, и, возможно, на протяжении многих тысяч лет не было династий. Вождем и правителем выбирался самый лучший и способный человек; все должности или функции получались благодаря интеллектуальным способностям и превосходству знаний, но не по наследству; и та же система преобладала во всех занятиях и занятиях жизни. Ни один труд не был унижительным или деградирующим; им занимались люди свободные и равные, и в принципе они признавались таковыми.

В Китае, как и везде, рабство появилось как болезнь социального организма. Оно было порождено войной и преступностью. Военнопленные и осужденные преступники становились, так сказать, рабами государства, которое использовало их на общественных работах или сдавало в наем частным лицам. В рабство не могли быть обращены высшие должностные лица государства, лица старше семидесяти лет, а также дети, за исключением детей, подвергшихся опасности или брошенных родителями. Рабы, нанятые частными лицами, использовались только в качестве помощников или слуг в домах и семьях. Но большинство слуг всегда были свободными людьми, как и сейчас; и рабы никогда не использовались в сельском хозяйстве или в различных ремеслах. Земля, как правило, считалась собственностью государства или императора, государь делил, раздавал ее на определенных условиях и сервитутах, за дань деньгами или натурой и т. д. Но рабы не упоминаются среди различных объектов, перечисленных как составляющие дань. Рост населения порождал бедность, и нищие продавали и продолжают продавать себя или своих детей в рабство. Неоднократные внутренние или междоусобные войны, зафиксированные в очень далекую историческую эпоху, были одним из главных факторов увеличения бедности.

Обедневшие люди и лишенные дома либо продавали себя, либо становились крепостными, привязанными к земле, но не к имуществу. Как крепостные, их правовое положение и обозначение сохранилось в книгах, написанных около двенадцатого века до нашей эры Ма-туань-линем - они называются *узурпированными семьями* или *узурпеями*. Даже после завоевания татарами Маньчжоу-го податное сословие не закрепилось в политической структуре, не поглотило сельскохозяйственную и промышленную внутреннюю экономику китайцев. За исключением царствующей семьи, ни одна социальная должность или функция не передавалась по наследству; точно так же случайное рабство не передавалось детям поработенных. Их положение контролировалось и регулировалось законом, который следит за имуществом государства. Среди многочисленных внутренних войн не зафиксировано ни одного восстания рабов - это свидетельствует о том, что их количество очень ограничено.

Перенаселение порождало и порождает самые ужасные и разнообразные притеснения и страдания, но все они теряют свою остроту по сравнению с рабством. Перенаселение и несчастья породили так называемую систему кули, которая в принципе основана на добровольной кабале. Безрассудная жестокость и многочисленные преступления, характерные для торговли кули, свидетельствуют о полной моральной деградации и развращенности белых гражданских и христианских торговцев, а также о неэффективности их правительств.

На китайскую цивилизацию принято смотреть свысока, с высоты узколобого самомнения и невежества. Около трех тысяч лет до нашей эры в Китае существовали государственные школы, и там царила полноценная научная и материальная культура. Китайские записи (среди них Книги царей Сеху), восходящие, возможно, уже к двум тысячам пятистам годам до нашей эры, содержат самые правильные и подробные статистические отчеты о дани, дают самые достоверные географические представления о Китае, а также о покоренных и соседних странах - по точности они превосходят все подобные записи, переданные из классической древности. Китайцы жили в домах, в упорядоченных общинах, были очеловечены, отшлифованы, знакомы с науками, промышленностью и всеми видами утонченности, в то время и на протяжении бесчисленных веков, когда расы Северной Европы - в основном славяне, германцы, англосаксы в том числе - по всей вероятности, даже не понимали, как строить хижины, и, как дикари, бродили по диким местам.

В сочинении, написанном князем Тшеу-Конгом около тысячи сто лет до нашей эры, приводятся самые мельчайшие подробности существовавшей тогда организации империи. Административный механизм той далекой эпохи не находит себе равных во всей истории правительств и народов. Несколько тысяч лет назад империя управлялась шестью верховными государственными ведомствами, каждое из которых имело совершенно определенные атрибуты, каждое подразделялось на специальные отделения, имело директоров и все порядки низших чиновников и функционеров. Китайская цивилизация прошла периоды юности и зрелости много тысяч лет назад, а ее дряхлость еще не достигла полного упадка. Она не рассыпается на куски даже сейчас, в своем сравнительно разрозненном и неорганизованном состоянии.

Никто не может считать Китай образцовым социальным организмом, но его продолжительность удивительна и не имеет себе равных в истории расы. Отсутствие наследственных привилегий и скотства как социальных или религиозных институтов объясняет, среди прочих причин, этот уникальный феномен. При всех своих недостатках и дефектах эта долгоживущая цивилизация, с ее школами, общим интеллектом, тысячелетней рутинной, во многих отношениях выгодно отличается от той, что существует в южных штатах, называющих себя христианскими, которая, частично унаследовав великое европейское

развитие и получив влияние от свободных частей Союза, тем не менее, за последние тридцать-сорок лет свернула на свои собственные кривые пути и теперь запрещает, под угрозой сурового наказания, школы для детей своих полевых рабочих, которых она держит в рабстве. Она также вздыхает о дальнейшем расширении олигархических привилегий и о порабощении всего человеческого труда: вновь порабощает свободных или изгоняет их; узаконивает и освящает сумму всех социальных злодеяний: последнее слово которой - закон Линча и безрассудное, незаконное преследование свободы слова и даже свободы мысли; в то время как убийства становятся все более и более частыми.

В древнейшем азиатском мире примитивные общества, как правило, имели схожее начало, какими бы ни были регионы и климат, в которых они существовали, какими бы ни были различия во времени, эпохах или расовых характеристиках. Аналогичные события и условия вызывали аналогичное развитие у первобытных людей. Проявления интеллектуальной и физической активности человека везде были спонтанными: передача различных зачатков цивилизации логически не может быть допущена.

Осирис, Каин, Яо были движимы аналогичными потребностями, когда они открывали сельское хозяйство в Египте, Евфратии или в долинах Желтой реки. На Ниле, на Евфрате, на Ганге, на Хоангхо человек - красный или черный, белый или желтый - наблюдал за природой, использовал даже наводнения, регулировал и насыщал русла рек, прокладывал каналы и траншеи для орошения пересохшей почвы. Повсюду - разумеется, не подражая друг другу, но побуждаемые окружающими обстоятельствами, - люди работали, трудились, строили жилища из подручных материалов - камня в Египте, кирпича, штукатурки, дерева и т. д. в Вавилонии и Китае; возводили города на богатых и плодородных равнинах, строили здания, изобретали символы и знаки для фиксации и передачи другим идей, представлений и фактов. Какой бы ни была особая природа и форма этих знаков, будь то иероглифы или фонетика и т.д., несомненно, они были оригинальными, а не переданными по наследству творениями. Эти изобретения возникли в местах, разделенных почти непроходимыми тогда расстояниями, под влиянием одних и тех же потребностей и мыслей, путем наблюдения и подражания природе, а также под влиянием многих других внутренних и внешних побуждений и обстоятельств. Зачатки математики, астрономии и других наук были созданы в результате этого контакта человеческого разума с природой; и трудно, если вообще возможно, признать, что египтяне или халдеи были наставниками ариев или китайцев, или *наоборот*.

В последнее время предпринимаются попытки оправдать американское рабовладение тем фактом, что во время рождения Христа половина населения Римской империи - около шестидесяти миллионов - находилась в домашнем рабстве. Возможно, эта оценка ниже истинной; но человечество, чье освобождение или искупление должно было свершиться, не ограничивалось римским миром. Ведь от Ирана и Инда до хребтов Куэньлуня проживало население, в пять или шесть раз превышающее то, которое населяло Римскую империю, да и то почти не затронутое той ужасной социальной чумой, которую сегодня представляют как божественное благословение. Какими бы ни были другие многообразные социальные бедствия, постигшие их, - войны, резня, разрушения, обнищание и запустение, - в конце концов, это всего лишь преходящие визиты; в то время как американское рабовладение, как его придумали апостолы, вечно унижает и хозяина, и рабовладельца.

XI.

ГРЕКИ.

АВТОРИТЕТЫ:

Полибий, Грот, О. Мюллер, Бекх, Курций, Клинтон, Финлей и др.

У подножия Юлийских Альп, над верховьями Адриатики, ветвь ариев, населявшая Грецию, отделилась от своих братьев, забредших в Италию. Придерживаясь побережья Адрии, отделившиеся достигли горных ущелий Эпира и равнин Фессалии. С южных склонов Камбунских гор и Олимпа они со временем распространились по Греции и Пелопоннесу. Таковы, по крайней мере, результаты последних исследований, касающихся первопроходцев, чьи труды подготовили этот регион к той роли, которую он впоследствии сыграл в истории. Они расчищали леса, осушали болота, прокладывали каналы для отвода застойных вод в горных котловинах, столь распространенных в Греции; они регулировали течение рек и ручьев, делали почву пригодной для возделывания, а регион - для человека и дальнейшей культуры. Эти первобытные земледельцы долин Греции и строители циклопических сооружений называли себя, или их называли другие, *пеласгами* (то есть *выходцами из черной земли и т.д.*), и считаются самыми ранними обитателями эллинской земли. Они были первыми поселенцами и, скорее всего, ответвлениями одного и того же первоначального стебля, чьи последующие ветви смешались с пеласгами или вытеснили их и заняли свое место в истории как ахейцы, эллины и ионийцы - последние считаются как древними, так и современными писателями автохтонами Аттики и других соседних регионов. Об этих пеласгах и других первобытных жителях, об их трудовых занятиях и занятиях, об их простой социальной структуре, а также о по сути примитивной общественной жизни греков упоминает Геродот, утверждая, что вначале рабство было неизвестно в Греции и особенно в Аттике.

Пеласгическая эпоха сменилась тем, что принято называть легендарным или героическим веком. В эту гомеровскую эпоху свободные йомены или земледельцы владеют и обрабатывают землю; все ремесла и профессии свободны. Плотники, кузнецы, кожевники и т. д. были свободными людьми, как и барды и "пиявки" (очень уважаемое сословие в первобытной Греции). Но богатство уже начало накапливаться, и фермы более удачливых обрабатывались бедными наемными работниками, которых называли тетами.

Географическое положение Греции, как и прежде, служило естественным стимулом для войн и пиратства. И то и другое стало характерной чертой героических времен. К берегам Греции приплывали финикийские корабли, а в разных местах были построены финикийские поселения и фактории. Эти торговцы, возможно, научили греков, что слабые могут быть выгодно порабощены сильными, или, во всяком случае, они были клиентами греческого пирата.

Общее греческое слово, означающее "раб", объясняет происхождение рабства. *Dmoos* и *dmoe*, раб, восходят к *dmao* или *damao*, покорять, подчинять, и таким образом свидетельствуют о войне и насилии либо между отдельными людьми, либо между кланами, племенами и округами, а затем о вторжениях в далекие земли. Рабство стало предметом роскоши, но не социальной и экономической необходимости. Оно ограничивалось жилищами вождей и государя, но не захватывало все общество. Предводители вольных экспедиций захватывали любую добычу, уводя с собой как можно больше пленников на море

и на суше. Если экспедиция или набег терпели неудачу, вождь и его последователи становились пленниками и рабами. Пленников использовали для домашних нужд в пределах жилища, в качестве слуг, пастухов и т. д., либо продавали или обменивали на других. Финикийцы продавали азиатов или ливийцев грекам и понтийским варварам, а взамен получали добычу, сделанную греками в Греции или в Понте. Иногда финикийцы похищали женщин и мальчиков и продавали их азиатам, африканцам и кельто-иберийцам. Тогда, как и повсюду в отдаленной и классической древности, многие из поработанных ранее принадлежали к высшему и даже высокому сословию в своих племенах, народах или общинах. Так, Эвмей, свинопас Улисса, увековеченный Гомером, был сыном вождя какого-то острова или области, который, будучи похищен финикийцами, был продан Лаэрту. В средневековые времена пленник, захваченный на поле боя и удерживаемый для выкупа, если не для службы, часто превосходил по рождению и положению своего хозяина. Однако ни одна из этих социальных классификаций не является внутренней или нормальной, а лишь условной, относительной и конвенциональной, даже если она передается по наследству. По логике вещей, они имеют одинаковое значение и ценность как в хорошо образованном обществе с его замками, дворцами, хартиями и прочими привилегиями, так и на плантациях или среди бродячих кочевников и диких племен. Таким образом, среди южных рабов, происходящих от военнопленных или похищенных африканцев, может быть несколько человек с более чистым аристократическим происхождением, чем многие из их погонщиков, даже если последние были F.F.V.

В легендарной Греции широко практиковались принудительное воспитание, отпущение на волю и выкуп. Дети свободных мужчин от рабынь были свободными и равными законнорожденным. Большинство войн и походов в героическую или ахейскую пиратскую эпоху велись ради похищения мужчин и женщин, чтобы продать или обменять их у финикийцев на различные предметы роскоши. Таково было общее происхождение рабства в то время, когда история бросает свои первые лучи на греческий мир.

Многие защищают рабство тем, что оно смягчает результаты войн и набегов, что пленных, которых убивали, сохраняли для того, чтобы продать в рабство. Но уже в так называемый героический век Греции войны и набеги велись с явной целью заполучить пленных или похитить их. Разбойник или пират всегда был уверен, что найдет покупателя на свою добычу, иначе у него не было бы побуждения действовать. Таким образом, рабство, вместо того чтобы смягчать войну, само становилось ее источником. Греков героической эпохи побуждало совершать набеги и грабежи то, что они могли выгодно избавиться от пленников, продав их в рабство. Кровавая драма, разыгравшаяся много-много веков назад в Пелопоннесе и Греции, на Ионическом и Эгейском морях, на островах Архипелага, повторяется сегодня по обе стороны Атлантики - на африканских и американских берегах и островах. Племена Африки воюют друг с другом, разрушают и сжигают города и деревни исключительно потому, что находят покупателей на рабов среди христиан и среди самозванных цивилизованных, очеловеченных белых людей. Вот вам и утверждение, что американское рабство способствует смягчению участи военнопленных в Африке и очеловечивает дикарей. Оно очеловечивает их, вместе с их пиратскими покупателями и их южными покровителями. Аналогия сохраняется и здесь, на расстоянии многих тысяч лет и многих тысяч миль, среди других социальных условий, в другой цивилизации и при более высоком нравственном развитии белого человека.

Новые нашествия сменяли друг друга в долинах Эллады; они существенно меняли социальное положение населения, изгоняя или подчиняя многих из прежних оккупантов и йоменов. С севера, из Фессалии, на запад и юг, главным образом в Пелопоннес, хлынули

эллины, гераклиды и дориане. Отныне вся греческая семья была представлена в истории двумя кардинальными социальными, политическими и интеллектуальными течениями - так называемыми дорической и ионической расами.

В Фессалии крепостное право, но не рабовладение, похоже, было установлено еще в древности. Новые люди покоряли более ранних землепашцев. Покоренные становились *холопами*, кабальеро, *adscripti glebæ*. Такими зависимыми земледельцами были фессалийские пенесты, которые выплачивали землевладельцам определенную долю продукции земли; они составляли ту свиту, которой были окружены семьи вождей или более могущественных людей, и служили на войне в качестве их сторонников. Но их нельзя было продать из страны; они постоянно владели землей и поддерживали семейные и деревенские отношения. Возможно, более двадцати столетий спустя такое же состояние было у деревенских по всей западной и средневековой Европе, а в некоторых частях оно сохранялось и до нашего века - везде схожие события приводили к совершенно аналогичным результатам и условиям. Владения фессалийских пенестов находились под защитой государства, подданными которого они являлись, а не имуществом отдельных собственников. Фессалийские и дорийские захватчики и завоеватели налагали аналогичное иго везде, где одерживали победу и окончательно оседали. Последнее дорийское и гераклидовское вторжение, кульминацией которого стали институты и история Спарты, покорило прежних обитателей Пелопоннеса, некоторые из которых также были дорийского происхождения. В значительной степени к ним относились и знаменитые гелоты. Так же со временем потомки спутников Ахилла стали на севере крепостными на более либеральных условиях, а другие, происходящие от спутников Агамемнона и Менелая, стали гелотами Спарты.

Положение гелотов во многом было схоже с положением фессалийских пенестов. Они не могли быть проданы за пределы государства, даже самим государством, которое распределяло их между гражданами, оставляя за собой право освобождения. Они жили в тех же деревнях, которые когда-то были их собственностью, пока завоевание не превратило свободных крестьян в кабалу. Государство нанимало гелотов на строительство общественных сооружений. Их судьба, какой бы ужасной она ни была, полностью подчинялась закону, в то время как судьба других домашних рабов в Греции, как и в южных штатах, зависела от произвола частных лиц. Спартанский закон предусматривал различные положения об освобождении гелотов. Они служили в армии и сражались в великих битвах с лакедемонянами. Поручат ли южане оружие своим детям и вольют ли их в военные роты?

В Спарте была сосредоточена олигархия, владевшая большей частью земель Лаконии и державшая в зависимости другие автохтонные племена, которые в той или иной мере избежали участи гелотов. Таковыми были перийцы, пользовавшиеся определенными политическими и полными гражданскими правами. Но в ходе событий олигархия попыталась нарушить эти права, и перийцы присоединились к Эпаминонду против Спарты, способствуя ее покорению, так же как спустя столетия они присоединились к Фламинию и римлянам против своих спартанских хозяев. В Лакедемонии, как и в Аттике, существовали мелкие землевладельцы, называемые *гамори* или *геомори*, и другие, называемые *автоугроу-рики*, владевшие небольшими участками земли или обрабатывавшие небольшие наделы, принадлежавшие крупным собственникам. Точно так же на Юге крупные плантации окружены бедняками, "песчаными холмами" и т. д., некоторые из них владеют небольшими участками, как правило, с более бедной почвой, а другие и вовсе бездомны и безземельны. Впоследствии эти *геомори* и т.д. - бедное, свободное население и их усадьбы - были почти

полностью поглощены крупными плантациями и домашним рабством. Это было делом времени, так как в Спарте в ее великие времена почти не было никакого скота.

Земельная олигархия наших южных плантаций более чем в одном отношении аналогична спартанской. Сама Спарта была скорее скоплением просторных сельских жилищ, чем похожа на другие великие города.

Когда дорийцы сделали Спарту центром своей власти, земли Лаконии были разделены на десять тысяч равных участков для десяти тысяч спартанских граждан. Несомненно, усадьбы, расчищенные и принадлежавшие первым поселенцам и колонистам на Юге, были разделены более равномерно, чем сейчас; и увеличение площади плантаций, с одной стороны, и снижение респектабельности более бедных поселенцев и превращение их в "бедных угнетенных белых людей", [12] с другой, - все это происходило благодаря домашнему рабству. Во времена Ликурга - примерно через четыреста лет после разделения - вышеупомянутое число олигархов сократилось до девяти тысяч; во времена Геродота - примерно через четыреста лет после Ликурга - до восьми тысяч; и таким образом, сокращение на одну десятую происходило в течение каждого периода от трехсот до четырехсот лет. Это было время всемирно известной спартанской бедности и добродетели. Но войны, завоевания и т. д. изменили характер спартанцев; в них ворвались роскошь и богатство, а вместе с ними - большие поместья и домашние рабы, состоявшие в основном из греческих военнопленных. В начале первой Пелопоннесской войны в Спарте, возможно, насчитывалось двести двадцать тысяч гелотов, и в этом числе было сравнительно немного домашних рабов. Пелопоннесская война сделала спартанцев лидерами Греции, но наполнила Спарту пленными из других греческих государств и привнесла богатство: с этой войны начинается упадок спартанского духа. Хилоты и обнищавшие бедняки последовательно превратились в рабов. Спарта смогла выставить против Эпаминонда только семьсот граждан при Лектре. В период между Геродотом и Аристотелем число граждан сократилось до чуть более тысячи. Во время македонского завоевания в Спарте на каждых трех свободных граждан приходилось в среднем четырнадцать податей. Через сто лет после Аристотеля, при царе Агисе, около двухсот олигархов, составлявших политическое тело, граждане Спарты владели почти всеми землями Лаконии и обрабатывали их с помощью движимого имущества.

Такое сокращение численности граждан и ухудшение их исторического облика в первую очередь сказалось на военном положении Спарты. Причины, столь очевидные, что не требуют объяснений, препятствуют в настоящее время аналогичному сокращению числа олигархов Юга, несмотря на существующую численную диспропорцию между ними и белыми, не владеющими рабами, чья политическая свобода, по здравому размышлению, скорее номинальна, чем реальна. Болезнь одна и та же - только ее последствия разные. Меч был душой спартанских институтов: чистая и возвышенная концепция американской социальной структуры опирается не на физическую, а на интеллектуальную и моральную силу; но ее деградация видна в новой концепции рабства, которую открыли и поддерживают воинствующие олигархи. Процесс морального и интеллектуального разложения на Юге был бы еще более стремительным, если бы не различные влияния из Свободных Штатов, которые, подобно освежающему бризу, раздувают его слабеющие силы.

Меч, правда, мог уничтожить целые спартанские общины; но такие потери были обеспечены за счет класса периев и других свободных людей, а иногда даже за счет гелотов. Домашнее рабство пожирало мелкие поместья, деградировало свободных людей и иссушало источники политического обновления. Пять тысяч спартанцев сражались при Платеях, что дает общую численность населения около сорока тысяч человек. Число принадлежавших им

гелотов на тот момент составляло сто семьдесят пять тысяч. Впоследствии, после Пелопоннесской и Македонской войн, эти гелоты были превращены в скот, а выродившиеся спартанцы попытались превратить перийцев в гелотов, но сделали их просто смертельными врагами. Почти пропорционально росту богатства и владений спартанских олигархов увеличивалось не только число гелотов и рабов, но и снижался военный пыл. В Лектре Спарта наняла свою конницу, и вскоре после этого Спарта, богатая гелотами и имуществом, но бедная гражданами, была вынуждена пассивно наблюдать за сокращением своих границ Филиппом Македонским.

Хилоты часто восставали, и частые заговоры раскрывались и подавлялись в страшной резне, когда олигархи снова считали себя в безопасности. Старые законы большинства американских колоний, северных и южных, содержат неоднократные постановления, датируемые XVII и XVIII веками, относительно заговоров, восстаний и беспорядков, совершаемых неграми; и это тоже за несколько поколений до зарождения активного аболиционизма. Ибо не аболиционизму, а врожденной в человеческой природе любви к свободе - как в спартанском гелете, так и в цветном скоте южного олигарха - следует приписать заговоры, непрерывно бродившие среди южных рабов. Временами спартанцы были вынуждены просить помощи у афинян и других союзников против своих восставших гелиотов. Сегодня Союз вполне способен подавлять восстания рабов, но в будущем Юг может тщетно искать активных союзников во всех уголках горизонта. Возможно, он найдет доброжелателей среди заинтересованных северных единомышленников, но подневольные будут пользоваться симпатией цивилизованного христианского и языческого мира, а также найдут союзников среди свободного цветного населения Антильских островов. Под отеческим и гуманным руководством Англии эти цветные народы приобщаются к подлинной христианской цивилизации и делают сравнительно большие шаги и успехи в материальной и политической культуре, в упорядоченной жизни, в самоуправлении, в использовании свободной прессы и в обсуждении своих интересов в законодательных собраниях и советах кабинета. С момента установления американского рабства на социальной и религиозной основе масса белого населения Юга, и прежде всего великие герои, апостолы и борцы нового политического вероучения, возвращаются к варварству, добровольно и сознательно отказываясь от всякой подлинной умственной и нравственной культуры. И таким образом две крайности могут встретиться в будущем - цветной житель Антильских островов, как высшее цивилизованное существо, столкнется с варварским белым угнетателем на Юге.

Спартанские гелоты росли с плодородием, внушавшим страх олигархам, которые прибегли к ужасной *крипте*, или резне безоружных гелотов по всей Лаконии в специально назначенное и тайное время эфоров. Это было последнее средство для предотвращения опасности, и не раз оно применялось в блестящую эпоху Спарты.

На Юге численность скота также быстро увеличивается, но недостаточно быстро, чтобы удовлетворить заводчиков, плантаторов и работорговцев. При прочих равных условиях цветное порабощенное население увеличивается гораздо быстрее, чем белое. После 1783 года чернокожие оценивались в пять-шестьсот тысяч человек: перепись 1860 года покажет, что их полных четыре миллиона, и неудивительно. Работорговцы-рабовладельцы, как и плантаторы, занимаются разведением так же систематически, как скотоводы следят за своим поголовьем. В Виргинии это главное занятие и главный источник дохода от домашнего хозяйства. У заводчиков есть небольшие загоны, где они занимаются с молодняком, как заводчики ценных лошадей. В некоторых штатах, главным образом в хлопковом регионе, цветное поголовье превышает белое, в других их количество почти одинаково. Около ста пятидесяти лет назад Южная Каролина голосом своих законодателей, ссылаясь на

увеличение количества движимого имущества, объявила "прискорбным Божиим провидением, что белые люди не умножаются пропорционально". В наши дни Южная Каролина считает этот недуг благословением. Несмотря на то что цветное население штата уже превышает белое, она первой нанесла удар по человечеству, вновь открыв работорговлю.

Хлопок - растение, родом из Старого Света, Азии и Африки. Его выращивание с помощью свободного труда может вскоре стать очень выгодным в других регионах земного шара. Рано или поздно это положит конец исключительной американской монополии на его производство, и тогда мертвый груз рабовладения будет страшно давить на олигархов как в экономическом, так и в социальном плане, даже если рабовладельцы останутся спокойными: этого, однако, невозможно предположить, поскольку их число постоянно растет. Уже сейчас рабов пытаются, убивают, сжигают и режут при первой опасности, пусть даже мнимой. Теперь это делается индивидуально и, даже по понятиям южан, незаконно. Когда прибыль от рабского труда уменьшится, а опасность от огромных масс скота возрастет, самосохранение и фатальность заставят рабовладельцев попытаться повторить спартанскую *криптию*: скотовод легко превращается в мясника. Уже сейчас многие из них идут к этому, выставя свои старые и непроизводительные полевые руки на погибель от нужды и страданий.

В течение примерно четырех веков, как во время Пелопоннесской войны, так и после нее, спартанская олигархия все больше обогащалась за счет трофеев победоносных войн, а также за счет ввоза рабов в качестве военнопленных из других греческих и варварских стран. Тогда разница между богатыми и бедными была более разительной, и вечный процесс угнетения бедняков, захвата их имущества или выкупа их, был оживленным и веселым. Тогда Лаконию удерживало сравнительно небольшое число спартанских рабовладельцев - но не было больше героев Фермопилы. Граждане и свободные люди в эпоху Августа были дефицитом, но рабы, собственность нескольких богатых владельцев, фактически покрывали Лакедемонию и Спарту. Домашнее рабство подорвало и уничтожило спартанскую нацию точно так же, как и другие до и после нее. Порабощенные гелоты и греки, а также многие потомки порабощателей стали, в свою очередь, рабами римлян, затем славянских захватчиков, потом крестоносцев, пока наконец все они, хозяева и рабы, не застонали под игом османов. Сейчас путешественник с трудом может найти немногочисленные заплесневелые руины некогда гордого и порабощенного города. Спартанская история насчитывает почти тысячу лет, и на протяжении веков разрушительная болезнь была в действии. Некоторые из ее симптомов за полвека уже получили большое развитие на Юге.

Пиратство и похищение людей, зародившиеся в Греции в те времена, когда каждый человек видел врага чуть ли не в своем ближайшем соседе, не полностью прекратились, когда национальные отношения стали более нормальными и регулярными. Когда рабство стало проникать во внутреннюю экономику, пиратство и работорговля, конечно, стали более активными. Южные порабощатели утверждают, что их регион еще не обеспечен необходимым количеством рабов. Они опираются на пиратство, похищения и кровопролитие в Африке. Почти непрерывные войны между соседними греческими племенами и народами способствовали развитию рабства, и невинные граждане, переходя из одного греческого государства в другое, часто попадали в рабство из-за вражды и жадности. Однако этот дикий обычай смягчился и, наконец, был оставлен, когда взаимные отношения стали более цивилизованными и регулируемы; в то время как свободные люди из свободных государств Союза арестовываются и заключаются в тюрьму в так называемых

цивилизованных рабовладельческих государствах, а в некоторых случаях их можно законно продать в рабство.

В Беотии рабы были немногочисленны - их лишь изредка производили и использовали. Ни крепостные, ни кабальные люди, ни движимое имущество не содержались ни в Элисе, ни в Локрисе, ни у аркадян, ни у фокийцев, ни у ахейцев вплоть до падения греческого достоинства, свободы и независимости под властью македонян и римлян. Фокийцы запретили рабство в законодательном порядке.

Ионийцы в Аттике хвастались тем, что произошли от своей родной земли. Поэтому они были первобытными землепашцами и культиваторами своей не слишком плодородной и довольно каменистой земли площадью около ста девяноста квадратных миль. Эта земля была поделена более или менее равномерно на небольшие усадьбы, в которых работали йомены, для которых движимое имущество было бы обузой. Спустя столетия после героической или легендарной эпохи, когда в Аттике было больше богатых землевладельцев, Гесиод советует земледельцам обрабатывать свои земли свободным трудом тетов, предпочитая рабский труд.

Афины очень рано стали торговым городом, и, возможно, из Пирея снаряжались пиратские экспедиции для похищения рабов. Во всяком случае, рабство - рабовладение - особенно, если не исключительно ли, развивалось, когда торговля стала более обширной. Афины были местом и средоточием домашнего рабства. Со временем рабами стали заниматься почти все ремесла, а также горное дело и, наконец, земледелие. Но все это было результатом длительного процесса, длившегося веками.

Должники попадали в рабство, но Солон отменил это право кредитора. Он также отменил обычай ходить в обществе с оружием в руках. Вообще, это признак опасного и очень деградирующего состояния общества, когда люди носят оружие как необходимость. По странному стечению обстоятельств, с тех пор как рабство было провозглашено моральным и религиозным долгом, использование ножей-бабочек, револьверов и винтовок становится все более и более обычным делом на Юге. Не против раба, не против иностранного врага, даже не против аболициониста вооружаются люди Юга, но именно друг против друга они прибегают к вооруженному нападению в частном и общественном общении. С Юга этот дикий обычай вторгается на Север, и в некоторых случаях он был навязан мирным северным членам Конгресса для самозащиты от нападков их южных коллег.

У ионийской расы не было крепостных или гелотов ни в Аттике, ни в других местах. Но в Аттике, как и в других греческих общинах, да и во всем мире, из числа первобытных йоменов или крестьян выходили те, кто, будучи более бережливым, более успешным или более храбрым, накапливал богатство различными способами. Подобное было одним из способов зарождения аристократии. Эти йомены, становясь богаче, приобретали больше земли, выкупали мелких фермеров и могли нанять больше полевых рабочих. Еще до Солона целью богачей было превратить свободных землевладельцев в арендаторов, но Солон надолго остановил это течение.

Родители могли продавать своих детей в рабство; Солон ограничил это право теми дочерьми, которые добровольно поддавались соблазну. Бедняк мог продать себя в рабство, а дети, выданные родителями, попадали в рабство к государственным властям.

Война и торговля обеспечивали афинян большим количеством рабов или скота. Это были представители всех наций и рас, а чернокожие рабы составляли случайное и незаметное меньшинство. Свидетель Эзоп рассказывает историю о деревенском жителе, который купил

черного раба и безуспешно пытался отбелить или выбелить его. Если бы негры были обычным товаром, деревенщина была бы знакома с их природой. Рабство передавалось от родителей к детям, если военнопленный не был выкуплен или раб не был манумитирован. Но в любой момент раб мог получить или выкупить свою свободу, а освобожденный раб не мог, под страхом смертной казни, снова попасть в рабство. На Юге начинают принимать законы, предусматривающие повторное обращение в рабство освобожденных: одиум падает уже не на отдельного человека, а на все политическое тело. Во всем античном мире государство следило и защищало однажды получившего право голоса раба: современное рабовладельческое государство отстраняет его от власти или принимает законы о его лишении права голоса. В Афинах, как и по всей Греции, потомство свободных и рабынь было свободным.

Сначала рабы выполняли домашнюю работу, а затем, когда их число увеличилось, их стали использовать в различных ремеслах. Государство использовало их на общественных работах, иногда для гребли на кораблях. Но больше всего их было на мельницах и рудниках Аттики. Однако само государство не обрабатывало рудники, а сдавало их в аренду, как правило, без рабского труда; частные же лица брали их в аренду на несколько лет вместе с рабами, которые их обрабатывали. Постепенно рабовладение распространилось на сельскую экономику Аттики.

Ко времени персидских войн сельская собственность все еще была почти поровну разделена между гражданами. Богатство накапливалось и было представлено в торговле, в различных отраслях промышленности и в драгоценных металлах. Но в это время рабов нигде не было больше, чем свободных. В битве при Марафоне у афинян было десять тысяч *гоплитов*, или тяжеловооруженных трудоспособных граждан; при Платеях - восемь тысяч; и в обоих сражениях почти столько же *пельтастов*, или легковооруженных солдат - более бедных граждан, но не крепостных, не ретенеров, не рабов. До вторжения Ксеркса свободное население Аттики составляло, вероятно, более ста двадцати тысяч человек обоих полов и всех возрастов. Численность рабов оценивается максимум в шестьдесят тысяч.

Афины, как и все другие греческие республики, колонизировали другие страны за счет избытка своего свободного, в основном бедного, населения. Геродот погиб в такой экспедиции. Дорийцы, скорее всего, колонизировали Сицилию, ионийцы - Италию или Магна Грецию. Такие колонизации облегчали жизнь перенаселенной материнской стране, распространяли эллинскую культуру, но в то же время не только способствовали развитию рабства. Греческие колонисты на Сицилии и в Италии, завоеывая или оттесняя в глубь страны аборигенов этих земель, порабощали, похищали и продавали их. Затем греческие города воевали друг с другом и порабощали друг друга. Так было между Сибарисом и Кротоной, или на Сицилии между Сиракузами, Гиргентумом и т. д. Афинские богачи покупали все больше и больше рабов, скупали земли бедняков, заменяли в различных ремеслах свои шайки рабов свободными людьми и вывозили обедневших свободных. [13] Увеличение количества крупных поместий и имущества шло параллельно с уменьшением числа свободных людей и общественного духа в Афинах; то же самое происходило и в других крупных торговых городах Греции.

После Персидской войны Афины стали самым богатым торговым городом, а афиняне - народом-завоевателем. Оба обстоятельства увеличили число рабов. Но все же земельная собственность еще не была поглощена. Алкивиад владел всего тремястами *плетрами*, или примерно семьюдесятью пятью акрами земли в Аттике. Богатые рабовладельцы и олигархи

не имели власти, но владели рудниками в Аттике и земельными владениями в различных греческих зависимых странах и колониях. Рабство преобладало в городе и становилось все более распространенным на фермах. Однако накануне Пелопоннесской войны демократия все же возобладала. Олигархи, гордившиеся своими рабами, рудниками, плантациями и поместьями, презирали афинскую демократию, состоявшую из художников, йоменов, рабочих, ремесленников - тех, кто действительно составлял душу великой периклийской эпохи.

Олигархии одинаковы во всем мире; в большинстве из них рабовладельцы, как бы они ни назывались, живут за счет труда других; все они презирают трудящиеся классы. Воинственные плантаторы Юга и их подневольные прислужники Севера презирают просвещенные массы трудящихся, фермеров и рабочих свободных штатов. Но именно эти массы исключительно придают Америке первоначальное значение в истории развития человечества. Афины и различные памятники периклийской эпохи сияют над обреченной Элладой: так и деревни свободных штатов, с их школами и трудолюбивым, умным, самодостаточным населением, проливают свои лучи теперь на христианский мир. И вид такой деревни - это совсем другой предмет для созерцания, чем вид переполненной рабами плантации.

Рабство быстро росло в Афинах, как и во всех крупных торговых центрах, и на прилегающих островах Греции. В начале Пелопоннесской войны население Аттики составляло около двадцати тысяч взрослых мужчин, или чуть более ста тысяч свободных людей всех возрастов и полов. Все свободное население Греции, по оценкам, составляло в то время около восьмисот тысяч душ; а рабов - в том числе спартанских крепостных или гелотов - было, пожалуй, больше, чем свободных людей. Фукидид говорит, что на острове Хиос было около двухсот десяти тысяч рабов - самое большое число после Спарты; затем шли Афины, где было почти двести тысяч человек; в других крупных торговых городах Греции, таких как Сикион и Коринф, также было очень много рабов.

Пелопоннесская война велась со всей жестокостью семейной вражды. Она принесла в Грецию опустошение, обнищание, резню и рабство. Пленники, захваченные то одной, то другой враждующей стороной, десятками тысяч продавались в рабство; в основном это были мелкие свободные землевладельцы, *теты* и *геоморы*, ремесленники и вообще свободные рабочие всех мастей. Их число, соответственно, уменьшалось, а их небольшие поместья либо покупались, либо насильственно отбирались богачами, которые таким образом одновременно увеличивали количество своего скота и акров земли. Таким образом, рабство все больше и больше проникало в греческое общество, пока в эпоху между Периклом и началом македонских войн число рабов в Афинах и Аттике не увеличилось почти вдвое: но свободное население при этом не увеличилось. Крупные земельные владения становились все более распространенными, пока во времена Демоса земля Аттики не оказалась в руках сравнительно немногих. В Херонее афиняне сражались против Филиппа с наемными войсками и даже вооружали своих рабов. Но дух Марафона и Платеи угас, и Афины уступили. Золото Филиппа пришлось по вкусу богатым рабовладельцам и попало в основном в руки олигархов, но, увы, из их рядов не вышло второго Мильтиада.

Предполагается, что в эпоху македонского завоевания соотношение рабов и свободных было как семь к трем. К началу царствования Александра свободное население Греции составляло один миллион человек, а рабов - один миллион четыреста тридцать пять тысяч. Перепись, проведенная в Аттике около того времени при архонте Деметрии Фалерийском, дает для Афин и Аттики двадцать одну тысячу взрослых граждан мужского пола, или чуть более ста тысяч человек всех возрастов и полов, и четыреста тысяч рабов. Однако рабское

население преобладало только в богатой части Греции; более бедные сельскохозяйственные общины, как уже говорилось, были свободны от его проклятия. Так, в Коринфе было четыреста пятьдесят тысяч, а в Гигине - четыреста семьдесят тысяч рабов; именно по этой причине Филипп, Александр, Антипатр и другие завоеватели с такой сравнительной легкостью уничтожили греческую свободу.

Македонские войны также несли опустошение, рабство и разорение; только из фиванцев Александр продал в рабство более тридцати тысяч человек.

Так закончилось независимое политическое существование Греции и Афин. Богатые рабовладельцы, конечно, у них еще были; но они перестали иметь собственную историю или отдельное политическое существование; Греция стала сателлитом последовательно Македонии, Сирии, Египта и Рима.

В заключение следует сказать, что в Афинах, как и во всей Греции, торговые города положили начало домашнему рабству. Сначала рабство проникло в домашнюю жизнь, затем в различные ремесла и производства и, наконец, почти полностью поглотило земли и сельскохозяйственную экономику. Оно также проникло в государственные функции, и различные мелкие должности занимали рабы - эта аномалия впоследствии была воспроизведена в Риме, особенно при императорах.

В рабовладельческой части нашей страны эта система уже завладела домашней и семейной жизнью, сельским хозяйством и некоторыми ремеслами; на некоторых железных дорогах рабы работают тормозными машинистами и помощниками машинистов. Это может служить обнадеживающим доказательством интеллектуальных способностей цветной расы, но это также доказывает аналогию, которая существует повсюду между работами рабства, независимо от расстояния между эпохами или цвета кожи поработенных.

Только в период морального, социального и политического разложения Греции рабство процветало. Некий Диофант в свое время предложил закон о порабощении всех рабочих, ремесленников и служащих в Афинах - так что у тех, кто сейчас так громко требует того же самого здесь, были прототипы более, чем двадцать четыре века назад; ибо, хотя история донесла до позорной памяти только имя Диофанта, он, несомненно, был не одинок.

В Афинах и во всей Греции мы видим, как раковая опухоль неуклонно распространяется на весь социальный и политический организм, пока вся Аттика и почти весь древний мир не стали делиться только на рабовладельцев и рабов.

На невольничьих рынках Афин и Коринфа, а затем и Делоса, продажа движимого имущества осуществлялась точно так же, как сейчас в Ричмонде, Новом Орлеане и Мемфисе. Действия аукционистов и торговцев, покупателей и продавцов были такими же жестокими тогда, как и сейчас. Те же хвалебные речи о способностях трудоспособных мужчин, те же пикантные описания различных привлекательных черт женщин, те же уловки, чтобы скрыть телесные дефекты, и те же гарантии между продавцом и покупателем, как тогда, так и сейчас.

Когда, наконец, в рабство попали рабочие почти всех видов, ремесленники и земледельцы, все свободные люди, как богатые, так и бедные, были быстро поглощены равной деградацией. Семья дезорганизовалась, республики погибли. Это было полностью завершено, когда Греция перешла от македонского правления к римскому: тогда домашнее рабство расцвело как никогда прежде. В этой последней борьбе пароль греческих рабовладельцев звучал так: *"Если мы быстро не погибнем, то не сможем спастись"*.

Нерабовладельческие горцы Ахайи боролись с римлянами, пока не были почти истреблены. Но Рим победил, и большое количество греков было продано в рабство римскими консулами. Один только Павел Эмилий продал сто пятьдесят тысяч македонцев и других греков, Муммий продал все население Коринфа, а Силла обезлюдил Афины, Пирей и Фивы. Римское владычество в Греции и во всем греческом мире яростно стимулировало рост домашнего рабства. Римский сенат и римские проконсулы особенно благоволили к крупным рабовладельцам, поскольку именно они лучше всего подходили для того, чтобы терпеть иго. Римляне помогали им деградировать и порабощать как можно больше. Риму нужны были в Греции не свободные люди, а рабы и послушные рабовладельцы; римские сборщики налогов и земледельцы, получавшие государственные доходы, продавали свободных людей в рабство за долги. Наконец, знаменитые киликийские пираты опустошили Грецию, унеся и продав на Делосе почти последние остатки свободного трудового населения.

Небольшая группа свободных граждан теперь управляла огромными массами рабов. Таким образом, нормальная экономика природы была разрушена, и депопуляция Греции шла быстрыми темпами. Во времена Цицерона почти вся Аттика составляла владение одного рабовладельца, которому принадлежали и другие поместья в других частях Греции. Многие воинствующие олигархи-рабовладельцы, несомненно, завидуют этому афинскому рабовладельцу; во всяком случае, они делают все возможное, чтобы довести южные государства до состояния, подобного тому, которое только что было изображено в Афинах и Греции.

Во время Пелопоннесских войн в Аттике часто происходили восстания рабов, особенно на рудниках. Но самое большое восстание рабов, насколько известно из истории, произошло при римской администрации. Тогда восставшие рабы захватили крепость Суниум и долгое время мужественно сражались за свою свободу.

Греки, как и в той или иной степени все народы древности, считали домашнее рабство социальным несчастьем для поработителей и проклятой фатальностью, присущей человеческому обществу. Они никогда не представляли его под фальшивыми красками нормального и неотъемлемого социального элемента. Поразительные аналогии между проявлениями рабства в древнем мире и в американской республике показывают, что болезнь везде и всегда одна и та же, и что она не *облагораживает* ни общество, ни отдельного рабовладельца, как аподиктически утверждают сторонники рабства.

Если в деспотических восточных империях домашнее и политическое рабство порой играли на руку друг другу, пока совместными усилиями не разрушали национальную жизнь, то в Греции, особенно в Спарте и Афинах, *это было домашнее рабство, которое в одиночку сделало свое дело*. Бытовое рабство ослабило нацию и сделало ее легкой добычей для иностранных завоевателей. Оно превратило в гнилостную массу некогда великий и блестящий греческий мир.

ССЫЛКИ:

[12] Эдвард А. Поллард, письмо в "Трибьюн".

[13] Так бедные белые Юга эмигрируют и селятся на западных территориях, а плантаторы перевозят свои плантации и свой скот.

XII.

РИМЛЯНЕ-РЕСПУБЛИКАНЦЫ.

АВТОРИТЕТЫ:

Corpus Juris, Ливий, Дионисий Галикарнасский, Нибур, Арнольд, Савиньи, Пухта, Моммзен, Йринг, Клинтон, Карл Гегель, Цумпт и др.

Первобытные обитатели Средиземноморского полуострова - в древности, да и в настоящее время, называемого Италией - происходили из того же арийского рода, что и жители Греции. Эти переселенцы почти с первого момента своего прибытия, похоже, посвятили себя сельскому хозяйству, о чем свидетельствуют все реликвии, все еще смутно видимые в доисторических сумерках. Так, отечественная легенда о самнитах делает вола вождем первобытных колоний, что является лишь другой версией другой традиции, согласно которой Vitulus или Italus - легендарный царь, от которого происходит название "Италия" - привел к переходу своих подданных от пастухов к земледельцам. Название *Italia* на древнем латинском языке означало *страну, полную скота*. Древнейшее из латинских племен называлось *Siculi, Sicani* - жнецы, а другое - *Opsci* - труженики полей. Среди италийцев (или *италосов, италиотов*) легенды, вероучения, законы и нравы берут начало в сельском хозяйстве; каждый знает об использовании плуга на далеком фоне легендарного основания Рима. Древнейший римский брачный обряд, *confarreatio*, также получил свое название от *ржи*. С сельским хозяйством связано прежде всего постоянное место жительства, а значит, и любовь к дому и семье. Из сельскохозяйственной жизни возникает племя или клан, который представляет собой просто сообщество людей, происходящих от одного и того же предка. В этом первобытном состоянии полевые и домашние работы выполнялись различными членами сначала семьи, а затем клана. *Слуга*, или раб, той эпохи был не большим скотом в латинской земледельческой семье и общине, чем первобытный слуга в шатре патриархов (см. "Евреи" и "Арии") или чем слуги первых колонистов Новой Англии, Виргинии или Каролины. В этих первобытных семьях не было никаких обязанностей для прислуги, поскольку с древнейших времен сельскохозяйственные и бытовые занятия были столь же священны для йоменов и крестьян Лациума и Рима, как и домашний очаг, отец и семья.

От левого берега Тибра до Вольцианских гор и на равнинах Кампаньи жили латины - *prisci Latini*. Они делились на многочисленные отдельные семьи или кланы, которые впоследствии стали родоначальниками римского народа. Поэтому регион, где они впервые появляются, в древнейшие времена был заселен отдельными семьями и разделен на отдельные поселки и деревни. Именно эти кланы впоследствии в "городе" составили первобытные *tribus rusticæ*, или сельские племена.

Рамны, Рамнеи, Романеи, Романи или Римляне, основатели Рима, были, по всей вероятности, смелыми бродягами и авантюристами из различных племен и деревень Лациума. Они жили среди кустарников и рощ Палатинской горы, и все, что доставалось им в результате грабежа, было общей собственностью. Эти первобытные легендарные римляне не пользовались рабами, у них не было рынка, где бы они могли их продать, и, вероятно, они не похищали и не обращали в рабство никого из жителей соседних деревень. Ни легенда, ни история не фиксируют, как долго эти *раменцы* или римляне продолжали вести свой дикий образ жизни. Легенда очень скоро объединяет их с другими оседлыми семьями, такими как сабинские земледельцы и крестьяне. Затем началось конкретное организованное существование римлян.

Вся почва римской общины составляла *ager Romanus* или *publicus*. Каждый гражданин, как часть *населения* или государства, получал от него долю общественной земли в свое личное пользование. Когда римляне расширили свои владения, покорив соседние деревни и районы, земли этих районов, их пастбища и т. д. были включены в *ager Romanus*, а жители иногда были вынуждены селиться в Риме или на землях в его окрестностях. От них произошли плебеи, которые при определенных условиях получали долю или жребий в *ager publicus* или *Romanus*. Целью этих первобытных войн не было ни похищение, ни порабощение покоренных племен, ни даже превращение их в крепостных или гелотов, в крайнем случае - превращение их в данников.

Легендарному Ромулу приписывались постановления или законы, запрещавшие убивать или обращать в рабство юношей из завоеванных деревень или районов, а также превращать завоеванные земли в пастбища и разбивать их на небольшие усадьбы для римских граждан. Сначала два акра, а затем семь, составляли такую гражданскую вотчину или усадьбу. Именно отказ от этого закона в последующие века привел к рабству и разорению населения.

Только пленные, добытые на поле боя и причисленные к трофеям, продавались государством с публичного аукциона: *sub hasta*, "под копьем", и *sub corona*, "гражданин в короне" - гражданам или членам общины. Такой пленник, как и любая другая продаваемая добыча, становился *mancipium*, *res mancipia* (от *manu capere*, "взятый, пойманный за руку"). Такие рабы, по всей вероятности, были немногочисленны. Более плодотворным источником рабства было право пожизненного порабощения должника. Должник становился *mancipium*; и даже когда право на его порабощение было отменено, юридическая формальность - поймать его или коснуться рукой - сохранялась.

Власть отца или главы семьи - *patria potestas* - была безграничной, в пределах дома, как над семьей, так и над слугами. Отец, будь то патриций или плебей, мог продать своего сына в рабство, но этим правом пользовались крайне редко. Кроме того, отец имел право жизни и смерти над всей своей семьей и домочадцами. Манумиссия рабов была обычным делом; она существовала с древнейших времен. Раб также мог выкупить свою свободу. Впоследствии, в последние века республики и при императорах, раб мог быть эмансипирован различными законодательными актами, и статус манумированного раба часто проходил различные градации, прежде чем достигал абсолютной независимости. Сороковая книга "Пандектов" содержит несколько глав, посвященных манумиссии.

Иногда, хотя и редко, при царях *общественные рабы* - или государственные рабы, исключительно военнопленные - использовались на общественных работах, для ухода за общественными зданиями, прислуживали магистратам или жрецам. Положение государственных рабов было предпочтительнее, чем частных; более того, первые впоследствии получили право распоряжаться по своему усмотрению половиной своего имущества.

Земля обрабатывалась руками самих сенаторов, какими бы патрициями они ни были. Если патриций (*pater*) владел большим количеством земли, чем мог обработать сам, он делил ее между мелкими свободными земледельцами или сдавал в аренду; и ни одна подневольная рука не оскверняла плуг. Рабы, работавшие в доме, были немногочисленны.

Царь Сервий Туллий начал политическую реформу, призванную облегчить положение плебеев, угнетаемых патрициями; в рамках подготовки к ней он провел перепись населения. В то время в Риме насчитывалось восемьдесят четыре тысячи трудоспособных граждан в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет, или всего около четырехсот тысяч свободных людей всех возрастов и полов. К этому числу следует добавить плебеев, которые еще не

были гражданами. Ремесленники, работники, клиенты и чужестранцы, возможно, удваивали эту оценку населения Рима, пределы которого тогда простирались от Тибра до Анио, включая, вероятно, земли Альбы, и составляя в целом площадь около ста двадцати или ста сорока квадратных миль. Таким образом, на одну квадратную милю приходилось более пяти тысяч пятисот жителей, так что для рабов оставалось совсем немного места.

На первых этапах республики патриции постоянно увеличивали свои земельные владения и, сдавая их в аренду арендаторам, приобретали власть над бедными свободными рабочими, а ссужая им деньги, получали право на их тела, а также на свободных йоменов и деревенщин. Патриции были жесткими кредиторами и неукоснительно пользовались своими законными правами, а их *эргастулы* - *пещеры* или сводчатые тюрьмы - были почти постоянно заполнены бедными должниками. Это обнищание свободных йоменов усилилось после ужасных опустошений, произведенных галлами при Бренне. Наконец, эти финансовые притеснения породили те восстания плебеев, которые закончились получением ими политических прав и полноправного гражданства, а также реформой юриспруденции, известной как Двенадцать таблиц.

В первые три-четыре века республики число рабов, не имевших долгов, было весьма ограниченным. Во время переписи, проведенной в 1600 году 280 года Рима, свободное население составляло более четырехсот десяти тысяч человек, а рабов было всего семнадцать тысяч.

Изначально в рабство попадали немногие женщины, если вообще попадали. Если грудной ребенок в римской семье часто черпал молоко из груди рабыни, то римская матрона, в свою очередь, часто давала свою грудь младенцу рабыни.

В те ранние времена к рабам относились доброжелательно; их считали скорее членами семьи, чем движимым имуществом; они принимали пищу вместе со своими хозяевами, участвовали в жертвоприношениях и поклонении богам. Они не считались опасными элементами в семье или государстве. С той ранней эпохи берут начало и некоторые привилегии рабов - например, их заработок, или *пекулий*, который, будучи сначала установлен только по общему обычаю, стал впоследствии определяться и уточняться гражданским правом, в котором первоначально раб почти не учитывался.

Плебеи, пролетарии, клиенты, свободные ремесленники - почти все они были римлянами - составляли в первые века основную массу рабов, содержавшихся в *эргастулах* патрициев. Часто, когда консулу требовались солдаты, он приказывал кредиторам открыть свои хранилища и выдать жертв для службы в кампании. А иногда, хотя и редко, консульский эдикт аннулировал долги и освобождал людей.

В эти ранние времена Республики имя *пролетария*, или создателя детей, было в почете. Именно с увеличением числа свободных, а не рабов республика связывала надежды на продолжительность и могущество. Во времена Цинцинната, Дентата и Регула быть названным *колоном*, или земледельцем, также было почетно для римского гражданина, будь то патриций или плебей. Труд тогда был высокой честью, более того, он был священным, а раб мог считаться почти случайностью в домашних делах. У Скавра, одного из самых богатых и могущественных сенаторов, было шесть рабов, у Курия Дентата - один, у Регула - один, когда он командовал римскими легионами против Карфагена, а у Цинцинната, возможно, был один, но, скорее всего, ни одного.

Триста патрициев Фабиев, которые покинули Рим, переправились через Тибр и поселились у самых границ государства, чтобы охранять и защищать его от вторжения захватчиков, были

йоменами, пахарями и земледельцами. И, не желая обидеть или унижить *облагороженных* сторонников рабства нашего века и страны, можно с уверенностью предположить, что они хотя бы немного уважают имена и характер Дентата, Цинцинната и Регула.

Однако патриции и многие богатые плебеи продолжали непрерывно увеличивать свои земли в *ager publicus* за счет более мелких йоменов, и это в то время, когда сельское рабство, можно сказать, находилось в зачаточном состоянии. И целью знаменитых аграрных законов было восстановление баланса между богатыми и бедными во владении общественными землями.

Войны, которые вел Рим с греческими городами в Италии, переполненными рабами, а также войны за пределами Италии были большими питомниками рабства. В таких войнах свободные граждане, конечно, погибали в огромных количествах, а вместо них в Рим привозили рабов-пленников. Пунические войны стали поворотным пунктом в политической истории, а также в социальном и нравственном развитии римлян. Эти войны дали первый большой толчок как городскому, так и деревенскому рабству. Городские рабы - это те, кто нанимался в дома и виллы для личного обслуживания; деревенские - те, кто занимался обработкой поместий.

Рим все больше превращался в морскую и торговую империю, и рабов теперь импортировали в качестве товара, помимо постоянно растущего числа военнопленных. Так, Регул привел более двадцати тысяч карфагенян всех сословий, которые были проданы в рабство. Но даже во время второй Пунической войны количество рабов всех видов должно было быть сравнительно небольшим, так как после ужасного поражения при Каннах римский сенат приказал вооружить рабов, и только восемь тысяч были записаны в военные списки. Перепись, проведенная в это время, дала во всем государстве двести тридцать семь тысяч взрослых римских граждан, или 1 185 000 свободных людей всех полов и возрастов; в общей сложности 770 000 римлян вместе с их итальянскими союзниками были пригодны к военной службе.

Победоносный Ганнибал продал в рабство тысячи римских граждан, а окончательное завоевание Карфагенской империи и Сицилии влило в Рим много тысяч рабов из Африки, Сицилии и Испании. Так, тридцать тысяч жителей Палермо и двадцать пять тысяч жителей Агригентума были проданы в рабство. Среди тех, кого Сципион привез из Африки, было две тысячи ремесленников, которых он обещал не продавать, а держать в качестве государственных рабов.

Отныне завоевания в Италии и за ее пределами стали для Рима социальной и политической необходимостью. Завоевания и земли быстро увеличивали богатство граждан, но в первую очередь патрициев. Привычки к роскоши, презрение к ручному и особенно сельскохозяйственному труду стали всеобщими, а вместе с ними увеличился спрос на рабов для обработки поместий и удовлетворения других потребностей богатых и сладострастных римлян. И вот теперь снова война и грабеж, аннексия Мексики, Центральной Америки, Кубы и Хайти - цели воинствующей американской рабовладельческой империи.

Со временем Рим стал рынком рабов, таким же великим, как Карфаген, Коринф, Афины и Сиракузы. Рынок рабов, как и все остальные рынки города, находился под контролем эдилов. Согласно муниципальным правилам, продавец должен был повесить на шею раба свиток с описанием его характера, в котором указывались его недостатки и подтверждалось его здоровье, в частности, отсутствие эпилепсии и жестоких болезней. Родина раба считалась важной и также должна была быть указана. Когда римляне завоевали Азию, сирийцы (принадлежавшие к европеоидной расе) считались особенно приспособленными

для рабства, как и негры в наши дни. Неисчислимо большинство римских рабов были представителями европеоидной или яфетической расы. Где, о, где, на протяжении этих почти бесчисленных веков, спало проклятие Хама, описанное в Писании?

Ганнибаловская война была крайне разрушительна для йоменов и их небольших усадеб. Внутреннее хозяйство было потрясено до основания и почти полностью разрушено; пахотные земли быстро превратились в пастбища для диких овец, на которых паслись дикие рабы; патриции перестали считать сельское хозяйство своим первым занятием, когда обнаружили, что рабы Сицилии, Африки, а затем и Египта способны прокормить и их, и народ; и любая земля, еще пригодная для обработки, обрабатывалась бедными фермерами, колонистами и рабами. Термин "*колонист*" также приобрел несколько уничижительное значение, ведь теперь они были всего лишь бедными пролетариями и плебеями. Теперь также вошло в обиход юридическое обозначение *familia rustica*, или сельское имущество; и, возможно, в это время или вскоре после этого в Риме возникла пословица: "*Сколько рабов, столько и врагов*".

В течение шестого века до нашей эры антагонизм между свободным сельским работником и рабом разгорается с огромной силой. Борьба на жизнь и смерть между крупными землевладельцами и рабовладельцами и йоменами, или фригольдерами, становилась все более и более активной. То, что медленно укоренялось в предыдущие века, укреплялось благодаря контактам с народами более древних и развращенных цивилизаций. Влияние Карфагена проявилось в сельской экономике римлян, и они стали строить свое сельское хозяйство по образцу карфагенского рабовладельческого хозяйства. Книга "Сельское хозяйство", написанная карфагенянином Магоном, была переведена на латынь по приказу сената. Страна быстро наполнялась рабами, и теперь в обращении с ними зародилась та безрассудная жестокость, которая вскоре нашла отражение в законах. Крупные рабовладельцы постоянно увеличивали свои владения, скупая или захватывая под разными предлогами небольшие усадьбы. Во времена Публиколы и Двенадцати таблиц мелкие свободные землевладельцы были доведены до отчаяния долгами и казнями, но теперь они были разорены и полностью уничтожены рабским трудом. Патриции, которые раньше были залогодержателями усадеб и на которых работали свободные владельцы, чтобы избавиться от долгов, теперь стали крупными плантаторами. Таким образом, в Риме и по всей Италии, а также в завоеванных провинциях рабство поднималось все выше и выше. Эти провинции составляли владения суверенного римского народа; но в управлении ими патриции применяли ту же дисциплину, тот же железный стержень, который они держали над своими рабами. Они держали закованных в железо рабов в застенках и тюрьмах, а пословица "Хороший мастиф не должен проявлять милосердия к рабам" до сих пор применима к ищейкам рабства.

Бедные свободные люди, изгнанные из страны и лишенные работы, все больше и больше толпились в Риме, увеличивая, в ужасающей степени, римский пролетариат. Более трех столетий лучшие люди Рима, Красс, Лициний, Эмилиан, Друз и Гракхи, предпринимали различные усилия, чтобы с помощью аграрных законов остановить уничтожение свободных владений, сначала крупных помещиков, а затем рабовладельцев. Эти усилия стали главной причиной внутренней борьбы и гражданских войн Римской республики, а их провал привел к гибели римского мира. Сципион Эмилиан Африканский пророчил гибель свободы и римского государства, если не прекратится замена плантаторского хозяйства на старое йоменное и фригольдерское. Около 620 года до н. э. в Этрурии почти не было свободных владений для йоменов, и Плутарх говорит: "Когда Тиберий Гракх прошел через Тоскану в Нумантию, он обнаружил, что страна почти обезлюдела: там почти не было свободных мужей

и свободных пастухов, но по большей части были привозные рабы. Тогда он впервые задумал курс политики" и т. д. Почти точно такой же рассказ о нынешнем состоянии Виргинии можно найти в речи, произнесенной несколько лет назад одним из ее собственных сыновей - одним из самых ярких сторонников рабства, будь то губернатор штата, активный политик или частный гражданин. Римский плантатор опустошил Этрурию, посвятив ее разведению скота; виргинец опустошает ее плодородную почву и свою собственную мужественность, посвящая их разведению "негров". Но на этом аналогия заканчивается. Виргинский спаситель станет в истории антиподом Гракхов.

Римские олигархи, рабовладельцы и работоторговцы, пресекли возвышенные усилия Гракхов, которые пытались не только сохранить, но и увеличить число свободных людей. Гракхи были убиты олигархами и деградировавшим сбродом. Публий Сципион Назика и другие сенаторы разжигали и подстрекали Публия Сатерия и Луция Руфа, которые, вооружившись дубинками или ножками от сломанных стульев, нанесли удары и убили Тиберия Гракха. С таким же варварством на сенатора Самнера напали в его кресле; а сенаторы Тумбс и Мейсон, а также гондолы Китт и Брукс имели в Риме своих кровавых прототипов. Убийству Гракхов аплодировал деградировавший римский сброд; так же "бедные белые" на Юге аплодировали нападению на Самнера, как и каждому другому акту дикого насилия, совершенному в Вашингтоне или где-либо еще в интересах рабства. Однако римские мужчины и матроны не вручали *почетные дубины* Публию Сатерию и Луцию Руфу.

Течение рабства теперь текло бесконтрольно, постоянно расширяясь по мере своего продвижения. Свободные граждане, лишённые своих домов и имущества, хотя теперь и не вдохновлялись больше античной римской добродетелью, все же сохранили часть своей прежней храбрости, и легионы распространили власть Рима на Грецию и Азию. Пленные, захваченные в городах и районах, больше не колонизировались, как раньше, а продавались в рабство, как пленники, взятые на поле боя, а наиболее энергичная и патриотически настроенная часть населения других стран продавалась в рабство. О депопуляции Македона, Эпира и Греции римскими завоевателями уже говорилось. Катон привез большое количество рабов с Кипра; Лукулл, должно быть, нажил бесчисленные тысячи в Вифинии и Каппадокии, судя по низкой цене - около двух третей доллара за голову, по которой продавалась его человеческая добыча. Марий сделал рабами более ста пятидесяти тысяч галлов, кимров и тевтонов, и среди них, несомненно, много англов и саксов.

Поборы, налоги и дани, которые римская олигархия заставляла платить завоеванные королевства, усиливали всеобщую нищету, разорение и рабство. Мужчины и дети сицилийцев и других народов были проданы в рабство римскими сборщиками налогов: когда Марий потребовал от Никомеда Вифинского, как союзника, свой контингент войск, царь ответил, что все его трудоспособные мужчины были проданы в рабство римскими сборщиками налогов и дани. И даже по сей день в рабовладельческих государствах продают в рабство свободных мужчин и женщин, чтобы оплатить расходы на тюрьму и суд.

Все эти рабы, как в личном, так и в денежном выражении, направлялись в Рим и тем самым увеличивали власть и ресурсы рабовладельцев-олигархов, в то же время беспрерывно пожирая внутреннюю экономику государства; обнищавшие и бездомные свободные люди мстили олигархам при Мариусе, отце и сыне, и при Цинне; а Силла, в свою очередь, был мечом возмездия олигархов и рабовладельцев. В его время рабовладельцы состояли в основном из богатых древних патрициев и новых богачей или кавалеров, которые вместе составляли олигархию капитала: так же как сейчас "старые семьи", как их называют, в

рабовладельческих государствах объединяются с новыми покупателями плантаций, надсмотрщиками, торговцами и т. д. и вместе образуют олигархию рабовладельцев.

Силла проливал потоки крови тех, кто смел надеяться на реформы Мария и уменьшение власти рабовладельцев. Он был их душой и представителем и был виновен в любой жестокости, чтобы поддержать интересы не Рима, а эгоистической олигархии; как и в рабовладельческих государствах, ничтожные потенциальные Силлы готовы пожертвовать всем ради сохранения рабства, вплоть до разрушения общества и республики; в то время как общественный дух свободного государства заставляет каждого свободного человека искать свое собственное благо в общем благе.

Во времена Силлы в Италии насчитывалось около тринадцати миллионов рабов, и восстания рабов, как там, так и на Сицилии, сменяли друг друга почти непрерывно. История зафиксировала некоторые из них и увековечила имя героического Спартака. Восстание на Сицилии под руководством Эннуса также длилось более четырех лет и стоило жизни почти миллиону жертв.

Разведение рабов еще не было поставлено на широкую ногу. Совет Катона Ворчуна был против его разрешения, и он обязал своих рабов платить ему налог из их *пекулия* всякий раз, когда они сожительствовали с представителями другого пола.

Большое количество зерна, ввозимого из завоеванных стран и выращиваемого рабами, вызвало конкуренцию, которая вскоре уничтожила усадьбы йоменов и превратила плодородную Кампанью и почти всю Италию в огромное пастбище для скота.

Уже упоминалось (см. "Греки"), что во время послеалександрийского распада Греции и Востока в восточной части Средиземноморья свирепствовало киликийское пиратство. Пока Помпей не уничтожил это пиратство, оно имело свои центры и рынки на Крите, на Родосе и даже в Александрии; но главный рынок находился на Делосе, где иногда десять тысяч рабов меняли хозяев за один день. Римские купцы были лучшими покровителями киликийских пиратов, а последние события показывают, что наши рабовладельцы снова начинают охотно покупать рабов у американо-африканских пиратов и работорговцев. В общем, везде, где капиталисту-рабовладельцу позволено развивать свое господство в государстве, и человек, и общество разоряются материально и морально. Так было с Римом и Италией в ту эпоху: так и американские рабовладельческие государства стремительно движутся по орбите, с которой Рим сорвался в пропасть.

В ходе Митридатской и Азиатской войн Помпей поработил более двух миллионов азиатов; а согласно переписи, проведенной при нем, в Италии то время насчитывалось всего 450 000 трудоспособных граждан, способных нести военную службу, или всего свободного населения около 2 200 000 человек. Также утверждается, что Сезар обратил в рабство не менее миллиона галлов. В эпоху Цицерона только около двух тысяч граждан Рима обладали земельной собственностью, но вместе с ней им принадлежали легионы движимого имущества; и Цицерон - парвеню без мужского достоинства, сначала соучастник, а затем предатель Катилины - утверждал, что только рабовладельцы могут считаться уважаемыми.

После того как патриции были возвращены к власти Силлой, они обнаружили, что война и наследственное рабство не обеспечивают необходимого количества рабов; поэтому они начали похищать и обращать в рабство бедных свободных людей, даже своих римских сограждан. Грабеж и насильственное завладение оставшимися свободными землями стали теперь само собой разумеющимся делом. Во времена Цицерона почти все ремесла в городе, которые раньше находились в руках свободных людей и клиентов, стали выполняться

рабами, либо непосредственно для своих хозяев, либо косвенно, сдавая их в наем другим. Становилось все более распространенным нанимать искусных рабов и обучать их с целью получения доходов от их мастерства. Тогда все было так же, как и сейчас; ведь тогда Италия, как и сейчас рабовладельческие государства, принадлежала рабовладельцам, работала на рабов и охранялась бессердечными надсмотрщиками и ищейками.

В начале своей карьеры Цезарь пытался создать свободную старшину, распределяя общественные владения между бедными свободными гражданами и солдатами-инвалидами. После победы над олигархами и Помпеем он колонизировал восемьдесят тысяч пролетариев Рима. Но было уже поздно, к тому же олигархи и рабовладельцы противились его попыткам. Свободных рабочих почти не было; владения рабовладельца были всеобщими; это была эпоха, о которой сейчас так мечтают мелкие сенаторы, будущие государственные деятели и весь авангард рыцарской армии рабовладельцев. Свободные владения исчезли из Италии, да и почти из всего мира, за исключением, пожалуй, долин в Апеннинах и Абруцци. Регион от современной Чивиты Веккии через Тускулум до Бойи и Неаполя, где когда-то плотное население латинских и итальянских свободных йоменов пахало землю и собирало урожай, теперь был покрыт великолепными виллами для хозяев и *эргастулами* для их скота. Но гордые обитатели вилл, богатые патриции и рабовладельцы, вскоре сами стали политическими рабами. Центральная Италия и земли вокруг Рима, которые вскормили армии и из которых набирали завоевателей карфагеняне, нумидийцы и фаланги Македонии, теперь представляли собой пустырь, обезлюдившее одиночество, принадлежащее нескольким богатым плантаторам.

Домашнее рабство теперь приводило Рим в то состояние, до которого он довел Грецию и восточный мир за столетия до этого. Италия Варро и Цицерона напоминала Грецию Полибия, Карфаген накануне его падения или Азию, найденную Александром. *Каким будет полный и зрелый урожай этого драконова семени в Америке?* Всякий раз, когда в стране насаждается и прочно укореняется домашнее рабство, даже красота природы подвергается опустошению и разрушению. Разве хижины для рабов оживляют пейзаж Вирджинии или украшают побережье Каролины? Живой ручей или река великолепно отражают тысячекратно лучи и цвета света, но застойные сточные каналы повсюду одинаково фекальны и отвратительны.

В эпоху расцвета рабства и упадка Римской республики в моду вошли те ужасные жестокости по отношению к рабам, о которых повествует история и которые даже сейчас вызывают ужас. Рабы, закованные в цепи, работали на полях; по ночам их теснили в тюрьмах; раскаленным железом на их щеках выжигали греческую букву и применяли другие немыслимые жестокости. Но даже тогда их сравнительно хорошо кормили, как и всех полезных и покорных зверей. Римский баснописец Фидрус в своей сказке "*Собака и волк*" рассказывает, как относились к такому хорошему кормлению более благородные умы той деморализованной эпохи.

После Катона разведение рабов стало более распространенным, и одна женщина часто кормила нескольких младенцев, пока их матери были заняты другими делами. Однако в последующую эпоху это стало еще более распространенным явлением.

Рабы использовались для всех целей в доме богатого римского олигарха. Они выполняли как самую высокую, так и самую низкую работу; они были даже врачами, архитекторами, литераторами, чтецами и амануэнсами; в какой-то степени они выполняли функцию печати в наши дни, поскольку их трудом переписывались рукописи и формировались библиотеки.

О том, насколько домашнее рабство унижало римского рабовладельца, свидетельствуют прямые исторические свидетельства, а также описания нравов в комедиях и т. д., дошедшие до нас из той эпохи. В той мере, в какой падали дух и мужество древних римлян, возрастали насилие и буйство. Среди различных пагубных влияний рабства на рабовладельцев также можно выделить два, которые очень заметны в то далекое время, и которые мы можем снова, по прошествии веков, наблюдать на наших глазах: рабство либо выхолащивает рабовладельца физически и умственно, делая его жестоким от женоподобности, либо делает его грубым и безрассудным, полным грубой и дикой свирепости.

У римских олигархов весь лоск общей культуры покрывал самые развращенные умы, и это отражалось как на их политике, так и на домашнем хозяйстве. Уже во времена Югурты почти все сенаторы были продажными, а впоследствии те, кто сохранил в себе лучшие римские черты, стали еще более редкими. Таким, к концу республики, был Секст Росций, о котором история упоминает за его хорошее отношение к своим бондам. Всякий раз, когда в обществе преобладает особый класс, формируется особый тип характера в качестве эталона чести, который, однако, обычно сильно отличается от истинного эталона честного человека или добропорядочного гражданина. Но, если отбросить ложные критерии, в рабовладельческих штатах может быть и, несомненно, есть много благородных плантаторов и граждан, таких как Кэрролл из Кэрролтона или Эйкен и Престон из Южной Каролины: но никто из этих людей не задает тон или характер нравам или законам; их влияние не допускается в Конгресс или законодательные органы штатов, их мнение не отражается в прессе или в мнимой литературе и науке их региона. Но обычаи и нравы, которые преобладают в настоящее время, принятые законы, высказывания государственных деятелей, состояние науки и литературы, а также заявления современной прессы - все это является свидетельством, по которому можно судить о социальном состоянии нации в настоящее время, и историческим свидетельством, по которому о нем будут судить будущие поколения.

Рабовладельческая олигархия одержала победу над Марием и Серторием, как она одержала победу над Гракхами. *И Римская республика перестала состоять из рабовладельцев, капиталистов и нищих.* Ярость возмущенного и обнищавшего народа привела Сезара к власти над трупами и руинами олигархии, которая задолго до этого свела свободу и имя римского народа к фикции и насмешке. Домашнее рабство в течение нескольких столетий подрывало Римскую республику, и его разъедающее действие усиливалось с самыми блестящими периодами завоеваний, подобно тому как человеческое тело, хотя и изгрызенное изнутри хронической болезнью, может демонстрировать, на более или менее длительный период, все признаки здоровья и бодрости. Олигархи, рабовладельцы и капиталисты разрушили республику, основанную умными и трудолюбивыми земледельцами, йоменами и фригольдерами.

Между римской и американской республиками существует не одна аналогия. Независимые и умные мелкие фермеры, а также ремесленники, механики и т. д. были основателями американской независимости. И свободные штаты не только сохранили, но и подняли до более высокого социального и политического значения изначальные характеристики ее существования; и упреки, бросающиеся воинствующими олигархами, поддерживающими рабство, в адрес свободных фермеров и рабочих на полях и в мастерских севера, являются святотатством по отношению к свободе и свету. Так князь тьмы прокликает бога дня!

XIII.

РИМЛЯНЕ - ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАБЫ.

Установить деспотию в обществе, морально, политически и экономически разрушенном рабовладельческой олигархией, было делом несложным. Цезари и императоры провозгласили и развили его, и в то время ничто другое не могло подойти Риму. Внутреннее рабство уничтожило республиканский дух и жизнеспособность древних республиканских институтов. Политическое состояние империи - этой всемирно правящей деспотии - при Цезарях и императорах^[14] было законным результатом рабовладения и олигархизма. Политическое и домашнее рабство теперь шли рука об руку, и оба они верховодили над человеком и обществом.

Во время правления шести Цезарей сельское и городское рабство быстро стало сводиться к методам и юридическим формам. Август пытался несколько изменить жестокое обращение с рабами: он отменил, например, обычай клеймить их щеки раскаленным железом и приказал вместо этого носить металлические ошейники. Также вошло в моду, что женщина, родившая троих детей, до конца жизни была свободна от тяжелого труда, а если у нее было четверо, то она становилась полностью свободной.

Работоторговля была очень активной во всем имперском римском мире на протяжении всего периода его существования и являлась самой прибыльной отраслью торговли. Она также строго регулировалась полицейскими правилами.

Август также предпринимал попытки, так сказать, морально оживить разлагающуюся олигархию, но эта попытка оказалась еще более неудачной, чем первая. Каждый человек, хоть немного знакомый с историей, должен быть в курсе абсолютной деградации олигархов, капиталистов и богатых рабовладельцев императорского Рима. Тиберий презирал их и тиранил с хладнокровной и презрительной жестокостью, равной которой можно было сравнить только с тем, как они расправлялись со своим скотом, или населением Рима, которое они обнищали и деградировали. Ведь тогда, как и веками ранее, олигархия смотрела на рабочий класс с таким же презрением, как современные рабовладельцы на "жирных механиков". Но в глазах истории и человечества именно "жирные механики" и "фермеры с мелкими кулаками" свободных штатов являются славным светом, который искупает темную сторону американской государственности, воплощенную в рабовладельческом рыцарстве.

На самом деле римские олигархи были гораздо более деградированы, чем их рабовладельцы. "*Turpis adulatio Senatus*", - сказал Тацит; и имена Друза, Германика, Британика, Хереи, Тразеи и некоторых других никогда не смогут искупить позор целого сообщества.

Количество рабов, которыми владели богатые люди, было пропорционально их деградации. Афиней говорит, что у некоторых богачей было от десяти до двадцати тысяч рабов, и это утверждение подтверждает Сенека. Сесилий Исидор, богатый *партикуляр*, живший при Августе, потерял большую часть своего состояния во время гражданских войн, но оставил по завещанию 4116 единиц движимого имущества; Элиус Прокул в своих поместьях в Лигурии имел две тысячи рабов, способных носить оружие; Скаурус, богатый сенатор, владел 4116 единицами движимого имущества, не считая пастухов и землепашцев; Евмолп, простой гражданин - не один из олигархов или F.F.V. того времени, а скорее *парвеню*, имел такое

количество рабов в своих поместьях в Нумидии, что с армией из них он мог бы взять штурмом город Карфаген, который, хотя и уменьшился от своего прежнего величия, все еще был одним из первых городов Африки. При Нероне половина Африки принадлежала шести рабовладельцам: Нерон расправился с ними и унаследовал их поместья.

Таково было стремительно развивавшееся внутреннее состояние римского государства, когда Плиний горестно воскликнул: "*Latifundi perdidere Italiam moxque provincias*": "Большие обширные поместья (обрабатываемые рабами), разорили Италию, а вскоре и провинции", поскольку даже Испания и Галлия были быстро поглощены крупными рабовладельцами.

Состояние и обращение с рабами вызывали жалость даже у Клавдия. Он запретил обычай уморить голодом старых и немощных рабов, которых обычно выставляли на остров в Тибре, где находился храм Эскулапия. Согласно эдикту Клавдия, такое выставление приравнялось к освобождению. Даже Нерон испытывал некоторую жалость к рабам, хотя и не испытывал ее к их хозяевам. Императоры были напуганы растущими масштабами рабства, которое все шире распространялось по Галлии и Испании, а также в Африке и на востоке. Несколько императоров - например, Адриан и Антонины - издали эдикты, призванные остановить распространение рабства и облегчить участь скота. Эти эдикты поощряли манумиссию, как абсолютную и немедленную, так и постепенную, и предоставляли такие же муниципальные права, какими пользовались те, кто был лишен гражданских прав. Тем не менее, *латифундии*, или крупные поместья, все еще увеличивали свои размеры; состояние и отношения земельной собственности требовали новых законов и новых юридических определений, которые постепенно вводились в *jus civile*. На первом месте стояли обычаи народа, а затем узаконивание его обычаев. Так, только к концу второго христианского века в римском праве появляются определения рабов как лиц, привязанных навечно к земле. Но их классификация была настолько сложной, что становится трудно, если вообще возможно, четко определить различные классы или ясно показать, чем один отличается от другого. Потребности императорской казны, вероятно, были причиной таких делений, как *adscriptitii, censiti, perpetui, conditionales, coloni, inquilini*- оба старого республиканского *происхождения-simlices, originarii, homologi, tributari, addicti glebæ, agricolæ, aratores, rustici actores, etc.* Со временем все эти названия также слились под общим названием "крепостные", которое опять-таки предполагало различные степени угнетения и рабства.

Про Августа говорят, что он умиротворил мир; и действительно, за редким исключением, Римская империя наслаждалась внутренним миром в течение первых двух христианских веков. Но при Клавдии, во время войны с Тиридатом Понтийским, все население некоторых захваченных городов было продано в рабство, как и сто тысяч евреев, когда Иерусалим пал при Веспасиане. Однако теперь уже не было ни богатых городов, ни возделанных стран, которые нужно было завоевывать, ни народов, которые нужно было поработать миллионами, как это было при республике; войны теперь велись только на окраинах империи, и, как правило, с варварскими народами. Военнопленных, пленных и покоренных варваров больше не продавали в рабство, а императоры колонизировали ими пустующие земли. Таким образом они пытались повторно заселить Италию и провинции, возродить древний способ ведения сельского хозяйства, а также увеличить доходы императорской казны. Подобные колонизации стали частыми после времен Марка Аврелия. Но все это не могло остановить рост социальной раковой опухоли. Как будет показано далее, рабовладение, поощряемое политическим рабством и налогами, буйно разрасталось и преодолевало все преграды, которые императоры пытались воздвигнуть на пути его развития.

За всю эпоху роста и развития домашнего рабства в Риме никто из моралистов, философов, поэтов, священников или сатириков не проповедовал и не воспевал идиллических красот рабства; никто из государственных деятелей не рассматривал его как основу, краеугольный камень или цемент общества или империи, или даже как "облагораживающее"[15] для рабовладельца, а речи и рассуждения в возвеличивание человеческого рабства были неизвестны. Плиний, Сенека и Плутарх говорили о нем только в смягчающих выражениях.

Римский юрист лучших времен империи облачал в юридическую форму чувство справедливости и равенства, присущее римскому, а может быть, и человеческому обществу. Он излагал закон для *фактически* существующего общества, а значит, в целом в пользу собственника, рабовладельца и т. д., и против вещи, *res*, которая была движимым имуществом. Целью римского права было лишь регулирование существующих отношений, а таковым было домашнее рабство. Но при всей своей непреклонной суровости римское право, благодаря сознательному голосу римского юриста, объявляло рабство состоянием, "*qua quis dominio alieno contra naturam subiicitur*", и редко упускало случай оказать услугу рабу, облегчить его положение и способствовать его освобождению. Ни одно положение или решение закона не возвращало в рабство, в любом случае, освобожденное имущество. Даже если завещание предусматривало эмансипацию раба в таких выражениях, как: "Я завещаю и повелеваю, чтобы мой раб А стал свободным, но при условии, что он будет жить с моим сыном, и если он сядет или пренебрежет этим, то вернется в рабство", закон решал, что "А, будучи эмансипированным первым пунктом завещания, не может быть вновь поработен последующим условным пунктом; поэтому А свободен, и он может выполнить или не выполнить это условие".

Ребенок также следовал состоянию матери, если рождался от незаконного совокупления, *nisi lex specialis alius inducit*. Если отец был рабом, а мать - свободной женщиной, ребенок был свободным, *quia non debet calamitas matris ei noceri qui in utero est* - "несчастье матери не должно отражаться на плоде чрева". Изменение статуса матери со свободы на рабство во время беременности всегда трактовалось в пользу ребенка, который, таким образом, мог родиться свободным, если мать была свободна даже самое короткое время в период беременности.

При императорах свободные люди стали продавать себя в рабство, что было неизвестно во времена республики. Но продавший себя в рабство свободный человек, если его потом освободили, не мог снова стать полноправным гражданином. А тот, кто был однажды освобожден, ни под каким предлогом не мог быть вновь обращен в рабство под страхом смертной казни.

Современные законодатели и юристы, выступающие за рабство, смело ниспровергают все эти римские представления о справедливости и равенстве.

Закон устанавливал различные *справедливые* причины для освобождения. Среди них были: естественное родство, когда рабами становились дети, братья, сестры, матери, двоюродные братья, дедушки и бабушки и т. д.; и тот, кто *ad impudicitiam turpemque violationem servos compellat*, терял свою *potestas*, или власть, над рабом.

Эти меры по освобождению действовали главным образом в отношении городского имущества, или домашнего скота, а также сельских надсмотрщиков, но редко применялись к сельским рабам; поэтому в самый блестящий период существования империи города были заполнены бесправными рабами разных видов и разных наций. Страна также была полностью покинута рабовладельцами, которые жили и бунтовали в имперском городе. Большинство этих эмансипированных рабов, как, впрочем, и многие свободнорожденные

граждане, в конце концов потеряли свою свободу под действием тех причин, которые, несмотря на эмансипации и государственные колонизации, постоянно увеличивали *латифундии*, или крупные поместья, и превращали в кабалу как свободных владельцев, так и тех, кто арендовал землю у государства или у частных лиц.

Гражданское управление Римской империи, языческой и христианской, вплоть до ее последних агоний в Константинополе, может быть очень кратко подытожено: это был *фискалитет*. Каждая административная мера была направлена на пополнение имперской казны. Императорская казна была бездонна, а ее владельцы холодны, хищны, жестоки и ненасытны. Все колонизации свободных рабочих преследовали единственную цель - увеличить доходы государства; дани и налоги всех мыслимых видов были наложены сначала на провинции, а со временем и на саму Италию. Разумеется, в основном они поступали от скукающих классов в городах и на землях. Жадность государства усиливалась также индивидуальной алчностью магистратов, начиная с префектов и заканчивая самыми захудалыми военными, политическими чиновниками и сборщиками налогов; действительно, более разрушительной саранчи, чем римские чиновники, никогда не пожирала плоды труда и накопления промышленности. Эти фискальные меры и незаконные поборы способствовали развитию рабовладения почти так же, как раньше войны и завоевания.

Инквиллины и *колони* последнего века республики были свободными, платящими ренту фермерами (которые платили ренту деньгами) или свободными рабочими. Когда после правления Силлы республиканские олигархи частично поработили этих крестьян, арендная плата должна была выплачиваться натурой, что свидетельствовало о зависимости, если не об абсолютном рабстве. Колонисты, поселенные императорами, также должны были платить дань и подчиняться различным другим кабалам; и таким образом некогда свободные колонисты медленным, но непрерывным процессом превращались в кабальных, крепостных и рабов. Как и в последние дни республики, так и при Августе и его преемниках свободный йомен или колонист, чтобы избежать насильственного изгнания из своего поместья и заточения в *эргастуле* вместе со скотом, часто продавал себя и свое небольшое имущество на определенных условиях богатому и могущественному рабовладельцу и таким образом обеспечивал себе покровительство и защиту. По мере того как при императорах росли поборы, притеснения и беззаконие, увеличивалось и принудительное или добровольное подчинение колонистов влиятельным рабовладельцам. Поскольку имперский сборщик налогов был склонен продавать детей бедняков за налоги или дань, крестьянин часто предпочитал стать рабом, чтобы получить защиту от своего хозяина, который становился ответственным перед казной за налоги кабалы и его земли. Нередко целые деревни колонистов отказывались от своих прав ради покровительства и защиты.

В казначействе имелась ведомость, в которую заносились имена всех колонистов в доменах, принадлежавших государству, городам или частным лицам. От этой переписи для налогообложения произошло юридическое обозначение, а затем и состояние *adscriptus*. Императорское правительство, единственной целью которого был сбор налогов и ответственные налогоплательщики, практически не возражало против такого превращения колонистов и их усадеб в кабалу богачей. Изменения произошли не сразу, не по специальному закону,^[16] а в результате медленного разложения общества. Когда крепостное право колонистов впервые стало объектом юриспруденции - немного раньше и при Феодосии, - оно уже существовало как факт; а *ex facto nascitur jus* было старой аксиомой гражданского права. Рабы, то есть движимое имущество, а не лица, привязанные к земле, как в городе, так и на земле, облагались налогом в плантационном списке; Константин

запретил продажу имущества из одной провинции в другую, скорее всего с целью облегчить контроль над ним со стороны сборщика налогов.

Хищническое налогообложение, первый отросток имперского деспотизма, который зародился благодаря рабовладельцам, загнал в тиски олигарха все, что осталось от свободной земли и независимого труда, или того, что хотели сделать таковыми императоры-колонизаторы. Та же причина дезорганизовала и древний муниципальный режим в городах Италии и всего римского мира.

Курии итальянских городов, а затем и всех других городов, на которые распространялось итальянское право, составляли политическое тело каждого муниципалитета. Самыми влиятельными и богатыми гражданами были *куриалы*; рядом с ними стояли *муниципалы*, простые мещане, мелкие торговцы и т. д.; затем клиенты, свободные плебеи, пролетарии, лишённые гражданских прав и т. д. *Декурионы*, или городской сенат, и другие сановники, называемые патронами, покровителями и т. д., управляли делами города; эти и все другие должности были легкими и почетными, пока города процветали, как в первые два века империи; но даже тогда различные юридические иммунитеты освобождали *куриалов* от выполнения публичной муниципальной службы. Во время мира, которым наслаждался римский мир в первые времена империи, налоги, пошлины, акцизы, *venalium* и т. д., налагаемые на итальянские города, были умеренными. Эти города были тогда богаты; они накапливали и ссужали капитал; владели рабами и обширными владениями. С помощью своих рабов они возводили те общественные здания и памятники, чье величие соперничало с римским и чьи руины до сих пор во многих местах сохранились; а управление доходами и почестями города находилось в руках богатых олигархов и рабовладельцев. Такое же накопление богатства в руках немногих существовало в городах, как и в стране, так как те же олигархи обычно жили в городе и обязательно принадлежали к какому-нибудь *муниципалитету*; ведь в римском мире весь политический и гражданский статус воплощался исключительно в городе, а страна, как таковая, не имела ни политического, ни гражданского значения.

Таким образом, даже в самые блестящие периоды многочисленные свободные люди в городах все больше и больше нищали и жили по принципу *panem et circenses*, как в Риме. Под этим обманчивым блеском болезнь медленно подтачивала процветание городов, и первое же потрясение выявило страшную реальность. Вскоре в итальянских и италянизированных городах фискальная алчность захватила все. Ее стали ощущать не только бедные слои населения, но даже богатые. Один за другим города теряли свои домены и сокровища, а значит, и средства для поддержания своего внутреннего управления. С ростом императорской алчности возрастали также опасность и трудности государственной службы, поскольку *декурионы* и другие чиновники отвечали перед императорской казной за все налоги и поборы, взимаемые с города. Богачи, меценаты и т. д. теперь широко использовали свое право на освобождение от должности и отказывались от государственной службы по мере того, как увеличивалось фискальное давление, и поскольку им было выгоднее наживаться на общих бедствиях, чем пытаться их предотвратить. Кроме того, налоги для центральной казны должны были взиматься наравне с налогами для местного управления городами. Все это в итоге почти полностью подавило обедневшее бюргерство, и во втором веке большое количество бюргеров было записано в *курию*. Сначала *куриалами* становились бедные лавочники, ремесленники и мелкие собственники, а затем почти все *вилы*, за исключением *инфамов*, то есть тех, кто в свое время подвергся какому-либо позорному осуждению. Налоги на земли, дома и рабов, а

также на людей (*подушная подать*) росли почти ежедневно и взимались под разными личинами и новыми названиями. Все ремесленники, торговцы и купцы должны были платить особые налоги, а самые бедные плебеи - *капитулярий* или *иллатион*. Когда города дошли до нищеты и были вынуждены облагать себя высокими налогами, чтобы поддерживать свое существование, самым тяжелым трудом стало быть городским чиновником, и каждый старался избегать общественных почестей, так как даже быть *куриалом* считалось тяжелым бедствием. Избыток бедного свободного населения, не получавший больше поддержки от магистратов и *декурионов*, покидал города и становился колонистами в императорских владениях, в оставшихся городских владениях или на частных землях; и там все глубже погружался в трясину рабства. Вскоре *куриалы* стали следовать за плебеями, чтобы избежать своих привилегий и достоинств. Однако в дело вмешался императорский эдикт, запрещавший мелким собственникам, куриалам и т.д. продавать свое имущество. Приобретатель такого имущества становился куриалом *ipso facto* и нес ответственность за прошлые и текущие налоги, а также за другие поборы и сервитуты. Закон накладывал и другие препятствия на личную свободу бедных, но облагаемых налогом куриалов: они становились кабальными слугами государства или своего муниципалитета, не могли менять место жительства и терпели бесчисленные неудобства. Подгоняемые таким образом, куриалы часто предпочитали даже ненавистную военную службу на крайних рубежах империи: они добровольно вступали в легионы, чтобы освободиться от налогов и хватки императорских и муниципальных сборщиков налогов. Однако большинство из них предпочитали искать покровителей и становились кабальеро богатых, рабовладельцев и освобожденных от налогов, отдавая себя и свое имущество в руки покровителей. Так часто обедневшие потомки бывших *гонораторов* становились сначала кабальными, а затем и рабами. В ту долгую эпоху жестокого гнета и налогообложения зародилось разделение и деление общества на классы и сословия. Эта классификация основывалась на занятиях и профессиях, а также на налогах, взимаемых с каждого класса, начиная с магната - так теперь называли богатых социальных наследников олигархов - и заканчивая самым низким рабочим и скотом. Наконец, вся собственность в римском мире - страна, город, земли, дома и рабы - была сосредоточена в руках нескольких магнатов, которые владели неисчислимым количеством колонистов, бондов, крепостных и рабов.

Знаменитые римские легионы набирались из йоменов, плебеев, рабочих и колонистов, одним словом, из свободного населения. Когда свободных людей становилось меньше, нанимали и зачисляли иностранцев и варваров. Военные убийцы Силлы были в значительной степени испанскими кельтами; а после Силлы и Мария иностранцы все больше и больше входили в состав римских армий. У Калигулы была своеобразная телохранительница, состоявшая из германцев; вскоре все завоеванные Римом народы были представлены не только в войсках, но даже под императорским балдахином. Затем начались междоусобные войны за императорскую власть, которые вели претенденты, каждый из которых *провозглашался* какой-нибудь провинцией или легионом. Эти войны приводили к резне, опустошению, разорению и всеобщему несчастью, увеличивали число рабов и оживляли работорговлю, которая пережила крушение язычества и римского мира.

Бытовое рабство, действуя на протяжении долгих веков, привело к глубокому заболеванию и разращению общества, которое, в свою очередь, реагировало на свою причину, усугубляя и усиливая ее. В результате домашнее рабство полностью захватило древнеримский мир. В меланхолический период распада Рима высокодуховный патриотичный гражданин - этот компактный и колонный тип характера - полностью исчез, а на его месте появились крупные рабовладельцы, работорговцы и рабовладельцы. Хозяевами и защитниками Рима стали иностранцы и варвары. Рабовладельцы не могли защитить империю, а под их началом

находилось деградировавшее население так называемых свободных, а также миллионы крепостных и рабов, лишенных искры любви к своей стране и даже материальных стимулов, которые побуждали бы их защищать свои дома или поддерживать существующее состояние общества. Никто из них не был заинтересован в том, чтобы поддерживать своих рабовладельческих хозяев или фискальную систему империи; и порой низшие классы, особенно рабы, даже присоединялись к захватчикам. Так, когда Аларих появился перед Римом, к его лагерю присоединилось более сорока тысяч рабов.

Таково было состояние римского мира и его западных провинций, Испании и Галлии, когда лавина с севера обрушилась на него со своим потоком захватчиков. Олигархические рабовладельцы, разрушив республику, передали цезарям общество, которое благодаря их усилиям полностью выродилось и развратилось. Императоры, в свою очередь, передали новой эре мир, гниющий от домашнего рабства. Нередко вирус так глубоко проникает в здоровый организм, что меняет сам его характер и условия существования. Тогда болезненная дезорганизация становится внешне нормальным состоянием, пока, наконец, жизнь не исчезает совсем. Таково было влияние рабовладения на римский мир, и особенно на Италию, которая была душой и центром этой системы. Не нужно быть очень внимательным, чтобы понять, как трагическая аналогия проявляется в случае с южными штатами Североамериканской конфедерации.

ССЫЛКИ:

[14] Собственно Цезари заканчиваются Нероном, а затем начинаются императоры различных семей и даже национальностей.

[15] См. речь сенатора Мейсона из Вирджинии.

[16] Так и сегодня ни один закон не создает и не дает определения "песчаным горцам", "пожирателям глины" и другим жестокосердным беднякам Юга, которые стремительно приближаются к рабству.

XIV.

ХРИСТИАНСТВО: ЕГО ЦЕРКВИ И ВЕРОУЧЕНИЯ.

АВТОРИТЕТЫ:

Всеобщая история, Церковная история, Соборы, буллы и т.д.

Христианство появилось для того, чтобы переродить нравственную природу человека; это обязательно включало в себя и его социальное возрождение.

Первобытные христиане, апостолы и мученики своими словами, поступками и смертью учили милосердию, братской любви и равенству перед Богом, и таким образом медленно, но мощно подрывали рабство. Они всячески утешали своих смиренных и страдающих братьев и пытались внушить рабовладельцам чувства милосердия и благосклонности к своим рабам; но как апостолы не нападали ни на одно из распространенных социальных или политических зол, а даже, казалось, молчаливым признанием или советом поддерживали существующий

имперский деспотизм, так, по понятным причинам, они не могли прямо напасть на домашнее рабство или провозгласить всеобщую эмансипацию. Они проповедовали рабам и рабовладельцам, обращали в свою веру и тех, и других, считали и относились к ним как к равным перед Богом и законом. Немногочисленные слова апостольского утешения, дошедшие до нас как , относящиеся в первую очередь к движимому имуществу, логически и морально содержат осуждение рабства, ибо только несчастье и зло внушают жалость или требуют утешения. Поэтому апостолы и первохристиане, советуя рабам терпеливо переносить свое иго, тем самым объявляли рабство злом, подобным любому из жизненных страданий, потерь или несчастий.

Когда при Константине христианство воплотилось в национальную еkkлезиастикy, церковь стала более непосредственно следить за положением рабов. Разными способами она пыталась облегчить их положение и добиться их освобождения; и это делалось тем более настойчиво, что христиане принадлежали в основном к беднейшим слоям населения, а также к многочисленным крепостным и рабам.

Но церковь стала материальным фактом, и отныне, помимо законных нравственных целей, у нее появились мирские и корыстные желания. Она получала императорские и частные пожертвования, стала крупным собственником земель, а значит, и рабов и крепостных. Поэтому она не могла проявлять особого интереса к освобождению, но тем не менее продолжала внушать рабовладельцам более мягкий дух и старалась, насколько это было возможно, предотвратить работорговлю, по крайней мере, христианским имуществом.

Никто из апостолов, отцов, исповедников или мучеников Церкви никогда не утверждал рабство как нравственный и божественный институт и не пытался его как-то оправдать. Этим первобытным христианам и святым отцам ни разу не пришло в голову ссылаться на проклятие Ное в качестве оправдания рабства. Библейская история о Ное и его проклятии была впервые привлечена к этому вопросу феодализированным средневековым духовенством, чтобы оправдать порабощение не черных африканцев, а белых европейцев, среди которых, несомненно, были предки многих откровенных американских сторонников божественного происхождения рабства, основанного на библейском авторитете.

Когда Римская империя была расколота на части северными захватчиками, тело римской церкви и духовенства принадлежало к покоренной и порабощенной расе. Франки, северяне и англосаксы были тогда полностью язычниками; но многие из захватчиков - вестготы и остготы, вандалы, бургунды, герулы и лангобарды - были христианами; но, будучи арианами (унитариями), они были врагами тринитариев и относились к римскому духовенству так же, как и к остальному покоренному населению. Однако римскому духовенству в конце концов удалось вытеснить арианские догматы своими собственными, и тогда они стали единственными толкователями христианской доктрины. Движимые христианским духом, а также кровным родством с порабощенным населением, они не переставали внушать завоевателям, будь то язычники или христиане, их обязанности по отношению к рабам. Они также продолжали поощрять манумиссию, объявляя ее заслугой перед Богом. Эти обряды совершались перед священным алтарем со всей церковной пышностью и впечатляющими обрядами, и часто их вымогали у рабовладельца-варвара в его последних муках.

Как и раньше, так и в первые века германского заселения Западной и Южной Европы, церковь никогда не признавала права одного человека порабощать другого, а, скорее, голосом Григория Великого, епископа, папы или святого, подтверждала древнюю аксиому римского юриста: "*Homines quos ab initio natura creavit liberos-et jus gentium iugo substituit servitutis*". Усилия Григория Великого, как и его предшественников и преемников, были

направлены на прекращение позорной работорговли, сначала христианскими рабами, а затем иудеями, мусульманами и всеми язычниками. Римская церковь и ее лидеры постоянно осуждали работорговлю, а папы грозили отлучением торговцам мусульманскими пленниками в Риме, Лионе, Венеции и т. д., а также тем немцам, которые впоследствии, в девятом, десятом и одиннадцатом веках, обращали в рабство военнопленных, которых они делали среди славянских племен, христианских и языческих. Римские папы также постоянно осуждали африканскую или негритянскую работорговлю с самого ее начала и до наших дней. Григорий XVI запрещает "всем церковникам осмеливаться утверждать, что эта торговля неграми разрешена под каким бы то ни было предлогом", и запрещает "учить публично или в частном порядке, каким бы то ни было образом, чему-либо, противоречащему этому апостольскому посланию". Прямые слова такого тона, исходящие от папы, обычно рассматривались как выражение духа папской церкви. Однако в Римской, как и во всех других церквях и сектах, как духовенство, так и миряне были склонны толковать все подобные мандаты по своему усмотрению.

По причинам, о которых уже говорилось ранее, различные национальные церковные соборы, проводившиеся в странах, политически реконструированных немецкими захватчиками, таких как Испания, Франция и Англия, неоднократно и недвусмысленно принимали законы о рабстве. Эти соборы постоянно стремились к тому, чтобы умерить общее обращение с рабами и кабальеро, предотвратить калечение и другие жестокие виды наказания. Церкви были провозглашены неприкосновенными местами убежища для беглых рабов, и в то время как эмансипация была признана достойной, порабощение свободных людей каралось отлучением.

Вскоре, однако, церковь, то есть священство и иерархия, стала неотъемлемой частью феодальной системы. Высшее духовенство делило общественные богатства, имело вотчины и другие поместья, укомплектованные крепостными и скотом. Затем пыл освобождения поутих, но, тем не менее, духовенство в целом рекомендовало гуманное отношение к порабощенным. Ирландское духовенство и советы, пожалуй, проявили себя наиболее бескорыстно в ту раннесредневековую эпоху: они были "подземной железной дорогой" того времени - помогали бежать рабам из рабства; а совет, состоявшийся в Армаге в 1172 году, дал свободу всем *английским* (то есть саксонским) рабам в Ирландии. В наши дни, напротив, подавляющее большинство ирландского римского духовенства на этом континенте поддерживает и одобряет рабство.

Со временем клерикальные иерархии, монастыри и т. д., привитые феодальным и баронским духом, стали столь же ревностно относиться к сохранению даже самых отвратительных форм рабства, навязанных бондам, как и самые алчные светские бароны, которые только могли быть. Нигде духовенство не возвысило свой голос за полную или частичную отмену кабалы.

Крепостное право, давно исчезнувшее из Италии, к моменту появления Лютера находилось на грани исчезновения в Англии. Отец религиозной реформации Германии скорее избегал смешивать социальную и духовную реформу; но французские и швейцарские реформаторы, а также анабаптисты и другие секты, в первую очередь заботились об улучшении положения угнетенных масс. В целом, великие движения за более свободную духовную деятельность, характерные для XVI века, способствовали освобождению крепостных: сначала путем очищения и возвышения общественной совести, а затем путем секуляризации церковной собственности. Государство, став наследником духовенства, повсеместно выступало за отмену рабства: церковная корпорация, напротив, никогда не трудилась над его отменой.

Среди различных религиозных организаций - за исключением квакеров и современных унитариев - абсолютность христианской доктрины и морали всегда была сильно изменена мирскими интересами. Ни епископальная, ни шотландская церкви, ни какая-либо другая конфессия не могут претендовать на то, чтобы стать родоначальниками благородных чувств, столь распространенных в Англии по вопросу о человеческом рабстве. Римское духовенство продолжает, как и всегда, колебаться между долгом и интересами; то же самое делают и различные протестантские секты. И очень важно, что в Американском Союзе почти каждая религиозная конфессия имеет свои фракции за и против рабства.

XV.

ГАУЛЫ.

АВТОРИТЕТЫ:

Сезар, Дьеффенбах, Пико, Амади Тьерри и др.

Галлы (*Gadhels, Gaels* или *Gals*), ветвь ариев, были первой исторической расой, заселившей Центральную и Западную Европу. Предполагается, что галлы (впоследствии ошибочно названные кельтами) эмигрировали из Азии в Европу раньше греков, латинян или славян, как, несомненно, и задолго до тевтонов или германцев. Уже в доисторические времена, от Дуная до Атлантики, на Альпах и Пиренеях, а также на Британских и Ирландских островах, эти первые странники оставили свои следы в названиях рек и гор. Их домом стала Галлия, откуда они неоднократно выходили и сотрясали древний мир, разоряли Грецию и распространяли свою империю на Малую Азию на востоке и Италию на юге. Они сожгли республиканский Рим в самом его младенчестве, и в течение столетий Римская республика боролась с ними не на жизнь, а на смерть, пока их окончательно не покорил Цезарь.

Вся Галлия была занята племенами, более или менее кровно связанными между собой, и их внутренняя социальная организация была во многом схожей. Сезар в своем говорит, что двумя господствующими классами были друиды и дворяне, а под ними - "*плебс, рæне servorem habetur loco, quæ per nihil audet et nullo adhibetur consiglio*". Это объясняет лишь отсутствие или, возможно, дремоту политических прав. "*Plerique* (не все, заметим, но многие, и в основном те, кто пострадал от неудач судьбы) *sesse in servitute DICANT nobilibus-in hos eadem omnia sunt jura quæ dominis in servis*." Эта последняя фраза означает лишь то, что определенные отношения между вождем и его зависимыми людьми были похожи на отношения хозяина и скота - это единственная форма рабства, известная Цезарю, который не понимал племенной организации, на которой основывалась власть вождя.

Парке Годвин в своей очень подробной и ценной "Истории Франции" справедливо говорит, что "галльское общество было простым скоплением вождей и последователей". Дав представление о семейной жизни галлов и показав характер власти и функций вождя, этот выдающийся писатель продолжает: "Остальные члены клана состояли из нескольких зависимых лиц в различных степенях подчинения, а также из приверженцев, чьи связи были более или менее добровольными". Среди зависимых были "бондмены (привязанные к земле), бондмены-должники, *обаерати*, чужаки, оказавшиеся в стране без защитника или господина, и рабы, пленники войны или купленные на открытом рынке". Так говорил Парке Годвин.

Если рабы и существовали среди галлов во времена Сезара, то их число было крайне ограниченным, и рабство не было неотъемлемым состоянием какой-либо части народа. В истории своих долгих войн с галлами Цезарь не упоминает о наличии рабов среди населения - это упущение показывает, насколько незначительным оно должно было быть.

Торговые отношения галлов с финикийцами и греческой колонией Массилия, или Марсель, вероятно, способствовали распространению рабства среди них. Но хотя наши знания об их внутренних отношениях и домашней экономике очень скудны, есть несколько фактов, которые доказывают, что домашнее рабство едва ли находилось даже в эмбриональной стадии в ту эпоху, когда галлы, связавшись с Римом и Сезаром, вошли в общее течение истории. Массалиоты (или колонисты, основанные в Марселе) торговали рабами. Они также держали их в своих домах, но не использовали на землях, расположенных за пределами города. В качестве полевых рабочих они нанимали лигурийцев, которые в определенные сезоны спускались со своими женами с гор и работали за плату. Земли, принадлежавшие галльским кланам или округам, обрабатывались рабским трудом не больше, чем поля массалиотов. Даже в домах вождей или знати домашнее рабство, если оно и существовало, должно было быть скрыто от глаз. Посидоний, воспитатель Помпея, Цицерона и других выдающихся римлян, дает описание образа жизни и бытовых обычаев галлов, по стране которых он путешествовал. Он заметил, что на их роскошных пирах гостям прислуживали дети семьи, а не домашние рабы; этот факт позволяет сделать вывод, что количество скота было очень небольшим, и что ему не было места в семейной жизни.

Галльские рабы состояли из преступников, бродяг, иностранцев, привезенных из Массилии, и военнопленных, в основном из народов за Альпами и Рейном. Даже после вторжения кимбров и белгов Галлия была населена племенами, более или менее близкими друг к другу. Поэтому она была театром почти непрерывных внутренних войн между племенами и федератами. Но когда одно племя завоевывалось другим, подвластные люди и те, кто избежал ярости битвы, не попадали в рабство, а просто становились данниками и получали свои законы от завоевателя. Исключения из этого правила, должно быть, были крайне редки. Если захватническое племя покорялось, оно получало земли и было обязано поселиться среди завоевателей. Основатели Рима, как мы видели (см. "Римляне: республиканцы"), действовали схожим образом. Военнопленные вливались в клан и содержались, возможно, исключительно вождем, на правах крепостных, привязанных к земле, но не как движимое имущество или товарные ценности; они не лишались ни личности, ни семейных прав.

Пахотные земли, леса и пастбища принадлежали клану коллективно - вожди, разумеется, получали львиную долю при распределении для обработки; и каждый клан жил на своих землях. Именно эти земледельческие кланы составляли те грозные армии, которые под началом различных Бренны (вождей, лидеров, королей) так часто наводили ужас и бичевали почти весь известный мир.

С ростом богатства и власти вождей их отношения с более бедными кланами становились все более агрессивными, а земли удерживались последними на все более обременительных условиях. Но когда Сезар вторгся в Галлию, крупных поместий (*латифундий*) уже не существовало, а земля находилась в руках многочисленного крестьянства, вдохновленного патриотизмом и любовью к независимости. Это крестьянство стекалось под знамена Верцингеторикса и до последнего поддерживало его в смертельной борьбе с Сезаром.

Живой акустический телеграф, использовавшийся галлами во время войн с Сезарем, - еще одно доказательство того, что в Галлии не существовало крупных поместий и что землю обрабатывали свободные люди, владевшие усадьбами: ведь каждый крестьянин, находясь

за пределами своей усадьбы, сообщал новости следующему соседу, тот - следующему, и так далее; таким образом, сведения быстро передавались на сотни миль даже в самый короткий день в году. Важное событие, происходившее в одном племени, в мгновение ока разносилось по всей Галлии. Если бы страна была разделена на крупные поместья, в которых работали рабы, такой способ связи был бы, конечно, невозможен.

Как кланы и их земли управлялись вождями и вельможами, так и города находились под олигархическим правлением. Свободное население городов не имело самостоятельных прав и было вынуждено иметь покровителей. Бедные, беззащитные и даже ремесленники охотно записывались на всю жизнь в клиенты к могущественной знати, завися от нее так же, как сельские родовитые люди зависели от вождей или сельских дворян. Но состояние клиента в городе не было наследственным или передаваемым по наследству, как клановость в деревне. Семья клиента не находилась в зависимости от патрона, а сын не был связан обязательствами, заключенными его отцом. Когда покровитель умирал, узы его клиентов разрывались, и они могли свободно выбрать себе другого покровителя.

Таковы были отношения между вождями и кланами, между знатью и народом, между землей и ее пахарем, между клиентом и покровителем, когда римляне начали завоевание Галлии. Обнищание, долги вождям, поборы разного рода, возможно, превратили многих независимых кланов в частичных кабальеро; но они всегда сохраняли свои семейные и деревенские права.

После многочисленных свидетельств, уже приведенных в истории греков и римлян, нет необходимости показывать, как аналогичные болезненные причины привели к соответствующим разрушительным последствиям в грубой цивилизации и социальном положении галлов. Развитие этих зародышей довело галлов почти до крепостного права, если еще не до скотства, в то же время ухудшив характер олигархов - будущих рабовладельцев - до степени, описанной Сезаром. Это извращение внутренней экономики галлов подготовило их к домашнему рабству. Так часто незначительное отклонение в экономике человека или пустяковое поражение его организма может привести к окончательной дезорганизации или *смерти*.

Римское завоевание и последующее деспотичное управление способствовали установлению в Галлии таких же отношений между населением, какие существовали в Италии и Испании и которые уже были описаны. Город (*municipium*) стал всем и вся; клан, округ, страна - ничем. Бывшие вожди родов становились сенаторами соответствующих центров. Имперская римская администрация способствовала концентрации земельных владений в одних руках и, как следствие, обнищанию мелких землевладельцев, свободных рабочих и служащих всех видов; тем самым значительно усиливался рост рабства. Коллективная собственность на землю, принадлежавшая клану и его вождям, полностью превратилась в индивидуальную собственность вождя, который теперь был еще и муниципальным сенатором или магнатом. Поразительную аналогию этому можно найти в горных районах Шотландии, которые таким же образом стали собственностью нескольких могущественных семей. Галльские кланы, прежде чем превратиться в рабов, сначала становились арендаторами (*coloni*), как в имперской Италии, у своих вождей (*tierns*), которые, став сенаторами, жили в городах и были окружены не клиентами и кланами, а рабами. Теперь поместья стали обрабатываться кабальеро и скотом, и таким образом подневольное население сменило свободных и крепких йоменов древних времен.

Однако это было достигнуто не без борьбы. Деспотичное налогообложение, тирания отечественных олигархов, опустошения, совершаемые варварами - авангардом будущих

разрушителей Римской империи, - породили в III веке неоднократные восстания *багаудов* (галльское название *повстанцев*), то есть крестьянства, против городов. В этих восстаниях объединялись все угнетенные мелкие землевладельцы, арендаторы, крепостные и рабы.

Работоторговля теперь была очень оживленной. Римские префекты, трибуны и т.д. продавали военнопленных, захваченных во время вторжения германцев, а германцы, в свою очередь, в случае успеха, увозили или продавали свою добычу торговцам людьми из разных регионов. Так, Аврелиан, который до того, как стать императором, был военным трибуном, продал несколько сотен франков, суэвцев и т.д., вероятно, в городе Магунсия (Майенс). Вскоре набеги становились все более разрушительными, и в течение нескольких столетий вторжение сменяло вторжение, пока не завершилось обнищанием и разорением народа. В результате длинной череды взаимодействующих социальных обстоятельств в Галлии и Италии сложилась та же ситуация: сенаторы и олигархи владели землями и городами и гордо господствовали, а остальное население превратилось в арендаторов, крепостных и кабальеров, а большинство из них - в скот. Этим последним, разумеется, нечего было защищать от захватчиков, которые порой даже во многом облегчали их положение: там перед захватчиками часто с распростертыми объятиями выступало порабощенное население. Когда разрушители римского господства над Галлией наконец обосновались в ней, многие из знати и богатых магнатов поняли, как задобрить своих новых хозяев, и таким образом разделили с ними добычу в виде земель и рабов. Однако гораздо большее число людей были разорены и обращены в рабство.

В Галлии, как и во всем античном и римском мире, не рабовладельцы, а их рабы пережили всеобщее разорение и, наконец, заняли места, которые когда-то занимали их поработители и хозяева.

XVI.

ГЕРМАНЦЫ.

АВТОРИТЕТЫ:

Тацит, Codex Legum Antiquorum Barbarorum, Якоб Гримм, Менцель, Вурт, Пюттер, Циммерман и др.

Германцы, по всей вероятности, были последними представителями арийского племени, переселившимися в Европу. История впервые обнаруживает их окончательно осевшими в центральной Европе; а как долго они до этого кочевали в первобытных лесах этих регионов, предположить невозможно. За исключением левого берега Рейна, Швейцарии и северных склонов Тирольских Альп, которые в течение веков были отвоеваны у различных кельтских племен, современная Германия выглядит примерно так же, как и тогда, когда Сезар встретил варваров на Рейне. Тогда германцы были грубыми дикарями, мало занимались сельским хозяйством, жили молоком, сыром и мясом, и их состояние во многом напоминало, а возможно, даже уступало состоянию татар, калмуков и башкир, которые до сих пор кочуют по северной и центральной Азии.

У германцев не существовало ни клана, ни патриархата, но господствовала индивидуальная воля, подкрепленная семейными узами. Разделенные на многочисленные племена, германцы, похоже, провели многие века в охоте на диких зверей в своих первобытных лесах и

в войне друг с другом. Скорее всего, эти почти непрерывные внутренние войны привели к появлению и развитию аристократии и рабства, которые прочно утвердились среди германцев, когда они впервые попали в историю. Среди европейских потомков ариев первобытные германцы наиболее ярко отражают евфратскую историю о Нимроде, "сильном", "охотнике", покоряющем слабого и охотящемся за его личностью и трудом. Между племенами с незапамятных времен царил лютая ненависть, а потому междоусобицы и войны были вечными. Покоренные были вынуждены работать на завоевателя; так, вероятно, зародились кабала и домашнее рабство, а также аристократическое презрение, которое воинственная часть населения испытывала к покоренным и поработленным работникам племени. Когда одно германское племя покоряло другое, победители либо захватывали земли покоренных и селились на них, превращая прежних обитателей в кабалу, либо, если они не селились среди покоренных, то делали их данниками, уводя определенную часть населения в рабство. Таким образом, германцы в своих диких лесах в основном делились на два больших социальных элемента: свободные, или дворяне, обладавшие всеми правами, и кабальные люди, не имевшие никаких прав. Но все, и свободные, и рабы, были родственны по роду и происхождению.

Во всех немецких диалектах есть специальное обозначение для раба. *Schalch*, *scalch*, *schalk* - слово, обозначающее раба, а *seneschalk* - надсмотрщика. В средневековые времена *сенешальк* был должностью, достоинством или титулом.

Помимо войн и завоеваний, существовали и другие источники, питавшие и поддерживавшие рабство: так, некоторые преступления карались рабством, и даже свободные люди играли в азартные игры - обычай, не встречающийся ни у одной другой расы или нации; свободный человек также мог в любой момент продать себя в рабство. Любой человек, приговоренный к денежной компенсации за убийство или любое другое преступление, если у него не было денег, отдавал себя в качестве раба в руки семьи или человека, которого он обидел, или тому, кто ссужал его деньгами для выплаты компенсации. *Шалки* находились в более полной власти своего хозяина, чем римские рабы в империи или даже, если возможно, чем скот в американских рабовладельческих штатах. Хотя Тацит говорит, что хозяева убивали своих рабов только в состоянии алкогольного опьянения или иного безумия, кодексы варваров и другие исторические свидетельства показывают, что с *шалками* обращались с особой жестокостью и даже подвергали их различным увечьям. Некоторые историки, считающие германцев образцом социальной и гражданской добродетели, приписывают эту жестокость их контактам с римлянами, примеру которых они следовали. Но влияние римской государственности на Германию началось только к концу четвертого века, а многие северные племена, такие как саксы, фризы и т.д., попали под влияние римской, христианской или любой другой иностранной цивилизации только в восьмом веке. Некоторые из этих варварских кодексов были написаны, когда варвары поселились на римских руинах; тогда, несомненно, они вобрали в себя некоторые римские идеи и содержали законы, касающиеся существующих отношений, но все же в основном они были воплощением их собственных, давно укоренившихся обычаев. Вестготский кодекс, например, был написан вскоре после того, как они обосновались в Галлии и Испании, задолго до разрушения Западной империи, и, следовательно, не мог испытать серьезного влияния правовых концепций или обычаев Рима.

Тацит говорит, что между образом жизни хозяев и рабов не существовало большой разницы: *Inter eadem pecora in eadem humo degunt*. Во времена Диодора Сикула юноши и девушки-*шалки* прислуживали за столами хозяев, которые всегда были готовы продать их за кувшин вина.

В эту первобытную эпоху исторического существования Германии гордость за свою кровь и происхождение, по-видимому, была глубоко укоренена в немецком сознании; и существовало сильное отвращение к разращению рода путем брака с женщиной или женщиной-шалком, даже если они принадлежали к одной расе и одной семье. Среди саксов по давнему обычаю *мезальянс* даже карался смертью. Так, предки многих американских рабовладельцев, которые сегодня так гордятся своей саксонской кровью, считались недостойными брака со своими хозяевами. Но сожительство с рабынями было тогда обычным делом (как и сейчас на Юге), что бы ни говорил Тацит о супружеской верности германцев. Бастарды от родителей, один из которых был свободным, а другой - рабом, становились крепостными крестьянами. Если свободный женился на рабыне, их дети становились *шальками*, а иногда отец даже попадал в рабство. Свободная женщина, вышедшая замуж за раба, могла быть убита своими родителями или стать рабыней короля - когда у германцев были короли в их новых, постримских монархиях. Большинство этих жестоких правовых обычаев и многие другие, встречающиеся в кодексах, относятся к языческой эпохе, к периоду чисто германского существования, не испорченного соприкосновением с развратом цивилизованной жизни. Они доказывают, насколько глубоким было презрение германцев к неблагородным или несчастным среди их собственных братьев; они также показывают очень древнее появление рабства среди них и его насильственное и преступное происхождение, как и у рабства всегда и везде.

Древние обычаи и законы, регулирующие наследование, удивительным образом сохраняются среди народов и наций. Из своих лесов германцы перенесли в Европу право первородства. Мужчины получали землю, а дочери - движимое имущество, *манципию* и шальки - неопровержимое доказательство того, что в первобытных лесах Германии господствовала не только кабала к земле, но и полное рабство.

Города и организованная промышленность тогда еще не существовали. Свободные люди, *то есть* хозяева, имели лишь несколько грубых потребностей, которые удовлетворялись за счет работы шальков в жилище или во дворе хозяина. В первобытные доисторические времена, как и во времена Тацита и после него, все мужчины и женщины, крестьяне и рабочие, были *шальками*.

Манумиссии были распространены, но зависели исключительно от воли хозяина. Они могли быть получены различными способами - куплены трудом, продуктами, деньгами и т. д. Манумированный, однако, не сразу вступал в полные права свободного человека или хозяина; действительно, только его потомки в третьем поколении становились полностью очищенными и способными войти в благородное сословие. Затем они составили, вероятно, низшее дворянство или вольноотпущенников, которые были последователями и спутниками первого класса; и, возможно, от них произошли свободные йомены, которые первоначально обладали лишь небольшим имуществом и небольшим числом шальков и крепостных.

Боевые люди, или воины, покорявшие и порабощавшие другие племена или превращавшие в шальков более слабых членов своего племени, часто селили некоторых из них на землях или усадьбах, которые они позволяли им обрабатывать для собственного пользования, при условии выплаты ренты, как правило, натурой, и выполнения различных других подневольных действий. Таково было происхождение германских *liti*, которые впоследствии составили простой народ.

Свободный, *то есть* изначально *сильный, покоритель*, был вершиной всей германской социальной структуры. Свободным он был потому, что являлся абсолютным господином над слабым, который не имел ни в себе, ни в семье никакой власти и силы, а потому был

бесправен. Подлинное значение слова *frow* (от которого происходит *fri, free, свобода*) - "право владеть" землей, *литией* и *шальками*. От *frow* происходит *frowen* - "свободные люди", "правители", "хозяева" - каста, для которой существовали все остальные. Земля и шальки составляли богатство *фроуэна* или дворянина, и для их приобретения германские племена прилагали все свои воинственные силы. Все далекие тевтонские вторжения, как и средневековые, совершались в основном ради приобретения земли и рабов. Земли, завоеванные мечами *фронов*, обрабатывались *шальками*.

Работоторговля существовала и была очень развита у первобытных германцев. Он существовал еще во времена Тацита, а некоторые исследователи утверждают, что на протяжении долгих веков это был единственный вид торговли, известный среди варварских германцев; и рабство в его худшей форме было в Германии в самом разгаре, когда ее племена бросились на Западную империю. Рабы составляли более половины всего германского населения. Вирт, наиболее добросовестный исследователь первобытного социального состояния германской расы, оценивает соотношение свободных и рабов как один к двадцати четырем. Все они - *фроуэны, аделинги*, дворяне всех степеней, последователи, вассалы, *личи* и *шальки* - жили одной и той же простой, мучительной жизнью. Грубые умом и энергичные телом, они в сравнительно небольшом количестве разнесли в щепки гниющую Римскую империю.

Сначала вторжения, а затем и целые нашествия и завоевания - походы Атилы с одного конца Европы на другой - дали энергичный импульс рабству как за границей, так и дома. За границей захватчики порабощали все, до чего добирались, разрушая, сжигая, опустошая, обедняя население и увеличивая число тех, кто был вынужден искать в рабстве средство против голода. У себя дома огромные участки земли обезлюдели и были заброшены, и старые и новые *хмурые* хозяева ухватились за них. Разумеется, спрос на *шальков* был велик, и их поставляли с помощью торговли и похищения людей.

Войны между германскими племенами, которые продолжались более или менее энергично, и войны с соседними народами увеличивали количество рабов, выброшенных на рынок.

Переход значительной части Европы от римского мира к миру, который можно назвать германским, был настолько ужасен, что в течение нескольких столетий беспрецедентные разрушения, запустение и рабство составляли основные характеристики первой средневековой эпохи.

Но Европе, христианскому миру и человечеству не суждено было погрузиться в грязную трясиину рабовладения. Ужасный кризис длился на протяжении многих поколений, а их уделом были кровопролитие и нечеловеческие страдания. Но наконец наступил переломный момент: болезнь начала сдавать позиции. Часто после такого кризиса злокачественные симптомы не стихают сразу, а иногда проявляются с новой силой, и для полного выздоровления требуется длительный период. Так и в эволюции Европы, захлестнувшей германские племена, самые злокачественные симптомы рабовладения долгое время сохранялись и вновь проявлялись в своих наихудших характеристиках, прежде чем социальный организм вступил в стадию выздоровления.

Кровавые муки германского мира пошли на пользу знати как за границей, так и внутри страны. *Литы* и шальки росли, а земли быстро накапливались в руках немногих в первые века немецкой христианской эры. Так, Саксония принадлежала двадцати, по некоторым данным, двенадцати вельможам, которые держали там полусвободных вассалов, *лити* и *шальков*.

Как олигархи Греции, Рима и Галлии, так и германские *фромены*, власть имущие, богатые, всеми возможными способами, *per fas et nefas*, захватывали усадьбы бедняков; а обедневшие свободные люди или *ахримены*, мелкие дворяне и вассалы становились *литами* и шальками. Аналогичные условия приводят к аналогичным результатам в обычаях, как и в институтах и законах; и часто то, что кажется заимствованным одной нацией или народом у другой, является лишь внутренним отростком, проросшим из аналогичных обстоятельств.

Когда немецкие светские и церковные основатели феодальной системы обладали большим количеством земли, чем могли обрабатывать, и когда железная рука Карла Великого препятствовала домашним распрям и поставке рабов из этого источника, тогда они похищали направо и налево, язычников и христиан, бедных свободных или шальков. Некоторые феодальные бароны времен Карла Великого владели целыми двадцатью тысячами *литов* и шальков.

Карл, Карле (правильное имя), или Карл Великий (более распространенное), в одном из своих многочисленных эдиктов или капитуляриев предписывает тем, кто получил земли, баронства, аббатства и т. д. в качестве вотчин или пожалований, следующее: "Et qui nostrum habet beneficium diligentissime provideat quantum potest Deo donante, ut nullus ex mancipiis (chattels) ad illum pertinentes beneficium fame moriatur, quod superest ultra illius familiæ necessitatem, hoc libere rendat jure prescripto".

Гражданские и церковные власти различными способами поощряли манумиссию. Многие свободные йомены были созданы из манумированных рабов, а также из бедных вассалов или последователей. Но такие люди вскоре обеднели в результате войн и опустошений и по разным причинам были низведены до состояния *литов* и движимого имущества.

Крепостное право и рабство в северной части Германии, в Саксонии и т. д., были в целом более суровыми, чем в южной; но и там, и там крестьянство подавляли, угнетали и, когда это было возможно, обращали в рабство. Когда Лотарь I, внук Карла Великого, восстал против своего отца, Людовика Благочестивого, он обратился за помощью к угнетенному крестьянству, арендаторам и движимому имуществу.

Века *фаустрехта* - "права кулака", то есть меча, грубой силы - вскоре сменили по всей Германии упорядоченное правление Карла Великого, оплоты династов, баронов, дворян и разбойников, разросшиеся повсюду как грибы; от них исходили притеснения и поборы всех видов. Древняя практика разорения бедных свободных людей и арендаторов, превращения их в крепостных, а затем крепостных в скот, продолжалась, как и в старину. Однако по мере вырубки лесов барон обнаружил, что не может выгодно обрабатывать обширные поместья одними лишь шалками и что экономичнее было бы превратить этих шатенов в крепостных, арендаторов и т. д. и поселить их на небольших участках своих владений. Это был первый слабый признак улучшения ситуации. Деревни, образованные таким образом династами, князьями и баронами, получили затем некоторые зачатки общинной, сельской организации.

Однако более мощным двигателем эмансипации стали города. В течение X века династы, князья и императоры стали повсеместно основывать города, наделяя их различными правами и привилегиями. Закономерный ход событий, потребности оседлого органического существования, которые могли быть обеспечены только регулярным движением промышленности и торговли, а также влияние Галлии, и прежде всего Италии, стимулировали германских правителей. Императору Генриху I, из Саксонского дома, принадлежит слава первого толчка к развитию торговли, а значит, и первого удара по крепостному праву.

Население вновь основанных городов состояло из низших слоев населения всех видов - рабочих, ремесленников, мелких торговцев, бедных вольноотпущенников и лиц, отданных на воспитание под условием проживания в городах - основатели городов первоначально заселяли их своими собственными прислужниками и бродягами всех видов. Конечно, никто из дворян даже самого низкого происхождения не становился бюргерами, и поэтому первые муниципальные патриции были очень низкого происхождения. Таким образом, антагонизм с баронами и феодальной знатью вообще стал краеугольным камнем городов.

Среди привилегий первых городов было то, что крепостной, шальк, или, одним словом, любой кабальный человек, нашедший убежище в окрестностях города, становился свободным, если не был востребован в течение года. Эта отсрочка для беглеца вскоре стала общим законом по всей Германии, даже между дворянами по отношению к их беглым крепостным; а охотник за беглецом потерял кастовость даже среди свободных господ - *freiherrn*. При попытке судебного преследования все трудности, законные и незаконные, вставали на пути истца - города охотно прибегали к оружию для защиты своего права на убежище.

Первые крестовые походы освободили большое количество людей, поскольку принятие креста было знаком свободы для крепостных и рабов. Но в Германии, как и во Франции, большое и постоянное влияние крестовых походов на освобождение заключалось в том, что они укрепляли города и обедняли дворянство, производя тем самым благотворные изменения во внутренних экономических отношениях.

Войны германцев с соседями, и прежде всего со славянами, мадьярами и т. д., в X и XI веках вновь оживили работоторговлю; на рынки для продажи привозили пленных и невольников, теперь уже не своих, а иноземных.

Тем не менее, рабовладение постепенно вымирало, а к двенадцатому веку от него осталось лишь несколько следов: военнопленных стали выкупать или обменивать, а холопство, с различными услугами, полностью вытеснило домашнее рабство.

Холоп обладал правами семьи, деревни и частично общинной организации. Но в крепостное право и холопство были перенесены многие отвратительные черты холопства. Дворяне стали, по возможности, более наглыми, требовательными и деспотичными. Но холопы и крестьяне начали ощущать свою силу, объединяться и действовать сообща в деревнях, а затем и в коммунах.

Частичные восстания следовали одно за другим в разных частях Германии: то против одного барона или господина, то против другого. Каждое восстание, даже если оно подавлялось, тем не менее давало импульс, хотя иногда и незаметный, к улучшению положения и освобождению. Восстания обездоленных и угнетенных классов подобны лихорадочным усилиям больной физиологии противостоять расстройству, изгнать вирус и восстановить нормальное состояние в экономике жизни. Весь мир восхищается славным восстанием швейцарско-германского крестьянства против своих наглых хозяев. Тогда кабальные люди, холопы и т. д., поодиночке или небольшими группами, топором, огнем и всеми возможными способами протестовали против своего неотъемлемого права на свободу. Так же поступал и знаменитый Мюнцер, когда над Германией и Европой забрезжил рассвет Реформации. Он твердо верил, что религиозная реформа, чтобы быть полезной для бедных, должна идти рука об руку с социальными улучшениями. Самым заметным восстанием, однако, стало великое восстание немецкого крестьянства в XVI веке. От Вогезских гор, от Альп до Балтики поднялись на борьбу многочисленные изолированные силы, каждая из которых была вдохновлена одной и той же великой идеей. У них не было центров, не было возможности

объединить усилия, но все они признавали один и тот же завет: 1. Евангелие должно быть проповедано в истине, но не в интересах их хозяев - дворян и духовенства. 2. Не платить никакой десятины. 3. Проценты или рента с земельных владений должны быть снижены до пяти процентов. 4. Леса должны быть общинной собственностью. 5. Все воды свободны. 6. Дичь свободна. 7. Крепостное право должно быть отменено. 8. Выборы коммунальных властей соответствующими коммунами. 9. Земли, отнятые у крестьянства, должны быть возвращены прежним владельцам.

Эта великая крестьянская война была страшной, беспощадной, кровавой. Было разрушено более тысячи крепостей, бургов и монастырей, но в конце концов крестьяне были побеждены, причем дворянам помогли силы империи. Лютер тоже громил бедных крестьян.^[17] Но они не напрасно проливали свою кровь. Угнетение старых *фроенов*, усиленное феодальным строем, было окончательно сломлено в корне. Имперский германский сейм объявил дворянам, что если они не прекратят свои жестокости, то при следующем восстании будут брошены на произвол судьбы.

Крепостное право еще не было отменено, но было смягчено различными способами. О прямом и косвенном влиянии Реформации на состояние крестьянства уже говорилось. Мягкие реформы проводились во владениях различных немецких государей. Сельским коммунам были предоставлены определенные свободы, и число свободных арендаторов медленно, но непрерывно росло. Условия холопства в частных поместьях стали регулироваться соответствующими правительствами, а абсолютное крепостное право постепенно вымирало. Процветание Германии росло пропорционально освобождению, хотя и частичному, сельского труда и свободе земли. В среднем наиболее процветающими были те регионы, где было наибольшее количество освобожденных сельских общин или где холопство было сокращено, систематизировано и становилось все более свободным от произвола хозяина.

Своеобразная политическая организация Германии препятствовала единству действий в деле искоренения сельской кабалы. Многие его черты - некоторые из них касаются человека, но главным образом почвы - сохранились даже до нынешнего столетия в некоторых частях небольших немецких государств; а в Австрии, Богемии и Венгрии еще есть возможность для бесконечного улучшения состояния крестьянства. Но смертельного беспорядка больше не существует: основные права человека признаны. Правительственное злоупотребление, несправедливость, деспотичное налогообложение, поборы чиновников и помещиков, к несчастью, встречаются повсеместно; но все эти грубо нарушают установленные законы. И как бы плохи они ни были, они ни на минуту не могут сравниться с пагубным влиянием рабства.

На протяжении долгих веков рабство и угнетение человека и его труда с упорством и настойчивостью вгрызались в жизненные силы немцев; и должны пройти века, прежде чем восстановится нормальное состояние. Но современные немцы - моралисты, государственные деятели, ученые и профессионалы, а также ремесленники, механики и земледельцы - единодушно осуждают человеческое рабство, какой бы расы оно ни касалось. Немного найдется представителей великой немецкой расы, чей разум недоступен более благородным побуждениям свободы и человечности.

ССЫЛКИ:

[17] См. "Америка и Европа" настоящего автора.

XVII.

ЛОНГОБАРДЫ-ИТАЛЬЯНЦЫ.

АВТОРИТЕТЫ:

Leges Longobardorum, Канту, Троя, Карл Гегель и др.

Западная Римская империя была насквозь пронизана рабством. Внутреннее использование сделало германских захватчиков также знакомыми с искусством и практикой порабощения: завоевание ими Рима, соответственно, только укрепило и расширило рабовладельческий строй. В течение более или менее длительного периода различные германские племена опустошали Италию. Господство остготов продолжалось около шестидесяти лет, и правление Теодориха Великого считается одним из лучших и мудрейших в этот период опустошения и угнетения. Наконец, лонгобарды основали в Италии постоянное поселение. При первом же наступлении Лонгобарды обратили в рабство всех, как в городе, так и в стране: магнатов, богачей, рабовладельцев, а также рабочих, бедняков, крепостных и скотов, которые составляли их добычу и в таком виде делились между победителями.

Некоторые историки утверждают, что все свободные римляне, [18] богатые и бедные - за исключением нескольких привилегированных аристократических семей - были лишены Лонгобардами прав личной свободы и собственности; другие, однако, утверждают, что свободное население было лишь обложено данью, а в остальном сохранило свою собственность, права и законы. Завоеватели (в качестве *хоспитов* или четвертованных солдат) обычно забирали около половины домов, земель и имущества покоренных и, кроме того, заставляли первобытного владельца платить им дань с того, что оставалось. В Италии Лонгобарды заставляли свободных римлян, богатых и бедных, платить дань в размере одной трети всего, что оставалось им после фактической конфискации; Павел Диакон, который сам был Лонгобардом, говорит: "*Romani tributarii efficiuntur*". Ремесленники и торговцы, да и все жители городов, также платили дань. Они не могли переезжать из одного места в другое без письменного разрешения своего лонгобардского хозяина; таким образом возникла система паспортов для бондов, которая до сих пор сохраняется в наших рабовладельческих государствах. Таким образом, римляне, некогда гордые и свободные, стали лишь полусвободными - нечто среднее между свободным человеком, каким был один только Лонгобард, и еще более ограниченными данниками, *альдиями* или *альдионами*, и крепостными. Короче говоря, свободные люди, богатые или бедные, уступали в правах и личной свободе солдатам; несвободные, древние *колоны* и т. д., попадали в кабалу на градус ниже; и только состояние домашнего скота оставалось неизменным.

Лонгобарды, как и все остальные германские воины, не любили городов, а вожди и дворяне возводили свои крепости за их пределами. Простые воины, получавшие земли в разных количествах, составляли фригольдеров, йоменов или *ариманов* и были обязаны выполнять воинскую повинность. Таково было происхождение феодальной системы, возникшей на руинах Римской империи. Многочисленные города Италии больше не имели никаких политических прав и значения, хотя и сохраняли некоторые остатки былой культуры и

цивилизации и даже слабые тени прежнего муниципального режима. Сам имперский город не был захвачен лонгобардами, и оттуда, как и из других городов той части Италии, которая принадлежала восточным императорам, некоторые слабые отблески достигли области Лонгобардов и имели тенденцию сохранять древние муниципальные традиции.

Влияние итальянской государственности и культуры постепенно начало очеловечивать лонгобардов. Некоторые из их законов, касающихся движимого имущества и рабов, более гуманны, чем те, что существовали при императорах, - более гуманны, чем те, что существуют сейчас в наших рабовладельческих государствах. Например, господин, совершивший прелюбодеяние с женой своего раба, терял право собственности и на нее, и на ее мужа и не имел больше над ними никакой власти. Различные правила также защищали крепостных и скотину от жестокого хозяина, а наказания не были произвольными, а во многих случаях регулировались законом. Эмансипация поощрялась и защищалась: Эдикт короля Астольфа даже провозглашал, что смена холопа на свободного человека является заслугой. Однако в первый период своего владычества лонгобарды, как и все другие германские завоеватели, в Испании, Галлии и т.д., и, прежде всего, феодальные герцоги и дворяне, считали кровь покоренных нечистой, а значит, гораздо более низкой, чем их собственная.

Постепенно промышленность и торговля стали набирать силу, и рабовладельцы начали медленно исчезать из городов, либо освобождаясь, либо покупая свободу, либо устраиваясь в качестве *альдий* или крепостных на землях своих хозяев.

Работоторговля теперь ограничивалась в основном некрещеными пленниками, которых христиане той эпохи считали отпрысками лукавого. Магометане, язычники, германцы, англосаксы и другие представители различных народов и племен были более многочисленны на невольничьих рынках, чем те, кто родился на земле Италии.

При Лонгобардах Италию снова стали чаще обрабатывать многочисленные *колony* с весьма ограниченными правами, но все же в лучшем состоянии, чем в предшествующую эпоху; копигольдеры и фригольдеры также стали увеличиваться, как уже говорилось. Таким образом, когда тяжелые тучи средневековья начали рассеиваться, состояние Италии несколько улучшилось; а когда Карл или Карл Великий положил конец владычеству лонгобардов, под культурой оказалось больше земли, а свободного, хотя и подневольного населения, как в городах, так и в стране, было больше, чем во время их первого вторжения.

Владычество франков, сменивших лонгобардов, не ухудшило положение итальянцев. Мир был благоприятен для труда, труд стимулировал эмансипацию. Таким образом, количество *движимого имущества* все больше и больше сокращалось, а крепостных, *adscripti glebæ*, увеличивалось. Но беспорядки, последовавшие за расчленением империи Карла Великого, вновь разорили многих свободных дворян, ариманов и других владельцев небольших усадеб и заставили их подчиниться гнету могущественных вельмож. Однако многие из лишенных собственности и обедневших людей искали убежища в городах, где промышленность процветала пропорционально свободе рабочих и служащих. Наконец, примерно в XI веке *города* начали отстаивать свою независимость. Это было время возрождения коммунальных франшиз и в других частях Европы, но первая искра проскочила в Италии. Вокруг штандарта, поднятого городами, столпились крепостные, сельские и домашние животные, а также все остальные виды кабальных и угнетенных. Это было, по сути, восстание их против помещичьих баронов, дворян и олигархов. Все беглецы находили убежище и защиту в городах; отсюда энергия, сила и демократическая ярость городов против дворянства и их крепостей.

Во второй половине эпохи Средневековья по всей Италии и Западной Европе военнопленных уже не продавали в рабство, а выкупали или обменивали. Мавры и арабы (магометане) были единственным ходовым товаром.

Все итальянские города расширяли свои владения, приобретали земли, объединяли баронства и регулировали отношения между владельцами земли и арендаторами. Домашнее рабство полностью исчезло; города оживились свободным трудом в искусствах, промышленности и ремеслах, а в поместьях крестьяне, крепостные и кабальные, *adscripti glebæ*, стали вассалами, обязанными следовать за баронами или городами на войну; они стали свободными арендаторами - сначала платили за свою землю натурой, а затем деньгами; число свободных владельцев и других, владеющих усадьбами, постоянно увеличивалось. Охота за сбежавшими крепостными теперь была прекращена. Города и бургомистры освобождали всех окрестных жителей и крепостных. В течение двенадцатого века почти полностью исчезло всякого рода личное унижительное рабство, а отношения между собственником земли и крестьянином установились на той основе, которая, с большими или меньшими изменениями, преобладает и по сей день.

В древнем классическом мире, в Греции и Риме, домашнее рабство зародилось в городах и оттуда распространилось на землю, разрушив всю социальную структуру. Но вот первый крик о свободе раздался из итальянских городов; города сначала освободили рабочих в своих стенах, а затем освободили и сельских крепостных. Города снова стали центрами цивилизации; они вскормили ее младенчество, приласкали ее первые шаги и дали ей свободный воздух небес: они воспитали ее не среди звенящих цепей и стонущего скота.

Таким образом, история уничтожает невежественное заблуждение о том, что саксонцы и немцы были крестными отцами социальной или политической свободы.

Много зла и беспорядков, несомненно, оставалось и даже еще остается; но сумма всех зол - собственность на человека и его труд - была полностью уничтожена. Затем наступила блестящая эпоха итальянских городов лангобардов - кульминационная слава итальянской цивилизации, чье пылающее тепло освободило всю Западную Европу.

ССЫЛКИ:

[18] Римляне как граждане империи, а не города Рима.

XVIII.

ФРАНКИ.

АВТОРИТЕТЫ:

Огюстен Тьерри, Генри Мартен, Боннемер и др.

Домашнее рабство, усугубляемое угнетением бедняков, опустошениями войн, ненасытными потребностями императорской казны, конфискациями имущества во время правления плохих императоров и другими причинами, разъедало самые жизненные силы римской Галлии. Уже было показано, как древние отношения клана и клиента последовательно сливались в трибутные *коланы*, в *глебы* (*adscripti glebæ*) и в движимое имущество. В период окончательного наступления северных рас на Римскую империю в Галлии, как и везде, за

имперскими легионами не было людей, кроме богатых рабовладельцев и бедных деградировавших свободных, крепостных и податных; да и сами легионы набирались в основном из бродяг и варваров. Задолго до этого Стиликон, чтобы собрать солдат для своей армии, провозгласил свободу тем, кто присоединится к его штандарту, и таким образом собрал более тридцати тысяч человек!

Во времена целостности империи ветви племени франков обитали в северной Галлии, либо как колонисты, либо как союзники, признававшие в римском императоре своего верховного повелителя. Отсюда они наносили свои завоевательные удары; они подчинили своей власти другие германские расы, уже обосновавшиеся в Галлии, и заложили основу будущей империи Карловингов и, наконец, Франции.

Франки позволили завоеванным народам сохранить свое собственное право, которое было римским, для всех гражданских исков между римлянами и римлянами. Это было выгодно только свободным людям, которых было очень мало, и богатым, так что они могли угнетать бедных и обращаться с ними так же, как и в империи; ведь франки не вмешивались ни в какие внутренние отношения, законные или незаконные. Богатые и хитрые римские магнаты заискивали перед завоевателями: они становились *antrustiones* или *commensals* королей, приобретая таким образом высокий социальный и политический статус и влияние; их было много среди могущественной и влиятельной аристократии, возникшей при Меровингах. Все завоеванные платили непосильную дань, а богачи, как и в старину, использовали все средства, чтобы увеличить свои поместья, крепостных и движимое имущество за счет добычи и поборов франков.

Но хотя права свободных римлян были признаны в принципе, их личности и имущество отнюдь не считались священными. Франки делили завоеванные земли между собой по жребии и часто захватывали вместе с поместьем все личное имущество богатого римского магната.

Меровинги почти постоянно воевали между собой, и эти войны были наиболее разорительны для городов и богатых свободных римлян. Когда заключался мир, эти римляне становились заложниками для обеих воюющих сторон; а когда мир нарушался, с заложниками с обеих сторон обращались как с военнопленными; они становились движимым имуществом, а их собственность конфисковывалась.

Римские города стали собственностью королей и вождей, земли - франкских солдат. Франки также постоянно находились в состоянии войны либо между собой, либо с соседями. Военная повинность была условием владения землей, поэтому римские и другие рабы и кабальеры обрабатывали землю и работали на своих завоевателей. В императорскую эпоху богатые галльские магнаты и сенаторы жили в роскошных виллах, подобно римским набобам и олигархам в Италии, Испании, Африке и т. д. В период ранних нашествий владелец часто укреплял свою виллу и защищал ее вооруженными домочадцами и имуществом. Такие виллы, меняя хозяев, впоследствии во многих случаях становились феодальными крепостями, вокруг каждой из которых вырастала деревня, со временем превращавшаяся в округ, затем в город и, наконец, в город. Так галло-римские виллы дали начало французским названиям *village* и *ville*.

В целом, с новым франкским завоеванием притеснения становились все более тяжкими, а работорговля, особенно военнопленными, получала новый импульс. Во время первого штурма римский фискалитет на мгновение исчез; но вскоре он был восстановлен, а вместе с ним и почти вся римская администрация. Франки восстали против налогообложения, когда один из королей попытался применить его к ним, но римское население вынесло всю

тяжесть его последствий. Дань, налоги и другие поборы в конце концов стали настолько деспотичными, что бедные и обнищавшие люди продавали своих детей, а иногда и самих себя в рабство. Евреи были общими посредниками и факторами в этой торговле, а также самыми крупными работоторговцами по всей Европе, как тогда, так и в последующие времена; и значительная часть наследственной ненависти европейских масс к евреям объясняется именно этим историческим фактом.

Франкские короли и их франкские подданные имели большие поместья, *метисы*, которые обрабатывались крепостными и скотом. Завоеватели ненавидели города, предпочитая любимую старогерманскую жизнь в деревне, где они проводили время в окружении своих последователей. Владычные особняки, *салы* королей и сильных мира сего, возводились среди огромных лесов в стиле лагерей; и по сей день немецкое слово *hoflager*, "придворный лагерь", является названием резиденции или двора государя. Политическая власть и престиж больше не зависели от муниципального гражданства, а от владения землей; так возникло феодальное значение страны и баронов, в отличие от бессильного теперь *муниципалитета*. В греческом и римском мире страна была полностью принесена в политическую и социальную жертву городу, который, в свою очередь, приобретал все больше и больше политической власти и значения по мере того, как домашнее рабство уничтожало первобытную йоменность. На ранних стадиях феодализма городам почти не уделялось внимания; они упоминались в основном как источники, из которых можно было выжимать налоги и дани.

В свободных штатах Американского Союза, в волостях и деревнях, значение страны достигло своего наивысшего и благороднейшего развития. Здесь свободные волости и деревни - фонтаны здоровой политической жизни и подлинный источник всех цивилизующих сил.

При Меровингах и Карловингах частые войны и притеснения оказались губительными не только для туземцев, но и для самих завоевателей. Франки и другие германские землевладельцы, ведя буйный и беспорядочный образ жизни, вскоре обеднели и стали добычей могущественных соседей из своего же рода. Дикая суровость закона, регулирующего состав преступлений, быстро истощила и полностью уничтожила вотчины безрассудных воинов, и таким образом быстро увеличилось число безземельных бродяг, которые не были ни арендаторами, ни крепостными, но становились кабалами людей своей собственной расы, когда-то бывших их товарищами и, возможно, даже последователями. В конце второй салической династии свободных рабочих было очень мало, и похищение людей, особенно на морских побережьях, стало обычным делом.

Карл Великий, как уже говорилось, пытался регулировать и облегчить положение кабальных людей и скота. Его капитулярии запрещали продавать рабов за пределы королевства, а тот, кто нарушал этот закон, сам становился рабом. Рабы должны были продаваться в присутствии графа или епископа, их лейтенантов или нотаблей, но не тайно, и не от одного лица к другому, без контроля властей; за нарушение этого закона также следовали большие штрафы. Однако, несмотря на все это, войны и вторжения норманнов и сарацинов, а также франкские налоги и поборы приводили страну в то же состояние запустения, что и в течение веков агонизирующей империи. Городов почти не существовало, а немногие крупные города были разбросаны на огромных расстояниях один от другого. Крепости, замки, бурги и укрепленные монастыри усеивали землю, но даже они были отделены друг от друга огромными лесами и болотами. Бедных и угнетенных крепостных и холопов преследовали и похищали, и для них не существовало убежища.

При Карле Великом общественный порядок и защита свободных арендаторов, крепостных и холопов существовали в той степени, в какой это было возможно в ту эпоху; но после его смерти все это исчезло. Наступивший затем кризис, завершившийся укреплением феодальной социальной структуры, был еще более ужасным, чем в эпоху нашествий. Больше всего, как можно предположить, пострадали бедные классы, крепостные и холопы. Десятое столетие знаменует собой триумф феодального режима, и вместе с этим триумфом из законов и обихода деспотичных господ исчезает холопство (*mancipium*). Отныне люди становились кабальными или крепостными и больше не были объектами купли-продажи или торговли. Их нельзя было разлучать с семьями, они селились в деревнях, а работоторговлей занимались исключительно сарацины и другие язычники.

Во всех остальных отношениях крепостное право сохраняло почти все самые отвратительные черты древнего домашнего рабства. Феодал использовал крепостных как землепашцев, и собранные ими урожаи были главным источником его доходов; кроме того, они были его сторонниками в феодальных распрях с соседями или с главными лордами - графами, герцогами и королями. Феодал не продавал своих крепостных - церкви, синоды и соборы единодушно осуждали торговлю христианами.

Нынешний крепостной, земледелец и рабочий во всей Западной Европе был младшим, объявленным вне закона членом человеческой семьи, как и наши южные рабы.

Долгое время разницу между крепостным правом и древним холопством можно было заметить лишь с большим трудом. На шеях крепостных (и это тоже не *adscripti glebæ*) со времен Августа сохранялся ошейник, который носили батраки, с выражением "Я принадлежу" или с вырезанным на нем именем хозяина. Так было принято в Англии у англосаксонских крепостных Ательстанов и Седриков, так что предки надменных англосаксонских рабовладельческих американских баронов наших дней носили ошейники!

Феодальный порядок был прочно установлен. Ниже по социальной иерархии, состоящей из свободных вотчин и поместий, принадлежащих дворянам, церкви и монастырям (все они были свободны от налогов и государственных повинностей), спускался другой социальный класс, единственными знаками отличия которого были унижения, страдания, труды и мученическая смерть. Подневольный труд и крепостное право имели такие же градации среди крестьянства и рабочих, привязанных к земле своего феодального господина, какие существовали среди баронов, дворян, аббатов и т. д. в их различных отношениях и обязанностях вассалитета.

Несколько городов и бургов начали возникать из той же социальной почвы, из которой возникли города Германии. Но подавляющее большинство дворян и владельцев городов считали их жителей в лучшем случае полусвободными, данниками или *цензитариями*, и постоянно пытались ввергнуть их в кабалу и холопство. Остатки независимых йоменов, свободных арендаторов, копигольдеров и т. д. быстро исчезли. Потомки завоевателей, родственные баронам, соглашались на кабалу, чтобы найти покровительство и облегчение от дальнейшего угнетения, или же искали убежища в городах, бросая свои усадьбы, которые захватывал феодальный барон и присоединял к своим владениям.

На протяжении двенадцати или пятнадцати веков, которые тянутся от упадка греческой и римской республик и первых дней империи до укрепления феодализма, очевидно, что действовали схожие причины, лишавшие бедняков их собственности, труда и, наконец, свободы, причем результат в каждом случае был одинаковым. В этом, как и во многом другом, история человеческой расы, ее расстройств и бедствий представляет собой запись почти непрерывных аналогий.

Мелкие феодалы, впоследствии названные *гоберо*, были, как правило, самыми жестокими и бесчеловечными как тогда, так и впоследствии, на протяжении долгих веков крепостного права французского крестьянства. Тирания всегда становится более свирепой и безумной по мере того, как сокращается круг ее власти и действия. Не так ли обстоит дело и на американских рабовладельческих плантациях?

Уже упоминалось, что короли и более могущественные феодальные вассалы начали возводить города, которые служили убежищем для бездомных, а также для крепостных. Мелкие дворяне и феодально настроенное духовенство часто упрекали королей в том, что они таким образом обезлюживают свои владения, а бароны, владевшие городами, вскоре доводили их жителей до отчаяния своими поборами и жестокостями.

Таковы были основные бытовые и экономические черты эпохи феодализма и рыцарства во Франции, как и во всей Европе. Именно по этим причинам в сознании некоторых людей память о них и их имя до сих пор окружены ореолом. Но если проникнуть за этот ореол, то перед глазами предстает ужасное зрелище тирании, угнетения и жестокости! Мнимое рыцарство наших рабовладельческих государств не имеет даже тени такого ореола, чтобы скрыть свою отвратительность. Жестокие и безрассудные бароны произошли от безрассудной расы, в эпоху тьмы: у них не было других традиций из прошлого, другого примера перед собой. Но американское рыцарство и рыцари-эрранты рабства плюют на все благородные традиции, переданные их предками. У них перед глазами зрелище свободы, порождающей процветание во все века. И все же при всем этом они сознательно отвергаются от света и бездумно устремляются к темному варварству.

Феодальные права баронов на продукты и доходы торговцев и рабочих, а также на личность и труд крепостных, вместе с их правом гражданской и уголовной юрисдикции, были результатом последовательных узурпаций.

К концу XI, а особенно в XII веке, города и поселки восстали против своих феодальных угнетателей. Это великое движение не было заранее подготовлено и не было спровоцировано внешними заговорщиками. Города, подстрекаемые поборами и притеснениями, поднимались по отдельности, каждый сам по себе. Импульс исходил от естественного стремления человека к свободе и справедливости, от его ненависти к тирании. Истинными заговорщиками были дворяне, угнетавшие города. Людовик VI, бессмертной памяти, помогал городам в их стремлении объединиться в коммуны, давал им хартии, освобождал их от власти баронов; словом, он делал все возможное, чтобы подорвать власть дворян и не дать им грабить, мучить и убивать народ. Но освобождение городов в конце концов было достигнуто только кровью; короли, движимые как гуманностью, так и политикой, поддерживали горожан в их усилиях и таким образом уменьшали тиранию и непокорность баронов и дворян. Дворяне, мелкие и крупные, во Франции, как и в других частях Европы, с оружием в руках сопротивлялись общинной эмансипации. Они объявляли бунтовщиками и ниспровергателями порядка и общества всех, кто пытался отвоевать свою свободу, а также всех, кто выступал в защиту угнетенных. Не повторяется ли то же самое явление в наше время и в нашей стране?

С освобождением городов и образованием коммун цивилизация начала озарять горизонт Франции. Но это великое социальное событие не оказало такого прямого влияния на состояние сельского населения во Франции, как в Италии. Крепостные все же нашли надежное убежище в ставших независимыми городах.

Крестовые походы оказали такое же влияние на состояние крестьянства во Франции, как и в Германии, Фландрии и т. д.

Последовательно короли начали регулировать и облегчать положение крепостных в своих владениях, постепенно вмешиваясь в процесс ограничения власти дворян над своими крепостными. Летописец того времени (двенадцатый век), говорит: "*Cetera censuum exactiones quæ servis infligi solent (nobles) omnimodis vacent*". Французские юристы XIII века, вдохновленные ульпийским и римским правом, изучение которого было вновь возрождено указом Людовика IX, заявили, что каждый человек на земле Франции является или должен быть свободным, как по праву, так и по закону природы. Впоследствии эта аксиома была признана применимой даже к сарацинам, магометанам, африканцам и представителям всех рас, вероисповеданий и национальностей. Людовик IX был другом угнетенных и защитником крестьянства. Он отменил более жестокие кабалы в доменах и попытался очеловечить дворян.

Великий принцип свободы, утверждаемый легистами XIII века, в XIV был воплощен в законе или эдикте Людовика X., который постановлял, что крепостные могут погасить свои личные и сельские обязательства перед дворянами и стать свободными арендаторами. Этот закон в целом был проведен в жизнь в королевских владениях, но не нашел поддержки ни среди дворян, ни в феодализованной церкви. К тому же в то время многие крепостные и крестьяне от бедности, умственной деградации и непостоянства, а иные от недоверия к закону и дворянам, отказывались от предложенной им свободы. В некоторых провинциях их сопротивление привело к беспорядкам, особенно в тех местах, где условия, продиктованные сенешалями (королевскими надзирателями), дворянами и священниками, были настолько деспотичными, что свободное арендаторство было не лучше кабалы; по этой же причине крепостные, получившие свободу, часто возвращались в рабство. В защиту американского крепостного права утверждается, что многие крепостные отвергают идею освобождения; что многие из них, получив свободу, по собственному желанию возвращаются в рабство; что они слишком деградировали, чтобы оценить свободу, и слишком непостоянны, чтобы добиться ее вознаграждения. Именно эти причины, основанные на фактах, аналогичных изложенным сейчас, выдвигались французскими феодалами против усилий правительства по освобождению угнетенных белых.

Последствия телесных, как и социальных беспорядков, часто имеют затяжной характер. Вековой гнет настолько разрушает разум и мужественность угнетенных, что они считают рабство своим нормальным состоянием, даже если физические чудовища иногда считались их обладателями символами красоты и здоровья. Таких неисправимых можно найти даже среди ныне свободных потомков социальных, политических, национальных и юридических кабалных людей - среди потомков тех, кто в прежние времена был покрыт презрением и страдал от неимоверной социальной деградации. Таковы ирландцы, в массе своей, и некоторые другие, которые спасаются от угнетения в Европе только для того, чтобы поддержать рабство в Америке.

Личное крепостное право и вассалитет стали постепенно видоизменяться, но в поместьях духовенства и дворянства они продержались до XVIII века, сохраняя некоторые из своих худших черт. Нигде в Европе крестьянин не был так долго и так жестоко угнетен, как во Франции; нигде он не брал такого страшного, но справедливого реванша. Восстания крестьянства в разных частях Франции образуют почти непрерывный исторический ряд, кульминацией которого стала Великая революция.

Уже упоминалось о неоднократных *восстаниях* галльского крестьянства: следующее восстание произошло в X веке, когда крепостные и крестьяне Нейстра (Нормандии)

поднялись против северян, которые только что утвердились и пытались превратить их в рабов; еще одно восстание произошло примерно в то же время в Бретани. Помимо множества частичных восстаний против отдельных крепостей или районов, самыми общими и знаменитыми были восстания *пастуров* в XIII и XIV веках, одно из которых было направлено главным образом против феодализирующегося духовенства, и многократные *жакерии*. Действительно, в течение XIV века вся Европа, можно сказать, была разделена на два больших враждебных лагеря: дворяне с их поборами и притеснениями составляли один, а рабочие, крестьяне и крепостные, сопротивлявшиеся своим угнетателям с помощью боевого топора и огня, - другой. И таким образом угнетенные повсюду прокладывали себе путь к свободе и цивилизации.

В XV, XVI и XVII веках происходили различные восстания, иногда вызванные правительственными мерами и недобросовестным управлением, но гораздо чаще вызванные безрассудным и жестоким обращением дворян с рабочими, против которых и закон, и королевская власть слишком часто оказывались неэффективными и бессильными.

Затем наступила эпоха искупления и справедливости - 1789-1793 годы. Тогда проросли семена, которые угнетатели веками сеяли в социальную почву, и тогда же была собрана кровавая жатва.

Нынешнее сельское население или крестьянство Франции, потомки крепостных и батраков, теперь обладает теми же гражданскими и политическими правами, что и любой другой класс нации - правами более широкими, чем любое другое крестьянство в Европе. Конечно, им еще приходится страдать от различных бед, вытекающих из общего несовершенства всех социальных структур; но никакой особой деградации не связано с их рождением или состоянием.

Первые проблески умственной культуры в раннем средневековье появились в монастырях - от монахов, которые, как правило, принадлежали к завоеванной расе или происходили из крепостных крестьян. Действительно, почти вся современная европейская цивилизация была разработана в городах так называемыми средними классами и крестьянами. Лютер и Кеплер были сыновьями бедных крестьян, а родоначальники огромного большинства европейских средних классов в то или иное время были крепостными, холопами или кабальеро, которых дворяне и бароны веками считали скотами и обращались с ними. По всей Европе многие родословные аристократических семей восходят к рабам, крепостным и холопам.

XIX.

БРИТОНЫ, АНГЛОСАКСЫ, АНГЛИЧАНЕ.

АВТОРИТЕТЫ:

Domesday-book, Sharon Turner, Lappenberg, Pauli, Hallam, Brougham, Vaughan и др.

Социальное положение бриттов до вторжения Сезара было, по всей вероятности, таким же, как и у их родственников галлов. Они жили кланами; земля находилась в собственности, схожей с той, что преобладала у галлов, и обрабатывалась членами клана или свободными работниками. Рабство у бриттов было, по возможности, еще более незначительным, чем у

галлов; рабы состояли из преступников и военнопленных и были общей собственностью клана. Трудовые классы не обеднели и не зависели от вождей, как в Галлии во времена римского завоевания. По разным причинам влияние Рима не было столь фатальным для бриттов, как для галлов; ни культура Рима, ни ее дезорганизирующая и деспотичная администрация не проникли в Британию в той же степени, что и в остальные части империи. Тем не менее римское правление, похоже, несколько изменило примитивные отношения между вождями и их сородичами, обеднив последних и развратив первых. Римское правление благоприятствовало рабству; оно окружать могущественных туземцев иждивенцами и скотом, в то время как бедняки постепенно теряли свою свободу и начинали обрабатывать землю не столько ради себя, сколько ради своих вождей. Разрушение прежних социальных отношений и страшное обнищание народа было вызвано непрерывными нашествиями пиктов и шотландцев, а также англосаксонским завоеванием.

Распространяясь по земле, англосаксы поработали ее бывших владельцев, продавая их за границу или заставляя работать на завоевателей у себя дома. Англосаксы насадили на земле Британии свой германский образ жизни и свой социальный организм во всех его деталях. Они принесли с собой своих рабов и рабовладельцев, свои законы и обычаи, касающиеся рабства, владения землей и состава преступления (все это было описано на предыдущих страницах). У англосаксов и датчан имущество состояло из потомков рабов, существовавших в римские времена, а также новообращенных туземцев, преступников, должников и пленников, захваченных на войне. Англосаксонские семьи также имели рабов шотландского и валлийского происхождения, как правило, из приграничных районов; с другой стороны, многие англосаксы находились в рабстве у шотландцев и валлийцев. Тернер говорит: "Хорошо известно, что значительная часть англосаксонского населения находилась в рабстве; их перевозили беспорядочно вместе со скотом".

Англосаксонские рабы назывались *theow esne* и *wite-theows*, или штрафные рабы. Их положение было сопряжено со всеми ужасами рабства. Их держали в цепях, били плетью, клеймили и надевали ошейники. Их продавали на рынках, особенно в Лондоне, а иногда вывозили за море, и они попадали даже на рынки Италии и Рима. Всем известно, что именно выставление англосаксонских рабов на продажу на римском рынке привело к введению христианства в Британии. Христианство смягчило дикие обычаи англосаксов и способствовало эмансипации, что вновь увеличило число свободных и полусвободных, составлявших низший класс населения.

Деление на классы - почти касты - очень жестко соблюдалось англосаксами. Власть и права знати, а также тех, кто достиг высокого положения в качестве королевских чиновников или владельцев обширных земельных владений, были очень велики. Владение землей давало англосаксам более высокий политический *статус* и наделяло их большей властью, чем у других германских племен, расселенных по всей Европе.

Свободные йомены, или владельцы земли в простом владении, искали защиты у *глафорда* или могущественного лорда. За это они частично обменивали свою свободу и право на землю, как это было принято и у германцев, и у всех других древних народов. Англосаксонские йомены в целом находились в подчиненном положении; у них не было закона, и их свобода заключалась главным образом в праве менять хозяев. Торговцы также находились, большинстве своем, в подневольном состоянии, и их освобождали от рабства, как и прочий скот. Некоторые из отпущенных на волю рабов становились земледельцами и нанимали землю у духовенства, вельмож, танов или *эльдорменов*, выплачивая им ежегодную ренту продуктами или деньгами; но многие из них также уходили в города и становились бюргерами. Некоторые из бюргеров также подчинялись баронам и другим лордам, как и

король; в общем, бюргеры не были настоящими фригольдерами, а если и были свободными, то часто не полностью избавлялись от домашней службы у своих хозяев. Таким образом, положение подавляющего большинства англосаксов было далеко от реальной свободы.

Нормандское завоевание превратило многих землевладельцев в арендаторов, а более низкие классы перешли в руки новых хозяев. Они стали арендаторами и работниками норманнов, для которых в противном случае завоеванные земли ничего бы не стоили. Но норманнское завоевание сделало саксонское рабство настолько невыносимым, что холопство почти сравнялось с батрачеством.

В "Domesday-book" приводится цифра 25 000 рабов в Англии. Большую часть сельского населения составляли бонды или холопы под различными названиями - *бордеры*, *гебуры*, *котсетлы* и т. д., - которые были вынуждены платить непосильные поборы и нести различные унижительные и угнетающие повинности. Эти притеснения и поборы в наибольшей степени отразились на англосаксонском населении.

Рабы и крепостные, привязанные к земле, могли быть проданы на рынке по желанию их владельцев. Мужья продавали своих жен, а родители, неспособные или не желающие содержать своих детей, могли избавиться от них таким же образом. Английский работорговец одиннадцатого и двенадцатого веков продавал свой англосаксонский товар ирландцам. Закон, принятый в 1102 году, запрещал эту "нечестивую торговлю"; но закон был обойден, торговля продолжалась, и когда Генрих II вторгся в Ирландию, он обнаружил там английских рабов, которых он манумилировал. В целях увеличения доходов, а также по другим политическим мотивам королевская власть в Англии, как и во всей Европе, обычно оказывала поддержку угнетенным; она всегда стремилась обуздать произвол баронов, способствовать освобождению и в целом помочь крепостным. Вильгельм Завоеватель приказал, чтобы лорды не лишали крестьян их земли; он принял постановления, предотвращающие произвольное обращение в рабство, и запретил продажу рабов за пределы страны. Он также принял закон, согласно которому проживание любого крепостного или раба в течение года и одного дня без предъявления претензий в любом городе, бурге, городе, обнесенном стеной, или замке давало ему право на вечную свободу.

Независимое свободное дворянство существовало в сравнительно небольшом количестве. Безрассудство феодальных баронов вынудило йоменов ради защиты присягать на верность манору, и таким образом, примерно через столетие после завоевания, почти все мелкие усадьбы исчезли. Завоеванное население владело своей собственностью не по абсолютному праву, а на правах аренды у лорда. Таким образом, вся индивидуальная свобода, за исключением свободы знати, становилась либо все более и более ограниченной, пока, наконец, время и обстоятельства не ослабили, а частично и разрушили узы, державшие нацию в рабстве. В Англии, как и во всей Европе, феодальный гнет был порождением нескольких поколений, но для его уничтожения потребовались многие сотни лет. Болезнь можно подхватить за час, а для ее излечения могут потребоваться годы. К покоренной расе норманны относились со всем презрением, свойственным завоевателям. Маколей рассказывает, что когда Генрих I женился на англосаксонке из княжеского рода, многие бароны отнеслись к этому так же, как виргинский плантатор отнесся бы к браку с квадронской девушкой. Но личные и экономические интересы заставили баронов смягчить свое обращение с крепостными и подневольными; многим из них было разрешено на определенных условиях обрабатывать небольшие участки земли.

Саксонское подневольное сословие, объединяемое под общим названием холопов, со временем стало иметь постоянный и законный интерес в обрабатываемой ими земле,

обрабатывая ее на условиях копигольда. Таким образом, число арендаторов на помещичьих землях быстро росло. Но в течение длительного периода, несмотря на то что закон объявлял, что ни один человек не является холопом, а тем более скотиной, если на него не претендует господин (а для всех остальных он был свободным человеком, имеющим право иметь и владеть имуществом), дворяне часто захватывали и присваивали себе имущество более бедных слоев населения.

Законы, принятые при Плантагенетах, хотя и были в некоторых отношениях тяжелыми для холопов, косвенно способствовали их освобождению и ставили множество препятствий на пути исков о возвращении беглецов.

Влияние городов на положение крепостных в Англии было аналогично тому, которое они оказывали в других странах Европы. Как при англосаксах, так и при норманнах жители городов изначально были крепостными и холопами или их потомками. Плантагенеты постоянно воевали, и набор солдат открывал путь к освобождению; с несением военной службы на суше или на море навсегда прекращалось всякое феодальное рабство. Крепостной крестьянин или холоп также получал свободу различными путями - через закон об убежище в городах, через призыв на королевскую службу и, наконец, через владение землей, на которой барон мог поселить его по своему баронскому желанию. Так постепенно возникло право копигольда, а Эдуард III запретил лордам присваивать эти земли, если они служили или регулярно платили ренту.

Принудительное рабство неуклонно сокращалось, а владельцы поместий жаловались, что города поглощают труд, необходимый для сельского хозяйства. В 1345 году парламент регламентировал оплату за все виды сельскохозяйственных работ и сделал труд обязательным, если он оплачивался деньгами, но не как личное рабство. Постепенно экономические и социальные отношения становились все более и более отношениями работодателя и работника и все менее отношениями хозяина и крепостного. Однако дворяне и помещики постоянно обходили законы и сохраняли, насколько это было возможно, свои деспотические права. Против этого крестьяне протестовали, устраивая различные мелкие восстания.

Уот Тайлер и его последователи-крестьяне требовали отменить существующие остатки холопства, установить денежную ренту за землю, а не за личные услуги, а также освободить торговые и рыночные площади от досадных пошлин и поборов. Но Уот Тайлер пал, восстание было подавлено, бароны и лорды заставили короля нарушить данные им обещания, и "безносые рибальды", как дворяне называли восставших деревенщин, были вынуждены вернуться к прежнему состоянию. Но чуть более чем через столетие после этого холопство полностью исчезло. Презрение, угнетение и даже резня в конечном итоге оказались совершенно бессильны против попыток угнетенных классов отвоевать свою свободу.

Войны роз уничтожили многие старые залоги, разрушили различные домашние отношения и, тем не менее, при всех своих разрушениях, в целом скорее способствовали освобождению земли и труда. Ричард III принимал различные постановления, благоприятные для крестьянства и уничтожающие еще остававшиеся пережитки подневольного состояния. По этой, а также по другим причинам некоторые историки защищают память о Ричарде III; и действительно, кажется, что поначалу Ричард был хорошим и честным человеком. Но бурные страсти, жажда власти, ненависть ко всем, кто противостоял ему или стоял на его пути, шаг за шагом подталкивали его к мерам насилия и убийствам; так он и остался в истории, отвратительное и проклятое чудовище в человеческом обличье, обгащенное кровью своих жертв. Нации и партии часто проходят тот

же путь насилия и преступлений, что и отдельные люди. Пусть сегодняшняя фракция сторонников рабства, которая уже начинает двигаться по кровавым следам Ричарда, возьмет на заметку!

При Тюдорах можно найти лишь немногие следы прежнего холопства, но оно сохранилось вплоть до царствования Марии и Елизаветы. Но на протяжении всех веков, в течение которых сельская кабала медленно, но неуклонно уходила в прошлое, в баронских поместьях и замках, в личных отношениях между хозяевами и их прислужкой и прислужниками сохранялись реликты очень жесткого личного рабства, почти равного рабству. Против этих остатков сельского холопства, вассалитета и рабства Генрихи и Елизаветы использовали свою королевскую власть и издавали указы, касающиеся как общих, так и особых случаев.[19]

Нет необходимости повторять то, что известно каждому студенту, изучающему историю: по мере того как кабала приходила в упадок, росло процветание Англии, и именно с ее окончательной отмены в любой форме начался непрерывный рост богатства и могущества английской нации. Отмена подневольного труда дала мощный импульс сельскому хозяйству и обеспечила ему его нынешнее высокое социальное значение; и теперь старое дворянство по всей Европе гордится тем, что оно занимается сельским хозяйством. Сельское хозяйство стало наукой, и именно благодаря свободе оно достигло наивысшей чести в иерархии знаний и труда.

Через такие разные этапы прошли англосаксы и английский народ, переходя от скотства и различных форм личного рабства к свободе. Нынешние жители английских городов, а также свободные йомены и арендаторы - словом, все английские коммерческие, торговые, фермерские и рабочие классы - вышли из рабства, крепостного права или подневольного состояния. В течение столетий угнетенные добились свободы своей личности и труда, свободы земли, завоевали политический статус и политические права; их потомки заселили американские колонии и здесь, наконец, завоевали первостепенное право на национальную независимость. Истинные свободные люди великой Западной Республики не стыдятся, а гордятся такой родословной трудов и побед. Эти свободные люди то и дело смело и благородно вступают в списки для борьбы с человеческим рабством в любой форме; и таким образом они остаются верны святым традициям, которые унаследовали от своих отцов.

ССЫЛКИ:

[19] Некоторые органы, выступающие за рабство, и мелкие крикуны (см. "Southern Wealth," etc., New York, 1860) порочат память Генрихов и Елизаветы за их великодушные действия по отношению к крепостным, забывая, что подобные королевские указы во многих случаях освобождали их собственных прямых предков.

XX.

РАБЫ, СЛАВЯНЕ, РАБЫНИ, РУССКИЕ.

АВТОРИТЕТЫ:

Шафарук, Corpus Scriptorum Historiæ Byzantinæ, Нестор, Фишер, Карамзин, Геребцов и др.

В какую эпоху славянская раса покинула общий дом ариев и переселилась в Европу, навсегда останется неразрешимой загадкой. Некоторые этнологи полагают, что славяне предшествовали галлам, и считают, что находят их следы по всей центральной Европе, на По и вокруг Адриатического залива. В любом случае, славяне - очень древние обитатели европейской земли, и, без сомнения, завладели ею задолго до германцев. Регион между Дунаем, Вислой и Волгой с незапамятных времен был, как и сейчас, явно славянским регионом, хотя в какое-то предыдущее время его, вероятно, занимали желтые или финские расы. Впоследствии славяне заняли земли между Вислой и Эльбой (ныне вновь утраченные), а также колонизировали южные берега Дуная.

С незапамятных времен славяне были земледельческим народом, и, возможно, именно они первыми возделывали девственную землю Центральной и Северной Европы. Славяне жили в деревнях и объединялись в сельские общины, избирая своих вождей (*жупанов*) или древних (*старшин*). Еще во времена Геродота в устье Днепра велась активная торговля зерном, и тогда, как и в настоящее время, славяне ввозили свою пшеницу в Византию (Константинополь), Грецию и Малую Азию.

Регион, занимаемый славянами, от Волги, по Дону (или Танаису) и Дунаю, был магистралью для различных ветвей монгольской, финской, уральской, скифской или туранской семьи в их вторжениях. Все эти старые и классические обозначения жителей Азии к северу от Бактрии и Гималайских гор теперь слились в слово "татары". Так, в далекой древности тартары-скифы, смешанные со славянами, обитали на Танаисе, к северу от Дуная, и, весьма вероятно, на равнинах к востоку от Днепра. Другие нашествия азиатских татар, таких как гунны, авары, булгары, мадьяры, печенег, половцы, угры, турки и собственно татары, несомненно, рано познакомили примитивных земледельческих славян с ужасами войны, угнетения и порабощения. И среди рабов, которыми под именем скифов торговали фенийцы и греки, несомненно, было несколько славянского происхождения.

Славянская раса очень поздно начала принимать участие в европейском или западном движении. Ни в самые отдаленные времена, ни в великом западном порыве в начале христианской эры славяне не выступают в качестве захватчиков или завоевателей сами по себе. На протяжении многих веков славян в их отношениях с другими расами и народами скорее следует считать пассивной или реципиентной, чем расширяющейся или творческой расой. По этим причинам рабство, по-видимому, не было исконным в тех частях славянской семьи, которые составляли независимые группы, в то время, когда эта раса впервые появляется на горизонте истории.

Император Маврикий в шестом веке, рассказывая об оборонительной войне славян, говорит, что когда они брали пленных на войне, то держали их в качестве таковых в течение года, а после оставляли на их собственный выбор либо поселиться среди них, либо вернуться в родную страну. Таким образом, в эпоху, когда по всему миру шла вечная война, когда с незапамятных времен военнопленные повсеместно составляли основную массу рабов для домашнего труда и для торговли, только славяне были гуманны по отношению к своим пленникам.

Славяне, однако, заболели рабством, отчасти от внешней инфекции, отчасти от внутреннего развития событий, сходных по характеру с теми, которые указывают на происхождение рабства у других народов; и, овладев народом, оно действовало так же, как и в других странах. И снова мы видим постоянно повторяющуюся аналогию между происхождением, природой и действием социальных и телесных болезней - везде одинаково, как под экватором, так и вокруг полюса.

В десятом и одиннадцатом веках германцы под властью саксонских императоров вели завоевательную, почти истребительную войну против славян, от Балтики вдоль Эльбы до Штирийских и Каринтийских Альп. Количество пленных и мирных поселенцев, угнанных в рабство, было огромным. Многие из них были проданы в балтийских портах, другие - в Венеции, третьи снова разошлись по внутренним районам Германии, причем в таком огромном количестве, что из них возникло общее обозначение "*рабы*" для всего скота любой расы; таково было происхождение слова, которое впоследствии вошло во все языки Европы.^[20] Впоследствии самые суровые феодальные порядки регулировали положение сельского населения Богемии, Моравии и Венгрии, которое не прекращалось до тех пор, пока события 1848-1949 годов не положили окончательный конец холопству (*роботе*) во всех этих странах.

Поляки и русские не были затронуты феодализмом ни в одном из его социальных или конструктивных проявлений. Вплоть до седьмого и восьмого веков поляки продолжали избирать своих вождей из всех слоев населения - купцов и рабочих. Князь или вождь Лешко был купцом, а Пяст - колесником и стал основателем длинной череды королей. Но войны породили людей меча, или шляхту; и тогда в Польше, как и везде, шляхта стала посягать на права и собственность слабых, притеснять земледельцев, свободных старшин (*кметов*, *кметонов*) и земледельцев (*господаршей*); но ни те, ни другие никогда не превращались в скот. Когда поляки стали отдельной исторической нацией, в Европе уже исчезало скотство. Они воевали в основном с другими славянскими народами и с германцами; следов обращения в рабство военнопленных не обнаружено. Их языческими соседями были пруссы, иадзвинги, и литовцы; пленники, захваченные среди них, использовались либо на общественных работах, либо строго в домашнем хозяйстве, как и военнопленные, захваченные впоследствии у татар и турок. Когда эти пленники становились христианами, с их скотским положением было покончено.

Военнопленных называли *niewolnik*, "лишенный воли". Когда польские земледельцы были покорены шляхтой и стали холопами, или *глебами*, их стали называть *холопами* (название, скорее всего, заимствованное из русского языка), также *poddany*, "подданный"; а сельские отношения получили общее название *poddanstwo*, "подчинение".

Библейское повествование о проклятии Хама, наложенном Ноем, давало легкое оправдание для обращения людей в рабство. Крестьянин (*холоп*) и Хам стали синонимами в устах дворян и духовенства, которое, как правило, происходило от дворян. Гнет знати был абсолютным во время междоусобных войн двенадцатого и тринадцатого веков. Народ сопротивлялся, но после нескольких частичных, но кровавых схваток крестьянство было подчинено. В королевских доменах старые йомены (*кметоны*) все еще сохраняли свои земли и некоторые права, и до последних дней Польши крестьянство доменов никогда не становилось, ни юридически, ни фактически, *adscripti glebæ*. Казимир Великий, польский король середины XIV века, защищал права крестьянства от притеснений шляхты и советовал крестьянам защищаться с помощью кремня и стали. Он получил имя "короля бедных угнетенных крестьян" (*krol khlopkow*): возможно, это была благодарность угнетенных, которая наделила его этим титулом, а возможно, это был насмешливый эпитет, примененный дворянами. Угнетение знати действительно было, а рабство крестьянства - в крайней степени; но оно никогда не доходило до скотства, за исключением редких случаев абсолютного беззакония.

Кметоны, или свободные йомены, и крестьяне, как правило, по-прежнему владели землями, которые когда-то были их непосредственной собственностью, но теперь только как владельцы по желанию господина, платя ему ренту или дань, натурой или трудом, и лишенные права менять свое местожительство. Хозяин мог по своему усмотрению возвести

арендатора в ранг свободного владельца или освободить любого из своих домашних слуг. Города не были таким надежным убежищем для беглецов, как города в других частях Европы. Военная служба здесь, как и везде, давала кабальному человеку вечную свободу.

Польская шляхта обладала верховной властью и была всем; она составляла нацию, законодателей и суверена - даже короли находились под контролем шляхты и ее интересов. Шляхтичи дорого заплатили за свою тиранию и угнетение, ведь они сами признают, что крепостное право было главной причиной падения Польши.

После расчленения Польши Фридрих Вильгельм III восстановил личную свободу крестьянства в частях королевства, отошедших к Пруссии; в австрийской части положение крестьянства было улучшено и личная свобода частично восстановлена Иосифом II; а та часть Польши, которая в конце XVIII века была присоединена или, скорее, переприсоединена к России - как Литва и русские губернии - попала под контроль правил, господствовавших в империи. В самой Польше все крестьяне теперь свободны и пользуются полными гражданскими правами; и даже земля, обрабатываемая крестьянами, скоро будет полностью освобождена от всякого рода кабалы, связанной с ее владением: таким образом, крестьянство вернет себе хотя бы часть собственности, отнятой у них насилием или ухищрениями много веков назад.

Славяне на территории, которую сейчас называют собственно Россией, - от озера Пейпус и Валдайских высот до берегов Днепра - с незапамятных времен жили деревнями, которые, в свою очередь, формировались в более мелкие или крупные округа (*общины, волости*), избиравшие себе вождей или глав (*гольцов*).

Среди немногих городов России центрами славянского региона были известные и процветавшие на заре средневековой эпохи великие республиканские и торговые империи Новгород и Пскова. Тогда еще не было ни знати, ни рабов, ни кабальных людей. В 862 году новгородские республиканцы, отвлеченные внутренними распрями и партийными разногласиями, пригласили скандинавского, нордманского или варяжского вождя по имени Рюрик взять на себя управление их республикой. Рюрик и его последователи распространили господство варягов до южных районов Днепра, а столицей Российской империи стал город Киф. С началом правления варягов не произошло никаких позитивных изменений ни во внутреннем организме общества, ни в состоянии населения. Рюрик и его потомки избирались или утверждались славянским народом, а городами и округами он управлял через своих соратников или лейтенантов. Эти люди, а также прямые потомки Рюрика под различными названиями князей (*князей и мужей*), вассалов и воинов и стали основоположниками русского дворянства. Это, однако, нельзя назвать феодализмом, так как эти функционеры в какой-то мере соответствовали графам и *missi dominici*, или сеньорам Карла Великого. Великие князья или великие герцоги Киева вели войну с различными племенами, в основном монгольского или татарского происхождения, и проникали на юг от Днепра вдоль берегов Черного моря вплоть до Кавказа; они неоднократно вторгались в Византскую империю, иногда доходя даже до пригородов Константинополя. Тогда пленные и невольники становились домашним скотом, а скот также покупали у соседних племен и ввозили на Русь.

Название скота, независимо от его происхождения, - *раб, раба*, вероятно, происходит от *rabota* - "труд". Такие *рабы* использовались для различных видов работ, но главным образом

для расчистки лесов и возделывания земли для своих хозяев. Через контакт с Византийской империей на Русь пришло христианство, а также различные другие обычаи.

В эту эпоху среди русских появилась новая форма рабства, возможно, заимствованная из старого общества и цивилизации, а возможно, возникшая в результате нового стечения обстоятельств: это было рабство по взаимному соглашению, или *кабала*, по которому один человек уступал другому свою личность, труд и свободу. Такой кабальщик назывался *холопом*. Его рабство обычно заключалось на ограниченное время, хотя иногда и на всю жизнь; оно никогда не передавалось по наследству. Долги могли быть оплачены *кабалой*.

Бедный свободный человек мог стать *холопом* по собственному желанию или отдать своих детей в *холопы*, как это было принято у всех народов, язычников и христиан. Такого *кабала-холопа*, или подневольного человека, нельзя было продать или отчуждать каким-либо образом, поскольку его рабство было ограничено определенным сроком или смертью. Иногда свободные люди выбирали кабалу, чтобы избежать худших условий. На ранних этапах развития домашней экономики встречаются свободные арендаторы, которые нанимали землю на год и более, выплачивая арендную плату (*оброк*) деньгами или обязываясь обрабатывать половину земли для владельца, а половину - для себя. Последующий закон запрещал таким свободным арендаторам заключать с землевладельцами договоры о работе или *кабале*. Контракты свободных арендаторов были обязательны в течение года со дня святого Георгия (17 апреля), но в остальное время они могли менять свое место жительства или землю по своему усмотрению. Законы десятого и одиннадцатого веков строго запрещают применять к таким свободным арендаторам любые телесные наказания. Словом, эти арендаторы обладали полной гражданской свободой и полными гражданскими правами; они могли владеть землей, становиться членами любой сельской или городской общины, заниматься любым ремеслом и т. д.

Вероятно, именно дворяне, богачи, высшие чиновники первыми завели на своих землях в качестве землепашцев движимое имущество (*рабы*). От них, кроме *раба*, произошел *крепостной холоп* - "холоп, укрепленный или прикованный к своему господину", *крепок* - "сильный", "укрепленный", "привязанный силой", *крепость* - "твердыня" и т. д. По законам, собранным или изданным Владимиром и Ярославом в X-XI веках, *рабами* и *крепостными холопами* считались потомки военнопленных, купленных в рабство и ввезенных в качестве таковых на Русь, а также потомки тех, кто безоговорочно женился на рабыне; государственными же, великокняжескими *рабами* или *рабами* считались осужденные преступники.

Сельское население России составляли свободные арендаторы на дворянских землях, отдельные свободные владельцы (*однодворцы*) и т. д., а также многочисленные сельские общины, владевшие землей на правах безусловной собственности и платившие с нее дань - скорее, государственные налоги - в княжескую казну. Со времен Ярослава и до конца XVI века ни одна десятая часть населения не находилась в состоянии *раба*, *крепостного холопа*, *крепостного* по записи или *кабалы*.

Почти бескрайние земли, составлявшие Россию, были еще не межеваны, и никакие регулярные границы не разделяли и не обозначали земельные владения. Поэтому сильным мира сего было легко посягнуть на земли сельских общин или на новые наделы, сделанные отдельными свободными людьми; такие захваты часто происходили во время внутренних войн между многочисленными князьями и во времена татарского владычества. Иуан Великий (1462-1503) приказал, чтобы тот, кто держал участок земли в бесспорном владении

в течение трех лет, становился его законным владельцем. Но даже посягательства знати не превращали свободных рабочих или арендаторов в крепостных; а когда помещик был деспотичен, целые деревни покидали его и заключали договоры на землю в других поместьях.

Пожитки (*раб, крепостной холоп*) могли быть освобождены по воле хозяина; а пленник, уведенный татарами, или военнопленный, если он был *холопом*, становился свободным, если ему удавалось вырваться из плена и вернуться в свою страну.

В XVI веке все классы сельского населения стали называться христианами (*крестьянами*), так как татары присвоили им этот титул; это название сохранилось и в настоящее время. Под властью татар сельские общины платили дань с каждой головы, и по этой причине их члены не могли менять место жительства, не предоставив гарантии общине. Но после свержения татар Иуаном Великим они вернули себе свободу обращения.

Первобытные кифские князья давали уделы своим младшим детям, а иногда таким уделом становилась свободная сельская община. Владимир, а за ним и Ярослава, разделили империю между своими детьми; так возникли довольно самостоятельные княжества Тверское, Смоленское, Вяземское и др. Число удельных князей увеличивалось; и когда, после долгой и кровавой борьбы, великие князья московские *умиротворили* всех этих мелких князей, уделы сделались частной собственностью, а сельские общины стали принадлежать князьям (*князьям*), но на тех же условиях свободы, как и общины, составлявшие государственные уделы.

В конце XVI века Борис Гуденов - амбициозный, беспринципный, но очень талантливый *парвеню* - получил власть над слабовольным царем Федором, правил при его жизни, стал регентом империи после его смерти, а в итоге - убийцей и узурпатором. Чтобы задобрить дворян и бояр, в 1593 году он издал указ (*oukase*), по которому свободным арендаторам отныне запрещалось менять своих хозяев или место жительства, и они сразу же превращались в крепостных, *adscripti glebæ*. Это первое притеснение быстро породило другие, еще более одиозные, которые не прекращались до тех пор, пока не закончились всей мерзостью скотства, оправдывая тем самым высказывание Лессинга: "Дайте дьяволу ухватиться за один-единственный волосок, и он вскоре вцепится вам в целую косу". Поэтому в 1597 году был опубликован очень строгий указ о возвращении беглых крепостных, их жен, детей и движимого имущества. Другой указ, предписывающий провести перепись всех домашних слуг, превращал в крепостных даже тех, кто за полгода до этого поступил на частную службу как абсолютный свободный человек. За исключением населения свободных коммун, составлявших царские владения, все остальное сельское население было превращено в крепостных в течение нескольких лет.

В XVII веке цари из дома Романовых подтвердили эти указивки. Однако крепостные не включались в продажу имения, не разрешалось также переводить их из одного имения в другое. Для различных форм рабства существовали свои особые обозначения, зависящие от характера труда, количества произведенной продукции или количества дней службы, взимаемых хозяином.

В 1718 году Петр I приказал провести всеобщую перепись населения по всей империи. Переписчики, скорее всего, по легкомыслию или капризу, разделили все сельское население на две части: 1-е. Свободные крестьяне, принадлежащие короне или ее владениям; и 2-й. Все остальное крестьянство, *хрестьяне* или крепостные, живущие в частных имениях, были записаны как *хрепостное холопство*, то есть как движимое имущество. Примитивная славянская общинная организация, таким образом, сохранилась

только в царском домине, и там она существует до сих пор. Перепись Петра, справедливо положив начало холопству, тут же начала развивать его во всей его неприглядности. Хозяева становились все более безрассудными и жестокими; они продавали движимое имущество отдельно от земли; они выводили его на рынок поодиночке, не обращая внимания на все семейные и общественные узы. Поместья стали оцениваться не по площади земли, а по количеству движимого имущества, которое теперь называлось душами (*duschy*). Короче говоря, все худшие черты скотства в том виде, в каком оно существует сегодня в американских рабовладельческих штатах, немедленно последовали за публикацией этой проклятой переписи.

Сельские общины в царских владениях, однако, еще сохраняли свою древнюю организацию и даже сравнительную свободу; но Петр Великий, как и все его преемники, награждал своих фаворитов или тех, кто оказывал государственные услуги, поместьями или пожалованиями земли; а поскольку такие пожалования брались из царских владений, то таким образом сотни тысяч свободных крестьян превращались в рабов. Катарина II. также раздала огромное количество таких поместий своим фаворитам, подтвердив при этом все привилегии дворянства; то же самое сделал и Павел I. Александр I. хотел освободить крестьян от этой передачи; но Николай I. в действительности был первым императором, который пожаловал поместья, исключив из них крестьян-жителей; он также издал указ, что впредь никакие сельские коммуны из доменов не должны быть пожалованы частным лицам. Павел I. в 1797 году сократил еженедельную холопскую повинность до трех дней, остальные три дня оставались в его распоряжении.

Александр I хотел освободить крепостных по всей империи, но добился успеха, и то весьма частичного, только в так называемых немецких или прибалтийских губерниях, где, кроме того, немецкие дворяне и помещики сумели еще больше обеднять крестьян после освобождения, чем до него. Александр I также запретил продажу крестьян-единоличников, как мужчин, так и женщин, отдельно от их семей; он запретил их продажу на рынках; никто не мог покупать крепостных или владеть ими, если у него не было одновременно двадцати акров земли на каждую семью. Но все эти опекунские законы были в большей или меньшей степени обойдены во время его правления. Он разрешил дворянам свободно освобождать своих крепостных, но очень немногие из них последовали примеру князя Александра Галицина и некоторых других, и не более трехсот тысяч семей были освобождены таким образом. Николай I также положительно отзывался об эмансипации и даже предпринял попытку ее проведения, но безуспешно.

В течение всего этого периода военная служба была великим двигателем эмансипации. Крепостные крестьяне, поступившие на службу, навсегда становились свободными вместе с женами и детьми. Но военная служба длилась двадцать пять или тридцать лет и зачастую была более тяжелой, чем крепостное право в деревне.

В XVII и XVIII веках крестьяне то и дело мстили за свои обиды отдельными убийствами более деспотичных хозяев и членов их семей. Случались даже частичные восстания, самое знаменитое из которых - Пугачевское при Катарине II, пронесшееся по телам убитых дворян и чиновников от гор Оренбурга до самых ворот Москвы.

Но теперь день справедливости настал и для России. Весь христианский мир прославляет усилия Александра II, поддержанные значительной частью дворянства, по возвращению свободы и усадеб двадцати миллионам крепостных крестьян. Успех великого освободительного движения не вызывает сомнений, его невозможно остановить, хотя

осуществление такой колоссальной революции требует времени и наталкивается на множество препятствий.

По примеру России даннические кочевники азиатской Тартарии освободили своих рабов и отказались от дальнейшего порабощения; Турция также вписала свое имя в великий список освободительных империй.

Таким образом, весь древний мир избавляется от рабства и пытается смыть с себя его древнее и кровавое пятно, в то время как Новый Свет, или, по крайней мере, его часть, все еще прославляет эту варварскую мерзость.

Ни один специальный закон в Польше не устанавливал крепостного права сельского населения, ни в России не превращал его в скотину. Нигде за всю историю человечества понятие справедливости и права не деградировало настолько, чтобы заранее законодательно лишить свободных или частично свободных людей их священных и неотъемлемых прав. Самые кровавые летописи человечества не сохранили ни одного подобного законодательного акта, и даже имена Нерона или Гелиогабала свободны от такого пятна. Современным поклонникам кровожадного демона-рабовладельца оставалось лишь принимать такие законы; высшему судебному трибуналу Соединенных Штатов оставалось лишь впечатать в чело правосудия, чтобы оно осталось в веках, адское решение Дреда Скотта.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[20] Название *раба* в славянском языке происходит либо от *slava*, "слава", либо от *slowo*, "глагол". Предполагается, что славяне называли себя так как имели дар речи, *глагола*, в отличие от тех, кто говорил на непонятном языке, которых они называли *niemy*, "немой", откуда *nemets*, "немец".

XXI.

На этих страницах мы не затрагиваем тему рабства у испанцев. Во времена Римской республики и империи Испания разделяла участь других провинций, таких как Галлия и т. д.; и то, что было сказано о рабстве в римском мире, относится и к ней. Результаты вторжения германцев и установления власти готов в Испании были схожи по своим последствиям с тем, что, как мы уже видели, происходило в Галлии и Италии. Едва две расы начали сливаться на испанской земле, а отношения между завоевателем и завоеванными изменяться и смягчаться, как вторжение мавров (чье господство продолжалось почти семь веков) ввергло испанцев в междоусобные войны. Длительные попытки изгнать захватчиков способствовали преобладанию людей меча; и есть все основания полагать, что неизбежные последствия войны способствовали сохранению в Испании дольше, чем в любой другой народности, возникшей на руинах Римской империи, некоторых черт домашнего рабства, кабалы и феодального владения. За окончательным изгнанием мавров с Пиренейского полуострова почти сразу последовало открытие континента Америка, образование здесь великой испанской империи и внедрение в нее африканцев в качестве домашних рабов. Чтобы освоить различные отношения собственности и холопства, рабства и подневольного состояния в Испании и на испанском материке, требуются специальные исследования, для которых, правда, у нас пока нет достаточного материала. По крайней мере, в моем

распоряжении не было ни одного такого исследования, которое, на мой взгляд, было бы окончательным и удовлетворительным. Испанские республики благородно удовлетворили надежды человечества, отменив все виды рабства и все расовые различия. Перуанская республика выплатила владельцам по триста долларов за голову каждого раба, любого возраста и обоих полов, а затем освободила их. Можно с уверенностью утверждать, что затянувшаяся политическая неразбериха, царящая в испано-американских государствах, имеет своим источником не акт освободительной справедливости, а результат совершенно иных причин. Однако они не входят в сферу интересов настоящего исследования.

Многочисленные аналогии между домашним рабством, которое практиковалось различными народами и расами в прошлом, и тем, как оно существует сейчас в наших рабовладельческих штатах, уже достаточно часто указывались. Эти аналогии неопровержимо доказывают, что рабство всегда развращает рабовладельца и все общество - какими бы ни были этнические особенности поработанной расы.

История показывает, что рабство всегда было наиболее пышным в тех странах, где общество было наиболее организовано, подобно тому, как вредные животные и растения размножаются в гниении и разложениях. Факты показывают нам, как далеко беспорядок уже проник в жизнь Юга; и он прогрессировал бы еще быстрее, если бы не очищающее и исцеляющее влияние (пусть и слабое), идущее с Севера.

Цивилизованный христианский мир со все возрастающим интересом следит за этапами политической борьбы в Американском Союзе, глубоко сочувствуя тем, кто, хотя и не может надеяться на немедленное излечение, все же стремится остановить рост фатального расстройства.^[21]

Рабство так же губительно для общества, как южные и тропические болота для человеческой жизни. И как материальная культура осушает болота, расчищает леса, делает почву плодородной, а воздух здоровым, так и моральная и социальная культура еще сделает институты этой республики богатыми и возрожденными, не омраченными присутствием раба!

Источник многих, если не всех, политических и административных расстройств в этих штатах кроется в борьбе, вызванной высокомерными и вечными посягательствами на свободу и Союз, воинствующими поклонниками рабства. Чтобы вылечить эти расстройства, необходимо *остановить рост* болезни и ее распространение на еще не зараженные территории: таков должен быть первый шаг в санитарном направлении; и первостепенный долг самосохранения требует его принятия. Весь этот вопрос о рабстве также должен быть возвращен туда, где его оставили бессмертные выразители инстинкта и интуиции Юга в отношении рабства, эти благородные патриоты - Генри, Лоренс, Вашингтон, Джефферсон, Мейсон, Рэндольф и множество других великих имен, - которые теперь преданы забвению их политическими потомками. Чтобы скрыть стервятника, пожирающего их внутренности, фанатичные сторонники рабства извращают и унижают все, что человечество, мораль, цивилизация и история признают священным.

Рабские ораторы и так называемые государственные деятели уверяют, "что никто на Юге не верит в народный суверенитет". Такое неверие вполне естественно; ведь народный суверенитет может существовать только в разумных, упорядоченных и трудолюбивых сообществах. Он существует в Свободных Штатах, и здесь свободные люди практически верят в него и поддерживают его. Но невежественное и деградировавшее население, состоящее из олигархов, угнетателей и рабовладельцев, никогда не было способно осуществлять народный суверенитет, а следовательно, нигде и никогда не могло верить в

него: варвары обычно не доверяют цивилизации. Всеобщее избирательное право *не терпит* неудач в деревнях и поселках Свободных Штатов, хотя и терпит неудачи на плантациях рабов или среди так называемого свободного населения, выдрессированного и руководимого олигархами.

Человеческие институты переживают взлеты и падения - у них есть светлые и мрачные эпохи. Невежественные и развращенные массы бросают тень на всеобщее избирательное право и самоуправление; и только подлинная свобода идет рука об руку с разумом, знанием и моралью. Они также взаимно воспроизводят друг друга. Поэтому легко понять, как свобода исчезает с рабовладельческого Юга, и в нее больше не верят и не лелеют.

Многие рассматривают американский институт самоуправления как новый эксперимент; а европейские рабы и американские олигархи-рабовладельцы высказывают страшные предчувствия, что эксперимент уже провалился. Но пророчество лишь выражает их желания. Ведь этот так называемый эксперимент - всего лишь естественное, прогрессивное развитие человека, и по этой причине с каждым днем все успешнее и успешнее в Свободных Штатах. Королевства и нации старого мира сейчас усердно изучают этот эксперимент свободы и пытаются перенять его благотворные результаты. Агенты европейских правительств непрерывно изучают систему бесплатных коммунальных школ, производства, изобретения, многообразный промышленный и сельскохозяйственный прогресс Свободных Штатов. Но ни одно правительство не посылает своих посланников изучать состояние плантаций рабов, хижин рабов или загонов для рабов; ведь им хорошо известно, что благодаря действию самоуправления и всеобщему избирательному праву качественные и количественные знания получили более широкое распространение и достигли гораздо более высокого уровня в американских Свободных Штатах, чем среди всех воинствующих олигархов и рыцарей-эррантов рабства во всем мире.

Эксперимент обычно оказывается успешным, если он проводится с использованием правильно подобранных и неиспорченных материалов. Строение, возведенное на коварном фундаменте и возведенное из гнилых материалов, должно рухнуть. Построить общество и правительство, неотъемлемым элементом которого является рабство, - это совершенно новый для человечества эксперимент. Это эксперимент - попытка поставить на колени ужаснувшееся человечество перед поклонением скотству и дьявольским работоторговлей. Такой эксперимент сейчас пытаются провести апостолы рабства, и это при том, что мораль, цивилизация и история единодушно и навсегда вынесли приговор осуждению владения собственностью на человека. Цивилизованный и христианский мир обоих полушарий и всех рас единодушно наградил Джона Брауна короной мученика, павшего за дело человеческой свободы.

За одним отступлением от здоровых социальных принципов быстро следует другое; насилие порождает насилие, и это роковой генез всех угнетений и тираний. Олигархический деспотизм в рабовладельческих штатах быстро проходит все стадии, которыми индивидуальный деспотизм заполнил мрачные страницы истории. Он уже преуспел в подавлении свободы слова и даже свободы мысли, нарушении печати, цензуре прессы и сосредоточении политического контроля в руках чиновников и лакеев. Если отдельные тираны расправляются со своими жертвами с помощью специальных палачей, то закон Линча и закон толпы - хотя зачастую их исполняют заблуждающиеся "бедные белые" - столь же незаконны, как и убийства тирана, и имеют поразительную аналогию с казнями, совершаемыми агентами или военными трибуналами. Деспотизм прививает массам все

виды деградации: так, часть населения рабовладельческих государств привита рабовладельцами к невежеству и слепо исполняет их убийственные приказы. К этим заблуждающимся людям, исполняющим кровавые приказы тирана, применимы слова Христа на Голгофе: "Прости им, *ибо не знают, что делают*".

Общество, основанное на нарушении основных прав человека, никогда не может считаться свободным. Свободными людьми никогда не управляют жестокие страсти.

Несправедливость и тирания не могут отступить, они отказываются от милосердия и виновны в самых безжалостных действиях: так роковым образом в последнее время была вновь облагорожена виселица. Казни и сожжения на костре под аплодисменты невежественных и разъяренных людей не являются чем-то новым в истории, как и передача имен убийц на поругание вечности.

Человеческое общество, возможно, всегда будет подвержено, в той или иной форме, нарушениям и беспорядкам: но человечество особенно возмущается теми ужасными нарушениями, которые существуют сейчас, такими как притязания на собственность человека и торговля людьми. До тех пор, пока это требование будет зафиксировано в законе, пока рабство будет существовать как общепринятый факт, тщетными будут все попытки заглушить голос свободы, предать забвению вопрос о рабстве, изгнать его из законодательных палат или народных трибуналов. Оно будет и должно постоянно появляться на поверхности: как при телесных расстройствах, когда вирус прогрызает себе путь в глубь организма, внешние высыпания могут быть локализованы, излечены или закрыты, но они снова появляются на другом месте или атакуют другой орган, пока радикальное лечение не избавит организм от яда. Пока рабство не будет полностью уничтожено, оно всегда будет иметь первостепенное значение по отношению ко всем другим политическим вопросам, ко всем политическим осложнениям, и оно всегда будет пробивать себе дорогу во всех них. В большей или меньшей степени болезни принимают черты господствующей эпидемии. Когда несколько болезней сочетаются друг с другом, врач сначала пытается вылечить наиболее вирулентную и опасную. Этот вопрос о рабстве должен иметь решение; и напрасно слабоумные отрицают существование пожирающего беспорядка или пытаются его излечить с помощью жалких ухищрений.

Человечество с благодарностью приветствовало бы даже промежуточный шаг от абсолютного рабства к эмансипации или любую государственную меру, предвещающую намерение рабовладельческих государств стать гуманными. Прежде всего, пусть они признают за рабом священные, неотчуждаемые, естественные права человека и семьи; затем пусть откажутся от работорговли и тем самым избегут разделения мужа и жены, родителей и детей. Даже превращение рабов в крепостных, в *adscripti glebæ*, было бы облегчением и радостным признаком прогресса. Конечно, существуют экономические препятствия, которые стоят на пути к немедленной и абсолютной эмансипации. Освобожденные могли бы быть заинтересованы в труде, в земле и в свободе, владея усадьбами, даже если бы они оставались под контролем своих хозяев. Благородные примеры, поданные Пруссией и Россией в Европе, а также Англией в ее вест-индских владениях, могут быть изменены и адаптированы к обстоятельствам и особым условиям. Но нынешние поборники рабства никогда не прислушаются ни к мольбам человечества, ни к предостережениям истории; они намеренно готовят извержения вулканов для грядущих поколений.

Ораторы, выступающие за рабство, иногда становятся витиеватыми, сентиментальными и идиллическими в своих восхвалениях и прославлениях рабства. Но газообразные речи исходят не от энергичных или здоровых умов. Газ обычно образуется из веществ,

находящихся в процессе разложения. Потомство чтит только имена ораторов, отстаивающих святое дело или великую идею, действующих под влиянием великодушных побуждений, защищающих права и свободы человека и клеймящих позором любой вид угнетения.

С каждым днем свобода все прочнее и прочнее утверждается в Европе. Каждая нация старого континента сегодня пользуется большей свободой, чем в день рождения Американской республики. Беспорядки, накопившиеся за бесчисленные века, медленно, но все же непрерывно тают дыханием вечно бодрого духа человечества. После длительного опыта страданий старая Европа много веков назад избавилась от домашнего рабства.

Но то, что цивилизация и человечество считают своими величайшими страданиями, в Новом Свете поддерживается как благословение Молодой Республикой. Печаль и даже отчаяние охватывают разум, когда видишь, как самая высокая и лучшая социальная структура, когда-либо воздвигнутая человеком, разрушается до основания святотатственными поборниками человеческого рабства!

ССЫЛКИ:

[21] То, что в обычной политике называется "партией", "целесообразностью", никогда не оказывало ни малейшего влияния на мои убеждения или действия - события не раз предоставляли мне возможность пожертвовать принципом некоторые стороны моего существования. Сейчас я использую свое право американского гражданина, голосуя за "Республиканский" билет, тенденции и действия этой организации удовлетворяют моим убеждениям. Но за исключением нескольких личных друзей, лидеры партии, будь то в этом городе, штате или Союзе, едва ли известны мне даже по имени.

КОНЕЦ.